

*Российская академия наук
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 65 № 8 Август

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

*Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*

Главный редактор

А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В. Андрефф (Ун-т Парижа, Сорбонна-1, Франция), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва), А.Г. Большаков (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Казань), Ю.А. Борко (Институт Европы, Москва), Л. Бреннан (Тринити Колледж, Ирландия), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва), А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва), С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Э.В. Кириченко (ИМЭМО, Москва), Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), Ю.А. Красин (Институт социологии, Москва), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), Ли Юнцюань (Университет Китайской академии общественных наук, Пекин), К. Лиухто (Ун-т Турку, Финляндия), Г. Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия), В.С. Мартыанов (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург), А. Мальхотра (Институт энергии и ресурсов, Индия), Е.В. Морозова (Кубанский государственный ун-т, Краснодар), В.П. Оболенский (Институт экономики, ИМЭМО, Москва), Г.М. Олевский (Латвийский государственный ун-т, Латвия), К. Росс (Университет Данди, Великобритания), А. Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов (“МЭ и МО”, Москва), Н. Симотомай (Ун-т Хосей, Япония), А. Стент (Джорджтаунский ун-т, США), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва), Л.А. Фадеева (Пермский государственный ун-т, Пермь), П. Фердинанд (Уорикский ун-т, Великобритания), Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай), К.К. Худoley (Санкт-Петербургский государственный ун-т, Санкт-Петербург), Ю.Г. Чернышов (Алтайский государственный ун-т, Барнаул), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

*Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83*

Электронная почта: metojournal@mail.ru, metojournal@imemo.ru

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
“Мировая экономика и международные отношения”, 2021

*Russian Academy of Sciences
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations*

**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS**
(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

2021 Vol. 65 No. 8 August

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 0131-2227

*The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems
and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), ANDREFF W. (University Paris I Pantheon Sorbonne, France), BARANOVSKY V. (IMEMO, Moscow), BOL'SHAKOV A. (Kazan' (Privolzhskii) Federal University, Kazan), BORKO Y. (Institute of Europe, Moscow), BRENNAN L. (Trinity College, Ireland), VOITOLOVSKY F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow), ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg), KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), KIRICHENKO E. (IMEMO, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow), KRASIN Y. (Institute of Sociology, Moscow), LARIN V. (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok), LI YONGQUAN (University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing), LIUHTO K. (University of Turku, Finland), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria), MART'ANOV V. (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg), MALHOTRA A. (The Energy and Resources Institute, India), MOROZOVA E. (Kuban' State University, Krasnodar), OBOLENSKIY V. (Institute of Economics, IMEMO, Moscow), OLEVSKY G. (Latvian State University, Latvia), ROSS C. (University of Dundee, UK), ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A. (MEMO Journal, Moscow), SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT A. (Georgetown University, USA), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow), FADEEVA L. (Perm' State National Research University, Perm), FERDINAND P. (University of Warwick, UK), FENG SHAOLEI (East China Normal University, Shanghai), KHUDOLEY K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg), CHERNYSHOV Y. (Altai State University, Barnaul), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow)

Office Manager E. RUBTSOVA

*Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
Tel.: +7-499-128-08-83*

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

2021, Том 65, Номер 8

Мир в начале тысячелетия

Конкуренция сегодня: процесс или результат? <i>Н. Розанова</i>	5
Конкуренция современных финансовых конгломератов <i>С. Дубинин</i>	14

Экономика, экономическая теория

Сервитизация промышленности: новая реальность <i>В. Кондратьев, Г. Кедрова, В. Попов</i>	22
---	----

Тихоокеанская Азия: перспективы развития

Южная Корея и американская стратегия свободной и открытой Индо-Пасифики <i>О. Давыдов</i>	31
Национальная безопасность и развитие в стратегических приоритетах Республики Корея и Японии <i>А. Федоровский, В. Швыдко</i>	41
Перспективы сотрудничества России и Республики Корея в области больших данных, сети и искусственного интеллекта для развития цифровой экономики <i>Ючжон Ким</i>	51

Европа: новые реалии

Взаимоотношения ФРГ с государствами Северной Африки <i>Ф. Трунов</i>	61
Пандемия <i>COVID-19</i> как вызов франко-германскому лидерству в ЕС <i>П. Тимофеев, М. Хорольская</i>	72

Китай: внутренняя и внешняя политика

Китай на мировых рынках капитала <i>М. Потапов, Н. Котляров</i>	81
--	----

Арктика: новый регион мировой политики

Цели и задачи государственной политики Республики Корея в Арктике <i>Х.-Г. Со, Ч.-К. Пак, И. Чистов</i>	90
--	----

Современные проблемы развития

Христианские церкви и антиидентистская революция <i>Р. Лункин, С. Филатов</i>	97
--	----

Политика и общество

Авторитаризм XXI века: анализ в институционально-целевой парадигме <i>Ю. Нисневич</i>	109
“Рассоединенное королевство”: мусульманская диаспора Великобритании в научном дискурсе <i>М. Сигачёв, С. Артеев</i>	120
Политизация этничности и смежные феномены <i>П. Осколков</i>	131

CONTENTS

2021, Vol. 65, No. 8

The World at the Beginning of Millennium

Contemporary Competition: Process or Result? <i>N. Rozanova</i>	5
The Modern Financial Conglomerates Competition <i>S. Dubinin</i>	14

Economy, Economic Theory

Servitization of Industry: New Evidence <i>V. Kondrat'ev, V. Popov, G. Kedrova</i>	22
---	----

Pacific Asia: Prospects for Development

South Korea and the U.S. Strategy of Free and Open Indo-Pacific <i>O. Davydov</i>	31
National Security and Development as Strategic Priorities of the Republic of Korea and Japan <i>A. Fedorovsky, V. Shvydko</i>	41
Prospects for Cooperation Between Russia and the Republic of Korea in the Fields of Big Data, Network and Artificial Intelligence for the Development of the Digital Economy <i>Yujeong Kim</i>	51

Europe: New Realities

Relations between Germany and the Countries of North Africa <i>Ph. Trunov</i>	61
COVID-19 Pandemic as a Challenge to Franco-German Leadership in the EU <i>P. Timofeev, M. Khorolskaya</i>	72

China: Domestic and Foreign Policies

China in Global Capital Markets <i>M. Potapov, N. Kotlyarov</i>	81
--	----

Arctic: New Region of World Policy

Goals and Objectives of the State Policy of the Republic of Korea in the Arctic <i>H.-K. Seo, J.-K. Pak, I. Chistov</i>	90
--	----

Contemporary Problems of Development

Christian Churches and the Antiidentist Revolution <i>R. Lunkin, S. Filatov</i>	97
--	----

Politics and Society

Authoritarianism of the 21st Century: Analysis in the Institutional Purpose Paradigm <i>Y. Nisnevich</i>	109
“A Disunited Kingdom”: the Muslim Diaspora of Great Britain in Scientific Discussion <i>M. Sigachev, S. Arteev</i>	120
Politicization of Ethnicity and Related Phenomena <i>P. Oskolkov</i>	131

КОНКУРЕНЦИЯ СЕГОДНЯ: ПРОЦЕСС ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ?

© 2021 г. Н. Розанова

РОЗАНОВА Надежда Михайловна, доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ), РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20 (nrozanova@hse.ru).

Статья поступила в редакцию 18.11.2020.

Цифровая экономика вносит существенные изменения в организацию бизнеса, в межфирменные взаимодействия, стратегическое поведение компаний и устройство рынка. Какие формы конкуренции в новых условиях утрачивают свое значение, а какие приобретают наибольшую значимость в условиях цифровизации? Какие цифровые практики ограничивают конкуренцию, а какие – ее усиливают и стимулируют? Ответы на эти вопросы, данные на основе обобщения актуальных российских и зарубежных исследований, позволяют сформировать концептуальный подход к конкуренции как особому явлению в цифровую эпоху.

Ключевые слова: конкуренция, цифровизация, конкурентное поведение.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-5-13

Цифровая реальность привела к значительным изменениям в организации бизнеса, в экономическом поведении участников рынка, в структуре межфирменных взаимодействий. Одни бизнес-модели и бизнес-практики отмирают или меняют свою важность, на смену им приходят новые формы активности, многие из которых только-только получают наименования. Цифровизация меняет наше представление о границах рынка, о релевантных субъектах¹ и объектах рыночного воздействия, о характеристиках товара и о самой природе конкуренции. Российские и зарубежные исследователи активно наблюдают за экономическими метаморфозами цифровой эпохи, проводят эмпирический и теоретический анализ выявляемых закономерностей. В этой области в научной литературе накопился существенный объем работ по отдельным отраслям и ключевым компаниям экономики, который нуждается в обобщении и теоретическом осмыслении.

НОВЫЕ ФОРМЫ КОНКУРЕНЦИИ

Что такое современная конкуренция: процесс созидательного разрушения (в духе Й. Шумпетера) или недобросовестная практика подавления соперников по рынку? Переход конкуренции в онлайн-формат сопровождается разнонаправленными последствиями. С одной стороны, соперничество фирм усиливается. Этому способствуют низкие издержки поиска товара и сопоставления цен на одни и те же товары от разных компаний,

¹ Участники рынка – компании, индивиды, государство; в цифровом мире не всегда ясно, какая компания или данный индивид уже стали участниками цифрового рынка или еще нет.

отсутствие географической дифференциации в условиях глобального электронного рынка, низкие барьеры входа для новых участников в связи с минимальными затратами на организацию e-бизнеса.

Вместе с тем Интернет может смягчать конкурентное давление путем изобретения новых форм продуктовой дифференциации. В онлайн-формате более значимой оказывается роль репутации фирмы, что требует дополнительных затрат на ее поддержание. Кроме того, в сети легче проводить маскировочные стратегии, то есть показывать фантомные товары и фантомные планы, “напускать туману” на все действия фирмы, что резко увеличивает издержки поиска для клиентов. Какой же эффект – “за” или “против” конкуренции – здесь доминирует?

Эмпирическое исследование e-бизнеса в сфере продажи продуктов питания и книг в Германии показало, что онлайн-продавцы ежегодно захватывают не менее 0.7% рыночной доли офлайн-фирм [1, р. 94], а рыночные цены и прибыли под действием виртуального соперничества падают. Вывод: онлайн-конкуренция становится в целом более жесткой, несмотря на наличие противодействующих факторов.

В цифровом мире важную роль играет процесс онлайн-поиска товара, и фирмы разрабатывают особые механизмы категоризации своей продукции. Поиск затрудняется и становится более сложным из-за того, что компании выбирают продуктовые категории, к которым считают целесообразным отнести свои изделия, на основе тщательно продуманной стратегии. Большинство поисковых запросов в интернете делается по ключевым словам. Ключевые слова (хэштеги), которые

ми фирмы определяют свои товары в электронном пространстве, выступают в качестве инструментов таргетирования.

Так как выбор продуктовой категории превращается в эффективный инструмент активной информационной политики компании в виртуальном пространстве, для продвижения товара, который с трудом можно отнести к рекламируемой категории, могут умышленно формироваться искаженные сигналы. Товары высокого качества скорее попадут в общую категорию, а низкого — будут отнесены к узкому продуктовому сегменту. Например, на цифровом рынке подержанных автомобилей более дешевые модели рекламируются под своими собственными автомобильными брендами (*Renault, Toyota, Skoda* и т. д.), а модели люксового класса объединяются в один общий сегмент роскошных автомобилей [2].

Цифровизация переводит конкуренцию в область брендов. Не товары и не продуктовая дифференциация сами по себе, а бренды в настоящее время превратились в фактор выбора потребителем приобретаемого изделия [3]. В Интернете создаются сообщества тех или иных брендов, стратегии продвижения бренда включают в себя эмоциональные, когнитивные и социальные элементы [4]. Онлайн-формат позволяет проводить геймификацию² на основе знания брендов.

Цифровая реальность порождает такую бизнес-модель, как *O2O (online-to-offline)*: встраивание офлайн-бизнеса в онлайн-платформу. Например, реклама ресторана в Интернете привлекает больше клиентов не только в части заказов с доставкой, но и с точки зрения роста посещаемости самих заведений; онлайн-информация о косметических средствах, одежде и обуви способствует привлечению потребителей в реальные магазины; цифровые платформы обеспечивают подбор машин такси и пассажиров. Эмпирическое исследование взаимодействия двух крупнейших фирм-перевозчиков *Didi* и *Kuaidi* в Китае за период 2012–2015 гг. показало [5], что *O2O*-конкуренция способствует снижению цен для обеих сторон рынка, как для поставщиков услуг такси, так и для индивидуальных клиентов. И чем сильнее выражен сетевой эффект, тем значительнее падение цен.

Происходит отказ от традиционной концепции “больше конкуренции — лучше для потребителя”. Как показывают исследования [6], конкурентное давление приводит к развитию особого формата продуктовой дифференциации — таргетированно-

² В качестве объектов игры и приза для победителя могут выступать брендовые товары, пространство игрового взаимодействия охватывает производственный или торговый зал компании, игроки выступают под псевдонимами известных брендов.

му продукту. В отличие от классической круговой модели продуктовой дифференциации С. Салопы [7], где фирмы ориентируются на промежуточные варианты характеристик продукта для охвата как можно более широкого круга клиентов, сегодня компании выбирают стратегию адаптации товара к ограниченному кругу потребителей. Чем выше степень таргетирования продукта (и соответственно уже круг потенциальных клиентов), тем ниже ценовая эластичность спроса и слабее ценовое соперничество [8]. Посредством целенаправленного дизайна товаров и услуг фирмы смягчают ценовые войны. В итоге конкуренция ведет не к падению, а к росту рыночной цены.

Эффект таргетирования под действием монополистической конкуренции был отмечен в отрасли быстрого питания [9, 10], на рынках лекарственных препаратов [11], в отрасли кабельного Интернета [12]. Вместе с тем избыточное, с точки зрения потребителя, товарное разнообразие усложняет процесс поиска нужного товара. Когда целью (*target*) фирмы становится едва ли не единственный покупатель, чрезмерное дробление приводит к новому витку ценовой конкуренции, а таргетирование выступает в качестве нового драйвера ценовой войны. В результате рыночные цены могут неожиданно и резко снизиться. Неоднозначное действие такой стратегии означает, что конкурентное воздействие отходит от монотонного шаблона и приобретает нелинейный характер со своими пиками и падениями цен [6].

Еще одна характерная черта современной конкуренции — оперативность изменения параметров товара³. ИКТ позволяют фирмам видоизменять продуктовые свойства, перемещать, перестраивать, реконструировать отдельные элементы товаров и услуг с той же скоростью, с какой меняются цены на рынке [13]. Цена и качество товара — теперь уже не комплементарные (взаимодополняющие), а взаимозаменяющие компоненты продукта. Цифровизация приводит в действие разнообразные механизмы воздействия на потенциальных покупателей. Получил распространение мультисенсорный маркетинг [14] с использованием аудиовизуальных, тактильных и даже обонятельных инструментов⁴.

³ Параметры товара включают в себя не только потребительские качества, но и упаковку, время продажи и многое другое, что потребитель связывает с понятием товара. Эти параметры сегодня изменяются довольно быстро, практически в реальном времени. При появлении интереса со стороны потребителя фирма гибко подстраивается под индивидуальные предпочтения клиента.

⁴ Цифровизация — это не только и не столько про традиционный Интернет, цифровизированные магазины становятся пространством интернет-вещей, где цифровые технологии, имитирующие звук, цвет, вкус, запах и тактильные ощущения, воздействуют на потребителя непосредственно в процессе выбора товара.

В условиях все более сложной продуктовой дифференциации соперничество фирм может приводить к весьма непредвиденным результатам. Согласно традиционной модели, конкуренция сопровождается появлением новых поставщиков товара или услуги, что расширяет возможности выбора для потребителей. Однако пример рынка семейных докторов в Великобритании [15] показывает, что, хотя рост локальной конкуренции и ассоциируется у клиентов с лучшим качеством (что приводит к росту их удовлетворенности), это не подтверждается объективной клинической картиной.

Как реагируют фирмы на усиление конкурентного давления? Какую стратегию выбирают компании для смягчения соперничества? Эмпирическое исследование промышленных и торговых фирм Великобритании за период 1995–2007 гг. демонстрирует зависимость рыночной стратегии от типа конкуренции [16]. При конкуренции среди игроков одной и той же отрасли фирмы ориентируются на стратегию неродственной диверсификации. Интенсивность гомогенной конкуренции заставляет компании расширять активность в новых, не связанных с базовыми продуктами видах деятельности. Чем дальше от базового продукта новая сфера, тем меньше риск инвестиционной ловушки, который усиливается вместе с ростом конкуренции. Если же конкуренция становится гетерогенной, возникающей вследствие соперничества разнородных игроков на многопродуктовых рынках, фирмы выбирают стратегию дальнейшего использования своей первоначальной ресурсной базы за счет родственной диверсификации.

МНОГОГРАННОСТЬ КОНКУРЕНТНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Современная конкуренция охватывает самые разнообразные аспекты поведения компании, которые ранее не входили в пространство соперничества участников рынка. В их числе многопараметрический выбор качества продукта, охватывающий не только и не столько содержание товара, сколько форму его подачи покупателю (упаковка, дополнительные услуги, доставка, наличие аксессуаров); местоположение продавца по отношению к клиенту; степень инновационности и экологичности.

В современном мире цена играет репутационную и сигнальную роль, обеспечивая лояльность клиентов к магазину и фирме-продавцу, конкурентное давление ощущается не в области цен (которые практически не меняются), а в сфере продуктового ассортимента. Так, исследование розничного рынка алкогольной продукции в США после его дерегулирования в 2012 г. показало, что, несмотря на рост конкуренции, фирмы не корректируют свои цены. В течение года после принятия

закона о дерегулировании колебания цен составляли всего 9% между магазинами разных торговых сетей и только 3% — внутри сети. В то же время разброс числа товарных наименований составил 47% между сетями и 18% внутри сетей [17, pp. 8-9]. Например, один из пяти продуктов, представленных в небольших магазинчиках, не продавался в крупных супермаркетах. Благодаря дерегулированию продуктовой ассортимент вырос в среднем на 7% внутри розничных сетей на локальном рынке и на 35% — на национальном [17, p. 29].

Стратегическая реакция конкурентов различается в зависимости от размера рынка и вида товара. Исследование ценовых и неценовых эффектов было проведено в США [18, 19] за период 2001–2011 гг., когда крупнейший оптовик — фирма *Costco* — предпринимала вход на розничные рынки бакалейных товаров. Наблюдалась различная реакция фирм-старожилов на крупных и мелких рынках. Там, где товары отличались длительным периодом хранения, цены увеличились, а ассортимент продукции сократился. В сегменте скоропортящихся товаров цены снизились, ассортимент увеличился.

Проблема конкуренции на рынках услуг заключается в наличии расхождения между физическим (астрономическим) и воспринимаемым (когнитивным) временем [19]. Фирмы-поставщики и клиенты-потребители ориентируются на физическое время работы при оценке стоимости услуги. Однако многие работники (особенно представители “синих воротничков” — непосредственных исполнителей заказов) руководствуются своим когнитивным восприятием длительности выполнения работы. Противоречие между реальным и воспринимаемым временем создает ценовые коллапсы и нелинейную динамику цен. При небольшом реальном превышении физического времени выполнения заказа сотрудник может воспринимать дополнительный период работы как неадекватную перегрузку и требовать значительного увеличения оплаты своего труда. Поскольку в точности рассчитывать и тем более сбалансировать физическое и когнитивное время не представляется возможным, фирмы вынуждены резко поднимать цену услуги даже (и тем более) при большой конкуренции на продуктивном рынке.

Нацеленность правительств многих стран на создание и поддержание общества благосостояния привела к появлению такого явления, как управляемая конкуренция (*managed competition*). Государство объявляет конкурс на предоставление субсидий (например, в сфере страхования жизни и здоровья [20]). Фирмы конкурируют за доступ и размер государственных субсидий по тем параметрам, которые устанавливает государство. Таким

образом, оно само становится активным участником рынка, а не только его администратором.

Допуск международных фирм на национальные рынки усиливает конкурентные начала в экономике, поскольку новые глобальные игроки расширяют границы рынка, привлекают на рынок новых клиентов, создавая тем самым положительный эффект и для национальных компаний. Международные фирмы способствуют распространению делового опыта и бизнес-знаний, что выводит конкуренцию на новый качественный уровень [21].

Цифровизация в условиях глобализации облегчает использование параллельного импорта. Параллельная торговля особенно значима в фармацевтической отрасли. Типичный пример – иск британской *Glaxo Group* против *Dowelhurst* [22]. *Glaxo* продавала лекарственные препараты в африканских странах по заниженным ценам. А *Dowelhurst*, через которую осуществлялись продажи в Африке, приобретала товар в том числе для последующей перепродажи (реимпорта) в Великобританию.

Воздействие параллельной торговли на инновации в высокотехнологичных отраслях, как показывают исследования [23], двоякое. С одной стороны, понятно возмущение компании-производителя действиями реимпортеров, поскольку параллельная торговля снижает для нее возможности проводить ценовую дискриминацию (что в свою очередь ограничивает стимулы к инновациям).

С другой стороны, параллельная торговля действует как противовес государственной политике администрирования цен. Появление дополнительной продукции на базовых рынках стран-производителей ограничивает мотивацию государства административно назначать слишком низкие цены и вводить другие виды ценовых ограничений, поскольку реимпортируемые товары продаются по более высоким, чем государственные, ценам, хотя и ниже монопольных цен производителей. Тем самым параллельная торговля уменьшает воздействие государства на экономику, что теоретически должно положительно влиять на частные стимулы к инновациям.

Кто такой потребитель цифровой эры? Исследования показывают, что, с одной стороны, “цифровые” потребители обычно выступают как пассивные клиенты, которые подвергаются разного рода манипуляциям со стороны крупных компаний [24]. Цифровые платформы собирают и активно используют большие массивы информации о предпочтениях и поведении своих клиентов. Однако не всегда этот механизм действует в интересах самих потребителей. Якобы бесплатные цифровые услуги оплачиваются тем, что клиенты пишут в соцсетях комментарии к приобретенным товарам, дают рекомендации, анализируют пред-

ложения фирм. Это позволяет компаниям разрабатывать более эффективные персонализированные рекламные предложения и направлять клиентов в желаемую для них сторону рынка. “Цифровые” потребители чаще обычных подвергаются манипуляциям, дискриминации, контролю и прямому обману. Однако, с другой стороны, они легко и быстро учатся на своих ошибках и трансформируются из зависимых получателей онлайн-контента в достаточно опытных покупателей, которые могут противостоять агрессивности цифровых фирм.

КОНКУРЕНТНЫЙ МЕХАНИЗМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Традиционно конкуренция понималась как марковский стохастический, случайный процесс. Современные исследования демонстрируют более сложную природу конкурентного механизма. Диалектика конкуренции формирует циклы созидательной и разрушительной фаз соперничества в духе неошумпетерианства: инновации – перегрев – застой – новые инновации [25]. Правильное соотношение новаторства и консерватизма обеспечивает оптимальный устойчивый экономический рост.

Некоторые исследователи [26] полагают, что в цифровой среде характер конкуренции меняется кардинальным образом. Фирмы ориентируются на контент-анализ и “большие данные”, делают акцент на выявлении позитивной, негативной или нейтральной тональности высказываний клиентов в социальных сетях, на интернет-форумах и в блогах. В этой связи едва ли не главным направлением соперничества становится конкуренция за мнение потребителей, управление степенью эмоциональности по отношению к продукции компаний. Пространство конкуренции расширяется и затрагивает сферу психологических, эмоциональных и даже бессознательных реакций людей.

Вместе с тем говорить о смягчении или ослаблении конкуренции в сетевой среде не приходится. Дискуссия российских экономистов о том, какой элемент конкурентного противоборства преобладает в современных условиях – конкурентная самоорганизация [27] или упорядочивающая роль государственного вмешательства [28], – пока не получила окончательного завершения.

Отмечается устаревание традиционной отраслевой парадигмы “структура – поведение – результативность”, доминировавшей в 1950–1990-х годах, ее неприменимость для анализа конкурентных взаимодействий в XXI в. [29]. Если раньше исследователи полагали, что данная концепция подходит для анализа любых сфер деятельности, то теперь все большее влияние приобретает точка зрения на

специфичность природы отраслевой конкуренции. Вследствие различий в величине невозвратных затрат и фиксированных издержек (расходы на выбор местоположения, инфраструктуру, ИКТ, методы стимулирования сбыта), степени сетевых эффектов и эффектов глобализации, по-разному проявляющихся в различных отраслях, интенсивность конкуренции неодинакова по отраслям экономики, что требует специфического для каждой из них инструментария рыночного анализа.

Обычно считается, что чем больше поставщиков у какой-либо фирмы, тем ближе цена поставки к конкурентной. Однако современная практика это не подтверждает [30]. Даже при формально большом числе соперничающих компаний эффективной конкуренции не получается, поскольку фирма-клиент или фирма-поставщик использует механизм персонализированных цен. Каждому контрагенту предлагается индивидуальный контракт по принципу “бери или уходи” (*take-it-or-leave-it*) со своими условиями поставки и цены. Благодаря цифровизации и применению инструментария “больших данных” подобные контракты требуют минимального времени и затрат на разработку.

Конкуренция цифровых платформ может усиливать конкурентное начало в экономике и уменьшать моральный риск, связанный с информационной асимметрией. Благодаря им многие традиционные виды деятельности (например, заказ такси [31]) подвергаются более тщательному мониторингу, происходящему в реальном времени. Создание рейтингов покупателей и/или продавцов (поставщиков) позволяет улучшить прозрачность рынка. Цифровые каналы приема жалоб сокращают затраты недовольных и/или неудовлетворенных клиентов на выражение своего мнения об оказанной услуге. Цифровизация ускоряет и усиливает обратную связь от клиентов. Все это снижает издержки для покупателей.

Когда речь идет о сложных продуктах (технически, социально или институционально замысловатые товары и услуги), информационная асимметрия заставляет покупателей прибегать к помощи экспертов, прислушиваться к “сарафанному” радио либо приобретать изделие на свой страх и риск. Традиционно экономическая теория относит подобные ситуации к разряду монопольных, когда продавец извлекает информационную ренту вследствие слабой переговорной позиции клиента.

Развитие информационных технологий и механизмы искусственного интеллекта могут смягчать возникающие здесь монопольные эффекты. Эмпирическое исследование американского рынка страхования жизни и здоровья за период 2015–2017 гг. показало, что в среднем ориентиро-

вание на мнение экспертов, разброс которых был весьма велик, стоило потребителям дополнительных 1260 долл., а выбор страхового продукта на основе рекомендаций искусственного интеллекта способствовал снижению затрат на 278 долл., причем разбор “советов” здесь оказался минимальным [32, р. 4]. Тем самым выбор потребителя перестает быть оптимальным, конкуренция на рынке усиливается, монопольные эффекты ослабевают, а то и исчезают полностью.

Многогранность конкуренции в цифровой экономике заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к теории, уточняя механизм ее действия. Традиционно считается, что межфирменное соперничество сопровождается более эффективным перераспределением ресурсов в пользу наиболее эффективных компаний и самых доходных инвестиционных проектов. Менее эффективные конкуренты в теории должны были бы уходить с рынка.

Происходит ли в результате конкуренции действительно перераспределение долей фирм на рынке от менее к более производительным? Эмпирический анализ разных отраслей зарубежными исследователями (например, производства строительных материалов [33] и цемента [36], сталелитейной отрасли [34, 35]) не подтверждает этого. Количественный анализ российских промышленных предприятий за период 2006–2017 гг. [37] также показал сравнительно небольшое значение рыночного отбора в нашей стране.

В чем же тут дело? Традиционно считалось, что, если мы перенесем фирму в более конкурентную среду, ее эффективность возрастет. Почему? Рассматривалось несколько эффектов. Во-первых, как отмечали еще Дж. Хикс (1935 г.) [38], Х. Лебенстин (1966 г.) [39] и Дж. Стиглер (1976 г.) [40], речь идет об “эффекте менеджеров”. Более сильное конкурентное давление создает для корпораций стимулы к более тщательному наблюдению за деятельностью менеджеров. Конкурентные рынки создают положительные внешние информационные эффекты, менеджерам невыгодно приобретать негативную репутацию, а компаниям нерентабельно раздувать штат управленцев, поскольку они заинтересованы в снижении расходов на них.

Во-вторых, Б. Холмстрем (1982 г.) [41] и К. Шмидт (1997 г.) [42] предложили агентскую теорию конкуренции, согласно которой конкуренция увеличивает риск банкротства и полной ликвидации неэффективной фирмы, что приводит к увольнению менеджеров и опять-таки наносит ущерб их репутации. В-третьих, мы можем наблюдать эффект перехвата бизнеса (*business-stealing effect*) [43]. Фирмы с меньшими затратами способны предложить клиентам более низкие цены. В ре-

зультате покупатели переходят к ним, а не столь эффективная компания уходит с рынка.

Как можно заметить, все эти механизмы конкуренции действуют через менеджеров. Реаллокация ресурсов происходит не непосредственно вследствие конкурентного давления, а косвенным образом, через восприятие острой фазы соперничества управляющими компании, которые и принимают решение о реорганизации фирмы. Если менеджеры могут поддерживать свою компанию на плаву без лишних организационных усилий, которые требуются для кардинальной трансформации неэффективной структуры, они, скорее всего, воспользуются этой опцией. И в этом им поможет система образования!

Как ни парадоксально, хорошая подготовка современных менеджеров может иметь непредсказуемые негативные последствия. С одной стороны, как показывают исследования, они лучше подготовлены для поиска и использования рыночных ситуаций, где их фирмы могут завоевать прочное положение на рынке [29]. Они также обладают высокопрофессиональными навыками в поисках новых источников монопольного положения для своих компаний. С другой стороны, наем молодых менеджеров осуществляется по большей части на основании их дипломов об образовании, а не бизнес-опыта. Лучшее образование для менеджеров становится драйвером монополизации рынков, а традиционные форматы конкурентного влияния на менее эффективные компании перестают работать.

Все большее число теоретических и практических работ выявляют нелинейную природу современной конкуренции. Взаимосвязь между уровнем прибыльности фирм, числом активных участников рынка (силой конкуренции) и минимальным критическим размером рынка (минимальным объемом спроса, необходимым для достижения точки безубыточности у активных игроков рынка) не выглядит монотонно линейной [44]. Она, скорее, имеет характер ломаной, бугорообразной кривой, что доказывается эмпирическими исследованиями в банковской сфере [45], среди услуг больниц [46], в сфере широкополосного Интернета [47], на рынке СМИ [48] и телевизионного вещания [49]. С увеличением числа фирм на рынке первоначально возрастает его минимально критическая доля (объем продаж, число клиентов, потенциал спроса), необходимая для безубыточного входа еще одного конкурента. Лишь после некоторого периода времени эта доля начинает стабильно убывать [44]. Таким образом, формируется “горб” конкуренции.

Интенсивность конкуренции и входа новых конкурентов на рынок влечет за собой два противоположных эффекта. С одной стороны, новые игроки увеличивают предложение на рынке, что способствует снижению цены и понижению прибыльности деловых операций. С другой стороны, для достижения безубыточности конкурентам требуется большая доля рынка, естественно, они вынуждены задействовать больший объем продаж, чтобы выйти хотя бы на точку безубыточности своего бизнеса.

Можно ли считать конкуренцию саму по себе благом для экономики? Сегодня на данный вопрос экономисты однозначно дают отрицательный ответ. Исследования [50] демонстрируют значимые негативные последствия чрезмерной конкуренции, такие как низкое качество продукции, уменьшение объема предоставляемых услуг, неэтичное бизнес-поведение.

Цифровизация породила новые формы отрицательных проявлений конкурентного процесса – высказывания в социальных сетях, блогах, на форумах в Интернете. Появляются как публичные жесткие и эмоционально окрашенные высказывания управляющих конкурирующими компаниями – рекламные баттлы, “обмены любезностями” в соцсетях, так и анонимные враждебные и, возможно, унижающие комментарии со стороны якобы “покупателей” по отношению к товарам конкурентов. Пренебрежительное отношение к конкурирующей фирме и ее продукции, которое могут формировать социальные сети и сообщения в открытом онлайн-пространстве, серьезно подрывает репутацию брендов и компаний, причиняя значительный ущерб лояльности потребителей. Так как многие высказывания анонимны и подаются на форумах под видом советов покупателям, подобные неэтичные действия не подпадают под антимонопольное законодательство.

* * *

Цифровой формат современной деловой жизни изменяет формы межфирменного соперничества, конкурентный процесс в целом и конечный результат взаимодействия компаний. Конкуренция сегодня – это сложный, многомерный и многогранный механизм, сочетающий интерактивные офлайн- и онлайн-технологии. С его помощью фирмы, потребители (в частности, путем высказываний в социальных медиа) и государство манипулируют рынком для достижения своих целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Gebhardt G. Measuring the Competitive Impact of the Internet: Evidence from a Natural Experiment in Broadband Access. *International Journal of Industrial Organization*, 2018, vol. 57, pp. 84-113.
2. Fershtman C., Fishman A., Zhou J. Search and Categorization. *International Journal of Industrial Organization*, 2018, vol. 57, pp. 225-254.
3. Gupta S., Gallear D., Rudd J., Foroudi P. The Impact of Brand Value on Brand Competitiveness. *Journal of Business Research*, 2020, vol. 112, pp. 210-222.
4. Xi N., Hamari J. Does Gamification Affect Brand Engagement and Equity? A Study in Online Brand Communities. *Journal of Business Research*, 2020, vol. 109, pp. 449-460.
5. Wang S., Chen H., Wu D. Regulation Platform Competition in Two-sided Markets under the O2O Era. *International Journal of Production Economics*, 2019, vol. 215, pp. 131-143.
6. Gonzalez-Maestre M., Granero L. Competition with Targeted Product Design: Price, Variety, and Welfare. *International Journal of Industrial Organization*, 2018, vol. 59, pp. 406-428.
7. Salop S. Monopolistic Competition with Outside Goods. *The Bell Journal of Economics*, 1979, vol. 10, no. 1, pp. 141-156.
8. Chen Y., Riordan M. Price-Increasing Competition. *The RAND Journal of Economics*, 2008, vol. 39, no. 4, pp. 1042-1058.
9. Thomadsen R. Product Positioning and Competition: the Role of Location in the Fast-Food Industry. *Marketing Science*, 2007, vol. 26, no. 6, pp. 792-804.
10. Ward M., Shimsback J., Perloff J., Harris J. Effects of the Private-label Invasion in Food Industries. *American Journal of Agricultural Economics*, 2002, vol. 84, pp. 961-973.
11. Suslow V. Entry Deterrence Strategies. *Journal of Industrial Organization Education*, 2006, vol. 1, no. 1, pp. 1-20.
12. Chen Y., Savage S. The Effects of Competition on the Price for Cable Modem Internet Access. *Review of Economics and Statistics*, 2011, vol. 93, no. 1, pp. 201-217.
13. Pakes A. Empirical Tools and Competition Analysis: Past Progress and Current Problems. *National Bureau of Economic Research, Working Paper 22086*. 33 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w22086> (accessed 10.10.2020)
14. Yoganathan V., Osburg V., Akhtar P. Sensory Stimulation for Sensible Consumption. *Journal of Business Research*, 2019, vol. 96, pp. 386-396.
15. Gravelle H., Liu D., Propper C., Santos R. Spatial Competition and Quality: Evidence from the English Family Doctor Market. *Journal of Health Economics*, 2019, vol. 68, 102249.
16. Ljubownikow G., Hwee Ang S. Competition, Diversification and Performance. *Journal of Business Research*, 2020, vol. 112, pp. 81-94.
17. Illanes G., Moshary S. Market Structure and Product Assortment: Evidence from a Natural Experiment in Liquor Licensure. *National Bureau of Economic Research, Working Paper 27016*. 34 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w27016> (accessed 10.12.2020).
18. Bauner C., Wang E. The Effect of Competition on Pricing and Product Positioning: Evidence from Wholesale Club Entry. *International Journal of Industrial Organization*, 2019, vol. 67, 102525. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2019.102525
19. Scheele von F., Haftor D., Pashkevich N. Cognitive Time as a Service Price Determinant: Hidden Dynamics and Price Collapse. *Journal of Business Research*, 2020, vol. 112, pp. 248-253.
20. Miller K., Petrin A., Town R., Chernew M. Optimal Managed Competition Subsidies. *National Bureau of Economic Research, Working Paper 25616*. 65 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w25616> (accessed 10.10.2020).
21. Loecker de J., Biesebroeck van J. Effect of International Competition on Firm Productivity and Market Power. *National Bureau of Economic Research, Working Paper 21994*. 39 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w21994> (accessed 10.10.2020).
22. Kyle M. Strategic Responses to Parallel Trade. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 2011, vol. 11, no. 2, pp. 1-34.
23. Reisinger M., Sauri L., Zenger H. Parallel Imports, Price Controls, and Innovation. *Journal of Health Economics*, 2019, vol. 66, pp. 163-179.
24. Colangelo G., Maggolino M. From Fragile to Smart Consumers: Shifting Paradigm for the Digital Era. *Computer Law and Security Review*, 2019, vol. 35, pp. 173-181.
25. Тарануха Ю.В. Неошумпетерианское тестирование факторов “созидательной” конкуренции: выводы для России. *Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика*, 2018, № 5, сс. 21-40. [Taranukha Yu.V. Neoschumpeterian testing for factors of “creative” competition: findings for Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6, Ekonomika*, 2018, no. 5, pp. 21-40. (In Russ.)]
26. Герасименко В.В., Слепенкова Е.М. Трансформация методов и инструментов конкурентного анализа в условиях цифровой экономики. *Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика*, 2019, № 6, сс. 126-146. [Gerasimenko V.V., Slepenskova E.M. Transformation of methods and instruments for competitive analysis under digital economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6, Ekonomika*, 2019, no. 6, pp. 126-146. (In Russ.)]
27. Тарануха Ю. Модификация конкурентного принципа в процессе эволюции конкуренции. *Общество и экономика*, 2017, № 3-4, сс. 49-67. [Taranukha Yu. Modification of competitive concept in competitive evolution. *Society and Economy*, 2017, no. 3-4, pp. 49-67. (In Russ.)]

28. Князев Ю. О конкуренции и сотрудничестве в современной экономике. *Общество и экономика*, 2018, № 4, сс. 31-42. [Knyazev Yu. About competition and cooperation in contemporary economy. *Society and Economy*, 2018, no. 4, pp. 31-42. (In Russ.)]
29. Berry S., Gaynor M., Morton F. Do Increasing Markups Matter? Lessons from Empirical Industrial Organization. *The Journal of Economic Perspectives*, 2019, vol. 33, no. 3, pp. 44-68.
30. Burguet R., Sakovics J. Personalized Prices and Uncertainty in Monopsony. *International Journal of Industrial Organization*, 2019, vol. 67, 102530. 29 p. Available at: <https://homepages.econ.ed.ac.uk/~sakovics/FinalJIO.pdf> (accessed 10.11.2020).
31. Liu M., Brynjolfsson E., Dowlatabadi J. Do Digital Platforms Reduce Moral Hazard? The Case of Uber and Taxis. *National Bureau of Economic Research, Working Paper 25015*. 45 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w25015> (accessed 10.11.2020).
32. Gruber J., Handel B., Kina S., Kolstad J. Managing Intelligence: Skilled Experts and AI in Markets for Complex Products. *National Bureau of Economic Research, Working Paper 27038*. 54 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w27038> (accessed 10.11.2020).
33. Backus M. Why Is Productivity Correlated with Competition? *National Bureau of Economic Research, Working Paper 25748*. 57 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w25748> (accessed 10.11.2020).
34. Schmitz J. Competitive Pressure and Labor Productivity: World Iron Ore Markets in the 1980s. *American Economic Review*, 2002, vol. 92, no. 4, pp. 745-760.
35. Schmitz J. What Determines Productivity? Lessons from the Dramatic Recovery of the U.S. and Canadian Iron Ore Industries Following Their Early 1980s Crisis. *Journal of Political Economy*, 2005, vol. 113, no. 3, pp. 582-625.
36. Dunne T., Klimek S., Schmitz J. Competition and Productivity: Evidence from the Post WWII US Cement Industry. *US Census Bureau Center for Economic Studies Paper*, 2010, no. CES-WP-10-29. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1689076> (accessed 18.11.2020).
37. Савин И.В., Мариев О.С., Пушкарев А.А. Оценка рыночного отбора в России: когда размер (фирмы) имеет значение. *Вопросы экономики*, 2020, № 2, сс. 101-124. [Savin I.V., Mariev O.S., Pushkarev A.A. Estimation of market selection in Russia: when the size (of the firm) makes sense. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 2, pp. 101-124. (In Russ.)]
38. Hicks J. Annual Survey of Economic Theory: the Theory of Monopoly. *Econometrica*, 1935, vol. 3, no. 1, pp. 1-20.
39. Leibenstein H. Allocative Efficiency vs. "X-Efficiency". *American Economic Review*, 1966, vol. 56, no. 3, pp. 392-415.
40. Stigler G. The Existence of X-Efficiency. *American Economic Review*, 1976, vol. 66, no. 1, pp. 213-216.
41. Holmstrom B. Moral Hazard in Teams. *The Bell Journal of Economics*, 1982, vol. 13, no. 2, pp. 324-340.
42. Schmidt K. Managerial Incentives and Product Market Competition. *Review of Economic Studies*, 1997, vol. 64, no. 2, pp. 191-213.
43. Raith M. Competition, Risk, and Managerial Incentives. *American Economic Review*, 2003, vol. 93, no. 4, pp. 1425-1436.
44. Kesternich I., Schumacher H., Biesebroeck van J., Grant I. Market Size and Competition: a "Hump-shaped" Result. *International Journal of Industrial Organization*, 2020, vol. 70, 102605. 17 p. Available at: <https://feb.kuleuven.be/public/n07057/cv/gksv2019.pdf> (accessed 10.11.2020).
45. Feinberg R., Reynold K. An Examination of Entry and Competition Performance in Rural Banking Markets. *Southern Economic Journal*, 2010, vol. 76, no. 3, pp. 624-637.
46. Abraham J., Gaynor M., Vogt W. Entry and Competition in Local Hospital Markets. *Journal of Industrial Economic*, 2007, vol. 55, no. 2, pp. 265-288.
47. Xiao M., Orazem P. Does the Fourth Entrant Make Any Difference? *International Journal of Industrial Organization*, 2011, vol. 29, pp. 547-561.
48. Phann G., Van Kranenburg H. Tax Policy, Location Choices, and Market Structure. *Journal of Law and Economics*, 2003, vol. 46, pp. 61-83.
49. Nishida M., Gil R. Regulation, Enforcement, and Entry: Evidence from the Spanish Local TV Industry. *International Journal of Industrial Organization*, 2014, vol. 32, pp. 11-23.
50. Berendt J., Uhrich S., Thompson S. Marketing, Get Ready to Rumble – how Rivalry Promotes Distinctiveness for Brands and Consumers. *Journal of Business Research*, 2018, vol. 88, pp. 161-172.

CONTEMPORARY COMPETITION: PROCESS OR RESULT?

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 5-13)

Received 18.11.2020.

Nadezhda M. ROZANOVA (nrozanova@hse.ru),

National Research University Higher School of Economics (HSE), 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Digital economy has significantly changed business reality. The radical transformations are ubiquitous. New patterns feature economic behaviour of market participants, their interactions, their business models and their market activities. What about competition? What forms of competitive conduct have lost importance in contemporary digital economy? And what are the newest strategies that enhance competitiveness of the firms? Which digital business

practices could limit competition? And which of them could stimulate business rivalry? Digitalization has changed many, in not all, of our traditional conceptual visions in the area of competition, market, market power, relevant market actors. The nature of competition itself is under scrupulous investigation. What conclusions could we draw from current theoretical and empirical analyses of competition mechanism? First of all, we deal with new forms of competition. The old Schumpeterian question – whether competition is a creative innovative destruction or it leads only to unfair elimination of competitors from the market – has arisen again nowadays. Online competition has two radically different outcomes. On the one hand, lower transaction costs, more possibilities to compare prices and assortment, expanding markets beyond geographical limits, low entry barriers reinforce rivalry. On the other hand, online activity of the firms can mitigate competitive pressure though new forms of product differentiation and usage of phantom strategies, phantom products, phantom plans. In order to increase their overall competitiveness, firms have elaborated an O2O (online-to-offline) business model that is allowed to utilize virtual and actual activity at the same time. Restaurant business, cosmetic industry, taxi deals are examples of its successful implementation. Is more competition better for consumers? This concept has been considered doubtful. Digital competitive pressure has led to a novel format of product differentiation, that is, targeted product design. Unlike traditional view in line with Salop circular model, contemporary firms choose product strategies that target as little individuals as possible. The less the circle of potential clients is, the less their price elasticity would be, and the weaker price rivalry might become. Traditional concept views competition as a Markov stochastic process. Contemporary analyses demonstrate more complicated nature of competitive mechanism. Online and offline innovations transform competition into non-linear process with “humps and jumps”, the outcomes of which are not always in the interests of consumers’ welfare.

Keywords: competition, digitalization, competitive behaviour.

About author:

Nadezhda M. ROZANOVA, Dr. Sci. (Econ.), Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-5-13

КОНКУРЕНЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ФИНАНСОВЫХ КОНГЛОМЕРАТОВ

© 2021 г. С. Дубинин

ДУБИНИН Сергей Константинович, доктор экономических наук,
МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46;
АО ВТБ Капитал, РФ, 109147 Москва, ул. Воронцовская, 43, стр. 1 (dsk@vtbcapital.com).

Статья поступила в редакцию 02.03.2021.

Конкурентная борьба на финансовых рынках резко обострилась в результате развития финансовых конгломератов. Наблюдается вторжение ИТ-компаний и фирм электронной торговли, использующих технологии маркетплейс, электронных платформ, больших баз данных. В ответ на эти вызовы крупнейшие коммерческие банки меняют бизнес-модели, превращаясь в центры координации деятельности инвестиционных и пенсионных фондов, страховых компаний в составе конгломератов и банковских групп. В связи с изменением структуры сектора появилась необходимость усиления роли государственных регуляторов.

Ключевые слова: финансовые конгломераты, банковские группы, ИТ-компании, большие базы данных, финтех, финансовые экосистемы, финансовые инновации, новые бизнес-модели, антитрастовое регулирование, органы финансового регулирования.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-14-21

После экономического кризиса 2007–2009 гг. началась глубокая структурная перестройка национальных и международных финансовых рынков. В 2020 г. значительное ускорение процессу было придано введением карантинных мер всеми ведущими странами мира в связи с пандемией COVID-19. В сфере финансов в настоящее время конкуренция разворачивается между крупными конгломератами. Важным фактором их конкурентоспособности стали инновации на основе информационных технологий.

НОВЫЕ БИЗНЕС-МОДЕЛИ ФИНАНСОВЫХ КОНГЛОМЕРАТОВ

На протяжении последних десятилетий в мировой валютно-финансовой системе происходили важные структурные и институциональные изменения. Экономические и финансовые кризисы резко обостряли конкурентную борьбу и стимулировали применение инновационных стратегий. На их основе сложились новые модели ведения бизнеса на рынке ценных бумаг и в сфере банковского кредитования.

В условиях современной рецессии финансовый сектор, в том числе и банковский бизнес, активно ищет ответы на эти вызовы. Во-первых, наблюдается концентрация капиталов, появляются крупные конгломераты, в состав которых входят различные банковские и небанковские институты. Во-вторых, произошел качественный скачок в информационных технологиях, используемых в фи-

нансовой сфере. Они стали определять основные направления рыночных инноваций.

Первая волна формирования финансовых конгломератов была следствием внедрения новых технологий в платежно-расчетные системы, они получили наименование “финтех” (*fintech*). Вскоре оно приобрело более широкое значение, став синонимом применения цифровых технологий в финансовой сфере в целом.

«В большинстве стран финтех для финансового включения клиентов (*financial inclusion*) начинался с “расходования” и быстро эволюционировал в “одолживание”... Цифровые платежи генерируют данные, которые финансовые институты могут использовать для выработки оценки кредитоспособности, не требующей изучения длительной истории, идентификации или обеспечения. Развитие этих отношений в свою очередь делает возможным цифровое кредитование» [1, р. 13].

Финтех позволил резко расширить для клиентов диапазон выбора как по пассивным, так и по активным операциям. На сегодняшний день сложились следующие направления развития этих технологий:

1) передача данных, информационные электронные коммуникации, национальные и международные платежно-расчетные системы, телебанкинг;

2) обработка данных, использование больших информационных систем (*big data*);

3) использование персональных данных для индивидуализации услуг, комплексное обслуживание клиентов.

В течение последних трех десятилетий на международном финансовом рынке, а также в национальной банковской сфере и на рынке ценных бумаг происходило усиление конкурентной борьбы между банковскими и небанковскими финансовыми посредниками¹.

В последние годы конкурентные схемы изменились. За привлечение новых клиентов из корпоративного и розничного секторов конкурируют финансовые конгломераты. Ими предлагается широкий спектр услуг, включая различные варианты привлечения заемных средств через механизм как банковских кредитов, так и путем размещения ценных бумаг.

Сегодня среди посредников преобладает стремление стать “первым выбором” для корпоративных и розничных потребителей. На этой основе происходит слияние традиционного банковского бизнеса и так называемого теневого банкинга. В зависимости от национальной специфики эти группы принято именовать либо финансовыми конгломератами, либо банковскими группами, либо финансово-промышленными группами. Банки и небанковские финансовые посредники — страховые компании, пенсионные и инвестиционные фонды, хедж-фонды, управляющие ими компании — часто становятся структурными дивизионами конгломератов.

Оба вида посредников начали действовать в рамках одних и тех же конгломератов, но далеко не всегда удавалось обеспечивать успешную координацию их деятельности. Накануне кризиса 2007—2009 г. вопрос о недостаточной эффективности операций финансовых конгломератов активно обсуждался в экономической литературе².

В рамках банковских групп создаются дополнительные органы управления в форме целевых комитетов, советов в соответствии со сложившимися на практике бизнес-линиями. На них возлагается координация действий юридически независимых дивизионов финансовых конгломератов, в первую очередь определение готовности к риску, оценка платежеспособности крупных клиентов, изучение перспективных инвестиционных проектов. Документ Базельского комитета по банковскому надзору гласит, что под понятие финансовых конгломератов подпадают “любые группы компаний под общим контролем, чья основная активность состоит в предоставлении существенных услуг как минимум в двух различных финансовых секторах (банки, ценные бумаги, страхование)” [6].

¹ См., например: [2, 3].

² См., например: [4, 5].

Статья 2(14) директивы Европарламента и Совета ЕС определяет финансовые конгломераты, используя следующий основной критерий: “...не менее одного предприятия в группе работает в секторе страхования и не менее одного предприятия в банковском или инвестиционном секторе услуг; консолидированная и/или агрегированная активность предприятий в группе в страховом секторе и консолидированная и/или агрегированная активность в банковском и инвестиционном секторе услуг в обоих случаях являются существенными в значении Ст. 3. Группа признается финансовым конгломератом, если не менее 40% ее бизнеса осуществляется в финансах и не менее 10% ее финансового бизнеса осуществляется в каждом из секторов страхового бизнеса и комбинированного банковского/инвестиционного бизнеса. Порог 10% считается средней величиной меньшего из секторов в 1) совокупных активов и 2) совокупных требований к платежеспособным заемщикам”. Директива Евросоюза по финансовым конгломератам (*Financial Conglomerates Directive 2002/87/EC/Document 32002L0087*) вступила в силу с 1 января 2005 г. [7].

В современных условиях исторические формы финансово-промышленных групп ушли в прошлое, однако выбор методов эффективного использования финансовых услуг для крупной фирмы остается актуальным и сегодня. Это означает, что существует выбор: либо обращаться к услугам независимых специализированных банковских и небанковских посредников, либо включить финансовые подразделения (дивизионы) в состав собственных бизнес-групп.

На примере конгломератов США мы видим, что 9% из них имеют финансовые подразделения, на которые приходится 12% стоимости активов. Доля конгломератов, имеющих данный сегмент, со временем росла, снижение происходило только после кризиса 2007—2008 г. Наиболее часто в качестве таких сегментов в конгломератах встречаются холдинги и фонды, они находятся практически в половине этих образований.

Вторым часто встречающимся вариантом финансовых подразделений стали кредитные агентства, которые присутствуют в четверти конгломератов. Роль этих агентств обычно заключается в том, чтобы предоставлять финансирование клиентам конгломератов. Конгломераты с финансовыми подразделениями более чем в два раза превышают размеры конгломератов без наличия таковых [8].

Документами Банка России определено, что банковская группа — это объединение юридических лиц, которое само не считается юридическим лицом; такая группа находится под контролем головной кредитной организации. Банковский хол-

динг — объединение юридических лиц, которое само не выступает в качестве юридического лица, входящие в него организации находятся под контролем головного юридического лица, не являющегося кредитной организацией. Помимо банка (кредитной организации) в него, как правило, входят подразделения других отраслей. Банковским холдингом структура признается при условии, что доля банковской деятельности составляет не менее 40%.

В течение 2014–2020 гг. в России наблюдается процесс быстрой концентрации банковского бизнеса под контролем банковских групп, несмотря на снижение количества входящих в их состав кредитных организаций (КО). По состоянию на 2017–2018 гг. в РФ насчитывалось около 90 банковских групп. Они контролировали 86–89% активов банковского сектора. И одновременно в стране действовало от 30 до 35 банковских холдингов [9, сс. 33–34; 10].

По состоянию на начало 2020 г. Банк России выделял категорию из 29 крупнейших банковских организаций, в которую были включены также 11 системно значимых кредитных организаций. Все эти КО представляли собой контролируемые банки в составе банковских групп. Эта категория находится под пруденциальным надзором специально созданного в Банке России надзорного департамента. В 2020 г., помимо указанных выше, головными организациями банковских групп были еще 69 КО. Число банковских холдингов составляло 26 с включением в их состав 28 КО [11, сс. 144–145]. В сентябре 2020 г. 30 крупнейших коммерческих банков, которые были одновременно и головными банками в группах, концентрировали 82,9% активов банковского сектора России [12, сс. 14–15].

В настоящее время в ответ на кризисные вызовы происходит дальнейшее реформатирование структуры финансовых конгломератов. С одной стороны, коммерческие банки принимают самое активное участие в операциях по мобилизации сбережений и трансформации их в пассивы инвестиционных фондов и в сделки с иными ценными бумагами. С другой стороны, те же банки совершают операции по выделению портфелей своих кредитов с целью их секьюритизации с последующим выпуском деривативов.

ФИНАНСОВОЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Эксперты констатируют, что “банкам, чтобы преуспеть в новую эпоху, необходимо овладеть технологиями, вступить в партнерство с технологическими фирмами, идти навстречу ожиданиям потребителей и обеспечивать уровень доверия к себе... Если банки будут в состоянии предложить

бесплатный (или очень дешевый) трансфер денег и активов между институтами и отдельными лицами в глобальном масштабе, то они смогут развернуть развитие взаимоотношений банк — технологическая фирма в свою пользу” [13].

Банковские группы стремятся инкорпорировать информационные технологии в собственную деловую практику. Стратегия банковских групп и банковские бизнес-модели обязательно включают цели цифровизации. Они создают свои варианты финансовой “окружающей среды” для клиентов. Этот процесс поиска конкурентных преимуществ подготовил новое поле конкуренции на финансовых рынках, что привело к вхождению туда новых игроков.

Поскольку конкуренция в сфере финансов в настоящее время ведется с использованием инновационных приемов и инструментов, то обладатели ноу-хау и человеческого капитала в этих сферах оказались хорошо подготовленными для предоставления финансовых услуг. IT-компании, владеющие современными навыками (*Big Tech, eCommerce*), приступили к оказанию услуг по созданию маркетплейсов на базе информационных технологических платформ. Они предлагают своим клиентам комплекс базовых финансовых услуг, таких как платежно-расчетные операции, потребительское кредитование, торговые кредиты для бизнеса. Крупнейшие электронные коммерческие компании создают универсальные информационные экосистемы, включающие специализированные финансовые дивизионы. “Чем выше доход страны и менее конкурентоспособна ее банковская система, тем больше объем кредита с помощью финтех... Компании *Big Tech* предоставляют больше кредитов в странах с менее конкурентоспособным банковским сектором и менее жестким регулированием... Кредиторы *Big Tech* имеют информационное преимущество в оценке кредитоспособности клиентов по сравнению с традиционным кредитным бюро” [14].

IT-фирмы концентрируют большие объемы нефинансовых персональных данных через свои клиентоориентированные платформы в сферах электронной коммерции, социальных сетей и используют технологии машинного обучения в целях онлайн-анализа потенциального спроса на услуги. Происходит переход к комплексному обслуживанию клиентов на базе обработки больших баз данных. “Полный объем информации позволяет использовать инструменты анализа больших данных (*big data*), искусственный интеллект и машинное обучение... Соответственно, фирмы *Big Tech* обладают информационными мощностями для конкурентной борьбы и даже возможностью превосходить банки в предоставлении финансовых услуг” [15, pp. 11–12].

В распоряжении таких групп сконцентрированы огромные ресурсы. Это нашло отражение в ускоренном наращивании капитализации компаний *Big Tech*. Показателем стремительного роста роли *IT*-компаний стало их доминирование в рейтинге *PwC 100* крупнейших публичных компаний. В десятку в 2019 г. входили пять *IT*-корпораций США, а также две китайские технологические компании³.

Примером создания собственной экосистемы российским банком/банковской группой стал Сбербанк России. По словам его председателя правления Г. Грефа, “все владельцы промежуточных сервисов постепенно будут вытеснены экосистемами. Поэтому выбор был такой – самим становиться экосистемой либо постепенно смотреть на то, как в твоей сфере будут орудовать другие экосистемы” [17]. СБ планирует в ближайшие 2–3 года увеличить долю прибыли от небанковских активов с 2–3 до 10%. За три года с 2017 г. банк инвестировал свыше 1 млрд долл. в нефинансовые активы по предоставлению онлайн-услуг [18].

Масштабная экспансия кредитных операций с использованием высокотехнологической инфраструктуры и инновационных финансовых инструментов имеет глобальный характер. Специалисты Банка международных расчетов констатировали, что финтех- и бигтех-платформы расширили свои кредитные операции в масштабе всего мира. В 2019 г. объем денежных потоков в этих новых формах кредита оценивался в 223 млрд и 572 млрд долл. соответственно. Китай, США и Великобритания превратились в крупнейшие рынки финтех-кредитов. Такие кредиты быстро растут в Китае, Японии, Корее, Юго-Восточной Азии и ряде стран Африки и Латинской Америки. Они более распространены в странах с более высоким ВВП на душу населения, где маржа банковского сектора выше, а банковское регулирование менее жесткое.

Объемы финтех-кредитов больше там, где существует меньше банковских отделений на душу населения. Такая практика кредитования более применима там, где созданы хорошие условия для ведения бизнеса и инвестирования, эффективна юридическая система, отношение кредитов к сумме депозитов в банках ниже, а рынки облигаций и акций более развиты. В целом альтернативное кредитование очевидно дополняет другие формы кредита, а не заменяет их [19].

На финансовом рынке Китая традиционно доминировали отраслевые государственные банки,

³ В период текущего кризиса на фоне пандемии во второй половине 2020 г. *Alphabet*, *Amazon*, *Apple* и *Facebook* опубликовали квартальные отчеты о доходе, резко идущем вверх. Характерно, что подъем наблюдался в то же самое время, когда ожидалось падение прибыли в среднем на 17% у всех компаний из списка *S&P500* в целом [16].

а также созданные в 1994 г. по закону о “политических банках” государственные банковские институты. Частные по капиталу финтех-компании и группы в последние годы вторглись со своими подразделениями в ряд сфер финансовой деятельности Китая. В 2004 г. компания *Alibaba* запустила в действие платежную систему *Alipay*, которая была призвана обслуживать расчеты для электронной коммерции.

К 2020 г. *Alipay* доминировала в Китае в данном секторе. На протяжении года журнал *The Economist* регулярно отслеживал нарастающее влияние китайских *IT*-компаний в финансовых операциях на рынке КНР и стран АСЕАН. В настоящее время на долю двух гигантов приходится 92% всего рынка денежных транзакций Китая. Это *WeChat Pay*, которая принадлежит технологической группе *Tencent*, доминирует в трансфертах *peer-to-peer*, и *Alipay*, которая входит в *Ant Group*, принадлежащую фирме *Alibaba*. Бигтех-кредиты этих фирм достигли объема 1.8 трлн юаней, предоставленных 500 млн клиентов. Сильной стороной *Ant* называют наличие четырех самостоятельных бизнес-линий (сегментов). В их перечень включаются: кредитование, платежно-расчетные операции, управление активами, страхование.

В 2019 г. платежная система насчитывала 1 млрд пользователей в КНР и провела транзакции в объеме 110 трлн юаней (16 трлн долл.). Кредитование (*CreditTech*) приносит компании 39% доходов. Инновационной технологией *Ant* стала секьюритизация предоставляемых компанией кредитов. В сфере потребительского кредитования она увеличила свою долю до примерно 15% общенационального объема. Банки по всей Азии ищут возможности увеличить масштаб своих операций за счет перехода в “облако”. Они хранят свои данные на больших серверах, которыми владеют специализированные провайдеры. В этой сфере *Alibaba* – ведущая фигура. Она предоставляет клиентам пятую часть облачной инфраструктуры в Тихоокеанской Азии, что в два раза больше той мощности, которая принадлежит ее двум соперникам – *Amazon* и *Microsoft* вместе взятыми [20, 21].

В 2020 г. было объявлено о подготовке к первичному размещению акций компании *Ant Group* на бирже в Гонконге. Объем *IPO* оценивался в 37 млрд долл. Осенью 2020 г. Гуо Вупинг, старший менеджер Комиссии банковского и страхового регулирования Китая (*China Banking and Insurance Commission*), заявил, что финтех-компании злоупотребляют своим господствующим положением. Регулирующими финансовые рынки властями КНР было принято решение остановить размещение. Главным спорным вопросом при превращении платежной системы в полноценного участника фи-

нансового рынка стали правилами, касающиеся объема капитала, который финтех-компании должны будут держать на своем балансе в качестве резерва под предоставляемые кредиты. Речь идет о непосредственном переносе требований регулятора к банкам на операции этих компаний. Согласно новым указаниям, онлайн-кредиторы будут вынуждены создавать резервы в размере 30% от объема предоставляемых кредитов до того, как их выдать заемщику, тогда как до сих пор речь шла о 2%. Для *Ant* это означает необходимость изыскать дополнительно около 20 млрд долл. для обеспечения своего уже существующего портфеля кредитов [22].

УСИЛЕНИЕ МЕР РЕГУЛИРОВАНИЯ

В недавние годы большой популярностью среди экспертов в сфере информационных технологий пользовалась концепция неолибертарианства. IT-компании позиционировали себя в качестве бизнес-единиц, свободных от государственного контроля. Они утверждали, что их сфера деятельности не нуждается в каком-либо регулировании. Собственное корпоративное поведение эти фирмы рекламировали как социально ответственный бизнес, практикующий саморегулирование в глобальном масштабе.

Однако вскоре стало ясно, что национальные власти видят в деятельности бигтех-компаний не только позитивные последствия, но и крупные риски для развития экономики и общества в целом. Активизировалось применение мер регулирования к рынку информационных телекоммуникаций и к финансовым сервисам, которые предоставляют бигтех-компании своим клиентам.

Перечень мер государственной политики охватывает многочисленные инструменты и сферы бизнеса. Во-первых, речь идет о применении антимонопольного законодательства. Во-вторых, о стремлении отрегулировать налогообложение. В-третьих, о новом виде нарушений, таком как недостаточная защита персональных данных клиентов⁴.

На современном этапе развития мировой валютно-финансовой системы принципиальное значение приобрело понимание ее платежно-расчетной инфраструктуры и стандартов как естественной монополии, которая требует международного регулирования. Юридические эксперты ЕС полагают, что единственным действительно эффективным могло бы быть решение, обязывающее, например, корпорацию *Google* продать *Android*. Видимо, антитрестовские регуляторы США и ЕС будут настаивать на разделении не только *Google*, но и других подобных компаний [23].

⁴ Например, компания *Facebook* в 2019 г. была подвергнута Федеральной торговой комиссией США штрафу 5 млрд долл. за нарушение правил защиты персональных данных.

Всёобщее внимание привлечено к попыткам органов государственной власти США и стран ЕС использовать антимонопольное законодательство для контроля за деятельностью технологических компаний. Первые шаги в данном направлении были предприняты еще в 2009 г. В 2019–2020 гг. Министерство юстиции предприняло серию антитрестовских расследований по поводу практики компаний так называемой Большой четверки рынка IT-услуг: *Alphabet (Google)*, *Facebook*, *Apple* и *Amazon*. Антитрестовое подразделение Министерства юстиции и юридический подкомитет Палаты представителей Конгресса США утверждают, что они оказывают друг другу помощь в целях сохранения своих доминирующих позиций⁵.

Частные рынки в состоянии работать на основе недостаточно оптимальных методов обмена информацией и протоколов коммуникации. Это может повлечь за собой неэффективность и дополнительные рентные расходы. Государственная политика обязана помочь участникам рынка координироваться на основе улучшенных стандартов. Инновации в информации и сфере коммуникаций требуют стандартизации в двух сферах: обработки и обмена данными, а также создания протоколов коммуникации [15, p. 25].

Согласованные стандарты передачи межбанковских сообщений и международных финансовых расчетов вводились в 1970–1980 гг. специализированными финансовыми компаниями и банками в юридической форме либо международных ассоциаций частных фирм, либо самостоятельного специального юридического лица *Society for World-wide Interbank Telecommunications (SWIFT)*. Реализацией мер регулирования в сфере телекоммуникаций стала деятельность специализированных организаций ООН, например Международного союза электросвязи (*International Telecommunication Union, ITU*). В 1998 г. была создана интернет-корпорация по присвоению имен и номеров (*ICANN*), которая сегодня фактически выступает регулятором интернет-трафика.

Участие правительств национальных государств в контроле за работой международных платежно-расчетных систем происходит также в целях предотвращения их использования в криминальных целях на основе соглашения о *FATF*. В настоящее время его членами стали 35 стран и 2 международных объединения. Соглашение предусматривает защиту данных частных и юридических лиц от случайных и криминальных утечек, предотвращение злоупотреблений недостаточной защищенностью персональных баз данных. В начале 1980-х годов

⁵ *Google* направляет пятую часть своего глобального чистого дохода на выплаты *Apple*, чтобы гарантировать предоступность своего поисковика на ее девайсы [15, 23].

под эгидой ОЭСР была подготовлена конвенция “О защите физлиц при автоматизированной обработке персональных данных” (*ETS-108*).

В 2000 г. США и ЕС заключили Соглашение о безопасной гавани (*Safe Harbor*), позволившее компаниям передавать сведения о гражданах ЕС в США. В 2015 г. Европейский суд в Люксембурге признал, что соглашение должно быть расторгнуто. В 2016 г. был заключен договор “Конфиденциальный щит” (*Privacy Shield*), речь в котором шла об обеспечении сохранности информационных баз, передаваемых между ЕС и США в ходе деловых и официальных транзакций. Позднее в ЕС был принят Общий регламент по защите данных (*General Data Protection Regulation*), который действует с 25 мая 2018 г.

В специальном докладе Комитета ОЭСР по научной и технологической политике в 2018 г. в рамках проекта *Technological Change* были сформулированы общие принципы и специальные предложения в данной сфере. В ряде публикаций экспертов ОЭСР было высказано суждение, что в контексте внедрения новых цифровых технологий рождается необходимость международной кооперации в целях создания адаптивного, поощряющего и эффективного регулирования инноваций. Однако общий подход до настоящего времени не выработан.

Эксперт из Университета Нью-Йорка Р. Бернер констатировал: “Когда вы регулируете банки и оставляете всю остальную финансовую систему в зоне более слабого регулирования, неизбежно возникнет регуляторный арбитраж... Но технологии также способствовали повороту, поскольку именно в прошлом десятилетии они создали рост платежных услуг и активности, близкие к банковским услугам, предоставляемым вне банковской системы” [24].

Внимание центральных банков и других регуляторов национальных финансовых систем сфокусировано на применении гармонизированных методов пруденциального банковского надзора к деятельности финансовых конгломератов. В разработку данной проблемы широко вовлечены международные форумы и организации. На Объединенном форуме регуляторов финансового сектора группы *G10 (G10's Joint Forum of Financial Sector Supervisors)* были отмечены важные вызовы. В частности, поскольку финансовые группы оперируют на нескольких рынках, где работает несколько регулирующих органов, они сталкиваются с необходимостью контролировать группу, состоящую из ряда юридических лиц. В результате происходит концентрация рисков, что делает юридически необходимым более интенсивный надзор за крупными и сложными конгломератами по сравнению с мелкими и простыми институтами.

Финансовые группы предлагают услуги в различных комбинациях. Они работают сразу в нескольких юрисдикциях одновременно, пользуются услугами многочисленных юридических лиц и структур для обеспечения синергии и снижения затрат, используя преимущества от различий в системе налогообложения, надзоре и регулировании [25]. Еще в 2000-е годы Директива ЕС по финансовым конгломератам (*Financial Conglomerates Directive 2002/87/EC*) поставила вопрос о необходимости пруденциального надзора за финансовыми конгломератами и группами в целом, включая входящие в них кредитные институты, страховые компании и инвестиционные фирмы.

Лидеры ЕС неоднократно провозглашали намерение реформировать налогообложение предпринимательской деятельности и доходов бизнеса в цифровой экономике. Предложения по “справедливому налогообложению цифровой экономики” были поддержаны в 2018 г. Европарламентом. Однако общеевропейского решения тогда не было найдено, вопрос был перенесен на национальный уровень [26]. Президент Франции декларировал введение дополнительного специального “цифрового налога”, что немедленно привело к резкой полемике с администрацией США и взаимному обмену угрозами введения санкций и дополнительных торговых тарифов.

Смена администрации США в 2021 г. принесла с собой изменение приоритетов во взаимоотношениях с союзниками. Сделаны заявления о готовности к переговорам с ЕС, в том числе и о налогообложении *IT*-компаний. И все же основные межстрановые противоречия в данной сфере в настоящее время сосредоточены во взаимоотношениях США–КНР. В последние дни своего президентского срока в январе 2021 г. Д. Трамп издал указ о запрете американским юридическим лицам осуществлять платежи с использованием сети фирмы *AliPay* и других китайских платежных систем.

В интервью *CBS News* новый президент США Дж. Байден заявил, что две страны “не должны находиться в конфликте. Но между нами будет развиваться экстремальная конкуренция... Мы намерены сосредоточиться на международных правилах на общем пути” [27]. Власти США сегодня проявляют осторожность в использовании долларовой системы международных расчетов для давления на стран-соперниц. Заявлено, что политика США заключается в развитии внутреннего технологического и научного потенциала в целях повышения конкурентоспособности.

Всем странам, как развитым, так и развивающимся, предстоит обновлять методы конкурент-

ной борьбы на глобальном финансовом рынке. Участники этого соперничества пытаются использовать объединенный потенциал бизнеса и государства. В сложившихся условиях все стороны стремятся мобилизовать силы регулирующих органов для усиления своих позиций. В этих целях они применяют такие меры, как усиление антимонополистического регулирования на рынке, чтобы

предотвратить потерю конкурентоспособности национальных финансово-технологических конгломератов; оказание поддержки отечественному бизнесу на рынке технологических и финансовых инноваций при параллельном подавлении иностранных конкурентов; обеспечение лидерства национальных фирм – поставщиков инновационных технологий для финансовых конгломератов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Sahay R., Allmen von U.E., Lahreche A., Khera P., Ogawa S., Bazarbash M., Beaton K. *The Promise of Fintech. Financial Inclusion in the Post COVID-19 Era*. IMF, July 1, 2020. 83 p. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2020/06/29/The-Promise-of-Fintech-Financial-Inclusion-in-the-Post-COVID-19-Era-48623> (accessed 13.02.2021).
2. Худякова Л.С. Десять лет глобальной реформе финансового регулирования: что впереди? *Вестник МГИМО-Университета*, 2019, № 12 (5) сс. 91-113. [Khudyakova L.S. Ten years of the global reform of financial regulation: what is ahead? *MGIMO Review of International Relations*, 2019, no. 12 (5), pp. 91-113. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-5-68-91-113> (accessed 13.02.2021).
3. Головин М.Ю. Трансформация глобальной финансовой системы в первые два десятилетия XXI века. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2020, № 13 (4), сс. 74-96. [Golovnin M.Y. Transformation of the global financial system in the first two decades of the twenty-first century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2020, no. 13 (4), pp. 74-96. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-4> (accessed 13.02.2021).
4. Yan A. Value of Conglomerates and Capital Market Conditions. *International Journal of Financial Management*, 2006, vol. 35 (4), pp. 3-5. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2006.tb00157.x> (accessed 13.02.2021).
5. Laeven L., Levine R. Is there a Diversification Discount in Financial Conglomerates? *Journal of Financial Economics*, 2007, August, vol. 85 (2), pp. 331-367. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2005.06.001> (accessed 13.02.2021).
6. *Basel Committee on Banking Supervision 2001. Compendium of Documents Produced by the Joint Forum*. Basel, Bank for International Settlements, July 2020. 156 p. Available at: <https://www.bis.org/publ/joint02.pdf> (accessed 26.02.2021).
7. *Financial Conglomerates Directive 2002/87/EC. Document 32002L0087*. Directive 2002/87/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 2002. Available at: <http://data.europa.eu/eli/dir/2002/87/oj> (accessed 26.02.2021).
8. Anjos F., Custodio C., Fernandes N., Margo J. *Conglomerates with Financial Divisions: an Internal Capital Markets Perspective*, March 21, 2018. 44 p. Available at: https://www.hhs.se/contentassets/8e944c1104dc44b9b7cd00ef92dac62e/180427-claudia-custodio-fincongs_mar21_2018.pdf (accessed 13.02.2021).
9. *Банк России. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2017 г.* Москва, Банк России, 2018. 129 с. [*Bank of Russia. Report on the development of the banking sector and banking supervision in 2017*. Moscow, Bank of Russia, 2018. 129 p. (In Russ.)] Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/24204/bsr_2017.pdf (accessed 13.02.2021).
10. *Банк России. Обзор финансовой стабильности № 1 (16) IV квартал 2019 – I квартал 2020 года.* Москва, Банк России, 2020. 59 с. [*Bank of Russia. Financial Stability Review, no. 1(16), IV Quarter 2019 – I Quarter 2020*. Moscow, Bank of Russia, 2020. 59 p. (In Russ.)] Available at: http://all-pf.com/upload/iblock/d1d/OFS_20_01.pdf (accessed 13.02.2021).
11. *Годовой отчет Банка России за 2019.* Москва, Банк России, 2020. 408 с. [*Annual Report of the Bank of Russia for 2019*. Moscow, Bank of Russia, 2020. 408 p. (In Russ.)] Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/27873/ar_2019.pdf (accessed 13.02.2021).
12. *Вестник Банка России*, № 80 (2216), 14.10.2020. 74 с. [*Bulletin of the Bank of Russia*, no. 80(2216), 14.10.2020. 74 p. (In Russ.)] Available at: <https://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/97324?fileId=-1&scope=2216> (accessed 13.02.2021).
13. Petralia K., Philippon T., Rice T., Veron N. *Geneva 22: Banking Disrupted? Financial Intermediation in an Era of Transformational Technology*. London, Centre for Economic Policy Research, September 24, 2019. Available at: https://cepr.org/active/publications/books_reports/viewreport.php?vno=P321 (accessed 13.02.2021).
14. Frost J., Gambacorta L., Huang Y., Shin H.S., Zbinden P. BigTech and the Changing Structure of Financial Intermediation. *BIS Working Papers*, no. 779, April 8, 2019. Available at: <https://www.bis.org/publ/work779.pdf> (accessed 13.02.2021).
15. Boot A., Hoffmann P., Laeven L., Ratnovski L. Financial Intermediation and Technology: what's Old, what's New? *European Central Bank, Working Paper Series*, no. 2438, July 2020. 34 p. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2438~d0d447b9b6.en.pdf?3667a205127eb6417924d14e1a2bb9c5> (accessed 13.02.2021).
16. Waters R., Lee D., Murphy H., McGee P. Big Tech Shows its Resilience to Pandemic and Politics. *The Financial Times*, 30.10.2020. Available at: <https://www.ft.com/content/ac8c0714-151b-4c2f-8eb4-2e5c480f9dec> (accessed 13.02.2021).
17. Тофанюк Е., Усков Н. Герман Грегф: “Трансформация Сбербанка – это вечный процесс”. *Forbes*, 22.11.2019. [Tofanjuk E., Uskov N. German Gref: “Sberbank’s transformation is an eternal process”. *Forbes*, 22.11.2019. (In Russ.)] Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/387895-german-gref-transformaciya-sberbanka-eto-vechnyy-process> (accessed 13.02.2021).

18. Тимирчинская О. Как Сбербанк строит экосистему на все случаи жизни. *Газета.ру*, 11.06.2019. [Timirchinskaya O. How Sberbank builds an ecosystem for all occasions. *Gazeta.ru*, 11.06.2019. (In Russ.)] Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/11/12408139.shtml> (accessed 13.02.2021).
19. Cornelli G., Frost J., Gambacorta L., Rau R., Wardrop R., Ziegler T. Fintech and Big Tech Credit: a New Database. *BIS Working Papers*, no. 887, September 2020. Available at: <https://www.jbs.cam.ac.uk/wp-content/uploads/2020/09/2020-ccaf-fintech-bigtech-credit.pdf> (accessed 13.02.2021).
20. The Financial World's Nervous System Is Being Rewired. *The Economist*, 09.05.2020. Available at: <https://www.economist.com/special-report/2020/05/07/the-financial-worlds-nervous-system-is-being-rewired> (accessed 13.02.2021).
21. What Ant Group's IPO Says about the Future of Finance. *The Economist*, 10.10.2020. Available at: <https://www.economist.com/briefing/2020/10/10/what-ant-groups-ipo-says-about-the-future-of-finance> (accessed 13.02.2021).
22. Kyngé J., Sender H., Sun Yu. The Party is Pushing Back: why Beijing Reined in Jack Ma and Ant. *The Financial Times*, 05.11.2020. Available at: <https://www.ft.com/content/3d2f174d-aa73-44fc-8c90-45c2a554e97b> (accessed 13.02.2021).
23. Foroohar R. Big Tech Collaborates to Conquer. *The Financial Times*, 25.10.2020. Available at: <https://www.ft.com/content/eacb3e89-59fa-4251-bc5c-813774022c2> (accessed 13.02.2021).
24. Shadow Banking. Putting the Capital into Capitalism. *The Economist*, 25.06.2020, pp. 55-57. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/07/25/banks-lose-out-to-capital-markets-when-it-comes-to-credit-provision> (accessed 13.02.2021).
25. *Review of the Differentiated Nature and Scope of Financial Regulation. Key Issues and Recommendations*. Basel, Bank for International Settlements, January 2010. 132 p. Available at: <https://www.bis.org/publ/joint24.pdf> (accessed 13.02.2021).
26. Szczepanski M. *Digital Taxation. State of Play and Way forward*. EPRS/European Parliamentary Research Service, March 2020. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649340/EPRS_BRI\(2020\)649340_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649340/EPRS_BRI(2020)649340_EN.pdf) (accessed 13.02.2021).
27. Swanson A. Biden on "Short Leash" as Administration Rethinks China Relations. *The New York Times*, 17.02.2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/02/17/business/economy/biden-china.html> (accessed 25.02.2021).

THE MODERN FINANCIAL CONGLOMERATES COMPETITION

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 14-21)

Received 02.03.2021.

Sergey K. DUBININ (dsk@vtbcapital.com)

Lomonosov Moscow State University (MSU), 1, buil. 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; VTB Capital JSC, Vorontsovskaya Str., 43, buil. 1, Moscow, 109147, Russian Federation.

The national and worldwide financial markets were dramatically reorganized in the after financial crisis 2007–2009 years period. The financial systems development faced new macroeconomic environment. The financial conglomerates are actively competing on the financial markets in now day situation. The financial institutes' competitiveness is determined more and more by the factor of financial innovations on the information technology base. And the competition is escalating. This is the result of the IT companies, eCommerce firm's invasion in the financial area. They are using the marketplace, information platform, the Big Data technologies. The major world commercial banks answer is the business-model change. The banking sector, the financial companies, in their turn, are targeting to expend their personal client service orientation with the Fintech ecosystems instruments. The banks became the management centers of the financial conglomerates and banking groups. Their role today is realizing the asset control over the SPV, investment funds, pension funds, insurance companies, which are transformed into the financial conglomerate's divisions. The financial sphere space extends and so far, the prudential regulation and authorities' activity spreads to all financial business aspects. This government activity is targeting today also on the international multipole competition. For example, the USA technological and financial innovations on the global financial markets are combined with the multilateral and unilateral economic sanctions aimed at banning the Chinese economic and political expansion.

Keywords: financial conglomerates, banking groups, IT companies, Big Data, Fintech, financial ecosystems, financial innovations, new business model, antitrust law regulation, prudential regulation authorities.

About author:

Sergey K. DUBININ, Dr. Sci. (Econ.), Head of Department, Member of the Board of Directors.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-14-21

СЕРВИТИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

© 2021 г. В. Кондратьев, Г. Кедрова, В. Попов

*КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович, доктор экономических наук, профессор,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (v.b.kondr@imemo.ru).*

*КЕДРОВА Галина Васильевна, научный сотрудник,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (kedrova@imemo.ru).*

*ПОПОВ Владимир Васильевич, старший научный сотрудник,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (vlvaspopov@rambler.ru).*

Статья поступила в редакцию 09.11.2020.

Сегодня одна из ключевых стратегий промышленных компаний развитых стран, особенно в наукоемких отраслях – сервитизация. Продажа лишь готовых товаров все чаще не обеспечивает достижения желаемого уровня прибыльности. Это заставляет компании продвигаться вверх по стоимостным цепочкам для создания более высокой стоимости, интегрирующей в себе стоимость и товаров, и услуг. В статье представлены новые данные о роли услуг в глобальных цепочках создания стоимости. Они свидетельствуют, что в настоящее время на них приходится большая доля мирового экспорта – как в виде непосредственно экспортируемых услуг, так и услуг, включенных в экспорт готовых товаров, в том числе внутрифирменных.

Ключевые слова: сервитизация промышленности, глобальные цепочки стоимости, экономическая политика, бизнес-модели, товарный экспорт.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-22-30

Первоначально роль услуг в стоимостных цепочках заключалась в установлении связей в рамках производственной деятельности компаний разных стран. Для управления производственными процессами, которые географически и территориально отделены друг от друга, требуются такие услуги, как транспорт, связь, логистика, финансы и т. д. [1]. Но услуги – это не просто связующий элемент в глобальных цепочках создания стоимости [2]. Существуют важные элементы издержек, связанные с услугами, которые выходят за рамки обычной производственной деятельности, осуществляемой крупными корпорациями в разных странах. Например, любая цепочка создания стоимости начинается с расходов на НИОКР, проектных и инженерных работ, которые при передаче на аутсорсинг становятся составной частью затрат, относящихся к услугам.

На другом конце цепочки добавленной стоимости также находятся услуги, такие как маркетинг и дистрибуция, которые сами по себе – важные этапы производства. Поэтому сервисные связи можно рассматривать как часть более широкой категории затрат, которые не только выполняют вспомогательные функции, но и связаны с издержками на ключевых этапах производства. Некоторые из сервисных затрат – горизонтальные (в том смысле, что они необходимы любой компании в любой цепочке создания стоимости), тогда как

другие относятся к вертикальным цепочкам в производственном секторе. Например, к горизонтальным услугам относят бизнес-консалтинг, анализ рынков, юридические услуги, бухгалтерский учет, обучение, маркетинг и продажи и т. д., а к вертикальным – инвестиционные исследования в финансовом секторе, управление рисками для страховых услуг, промышленное проектирование для конкретных производственных секторов, клинические испытания в здравоохранении и фармацевтической промышленности и т. д.

СОВРЕМЕННЫЙ ХАРАКТЕР УСЛУГ

Экономические исследования, анализирующие затраты различных ресурсов у компаний обрабатывающей промышленности, свидетельствуют о широком спектре используемых ими видов услуг. Так, шведская компания *Sandvik Tooling*, производящая инструменты, полагается на более чем 40 различных типов услуг для управления цепочками поставок. Американская *Aromatic*, работающая в агропродовольственном секторе и поставляющая ингредиенты для пекарен, несмотря на свой малый размер, прибегает к 50 различным видам услуг [3].

Более активное использование услуг производственными фирмами становится первым компонентом “сервитизации”, которая означает, что промышленный сектор все больше пользуется

разного рода услугами — будь то в качестве потребляемых промежуточных ресурсов или внутрифирменных услуг, затраты на которые становятся составным элементом стоимости готового товара. С одной стороны, это явление неразрывно связано с глобальными стоимостными цепочками, а с другой — услуги меняют способ создания стоимости.

Исследования по этой теме берут свое начало с работы Т. Левитта [4]. Его важный вывод заключается в следующем: “Не существует такого понятия, как сфера услуг. Есть только отрасли, в которых компоненты услуг составляют большую или меньшую часть, чем в других отраслях”. Левитт написал это в 1972 г., тем самым поставив под сомнение различие между товарами и услугами еще до возникновения глобальных цепочек создания стоимости.

В данной статье под сервитизацией понимается возрастание значения услуг в производственной деятельности промышленных компаний. Подчеркивается тот факт, что отличить товары от услуг становится все труднее. Сервитизация производства подразумевает:

– увеличение затрат на услуги, ведущее к росту доли добавленной стоимости, создаваемой сервисными отраслями;

– сдвиг в сторону услуг в производственных компаниях при меньших затратах на основную производственную и сборочную деятельность с одновременным ростом издержек на НИОКР, дизайн, дистрибуцию, логистику, маркетинг, продажи, послепродажное обслуживание, ИТ и менеджмент;

– конвергенцию между товарами и услугами, реализуемыми производственными компаниями “в комплексе” для увеличения стоимости товара.

Помимо более интенсивного использования различных видов услуг, развивается также процесс сервитизации внутри самих производственных компаний. Например, фирмы часто используют свои исследования и разработки или собственный

ИТ-потенциал, а также различные вспомогательные услуги, которые делают их более эффективными и позволяют увеличить экспорт. Такие внутрифирменные услуги труднее оценить и измерить. Вместе с тем данные по шведским компаниям, например, показывают, что увеличение доли услуг в собственном производстве в среднем приводит к более высокой интенсивности экспорта [5].

Производящие компании все чаще продают товары вместе с услугами. Этот процесс можно определить, как “нововведение возможностей и процессов организации для перехода от продажи продуктов к продаже интегрированных продуктов и услуг, обеспечивающих ценность использования” [6]. Подобная форма торговли, как правило, направлена на то, чтобы покупатель мог полноценно и более эффективно использовать приобретенный товар.

Например, оборудование экспортируется вместе с услугами по его установке, проектированию, техническому обслуживанию и ремонту. Существуют экспортные контракты, охватывающие как товары, так и услуги как часть интегрированной системы. Связанные услуги предусмотрены либо при экспорте товара (например, услуги по установке), либо на более позднем этапе в рамках эксплуатации товара (услуги по техническому обслуживанию) или при его неисправности (услуги по ремонту). Компания заинтересована в создании продукта большей стоимости и в налаживании отношений с клиентом, которые будут продолжаться на протяжении всего жизненного цикла продукта.

С этой точки зрения интересна классификация отраслей услуг (табл. 1). Некоторые услуги привязываются к товару, чтобы использовать его без изменения функционального назначения (“сглаживание”). Другие нацелены на расширение функциональности продукта или оказание помощи покупателю для поиска новых возможностей использования (“адаптация”). Это предполагает большее взаимодействие с клиентами. Но не все услуги, предлагаемые производственными фир-

Таблица 1. Классификация услуг, предоставляемых производственными компаниями

	Сглаживающие	Адаптирующие	Заменяющие
Определение	Услуги, которые “сглаживают” продажу товара или его использование без изменения функциональности товара	Услуги, расширяющие функциональное назначение товара или помогающие потребителю найти новые способы его использования	Услуги, заменяющие покупку товара
Примеры	Финансирование. Страхование. Техническая поддержка. Обучение	Кастомизация, создающая новые свойства товара, применительно к потребителю. Обучение или консалтинг, открывающие возможности нового использования товара. Интеграция с другими товарами	Услуги по обработке данных вместо компьютера. Программное обеспечение как услуга вместо приобретения лицензии на него в качестве товара. Программа компании <i>Rolls Royce</i> “ <i>Power by the Hour</i> ”

Источник: [7].

мами, дополняют продаваемый ими продукт. Эксперты указывают, что некоторые из них продаются в дополнение к ранее проданным товарам, например в случае программного обеспечения, купленного как услуга, а не как продукт. Некоторые корпорации переходят на бизнес-модель, при которой они сдают продукт в аренду, а не продают его. Например, *Rolls Royce* предлагает услугу “*power by the hour*” вместо продажи своих авиадвигателей.

Отдельные компании могут также в большей мере сосредоточиться на услугах, а не на производстве, потому что одно направление деятельности со временем становится более прибыльным, чем другое. В качестве примера можно привести *IBM*, которая быстро перешла от производства компьютеров к предоставлению услуг, то есть полностью изменила свою бизнес-модель для сохранения лидерства в секторе высоких технологий [8].

Независимо от того, предоставляются ли услуги в своем классическом качестве или в виде промежуточных затрат внутри самих производственных компаний, а также как конечный продукт в составе производимых и продаваемых товаров, общим знаменателем в этих типах сервитизации становится то, что они позволяют создать большую стоимость. Некоторые затраты на услуги напрямую направлены на повышение производительности фирмы и снижение издержек. Например, юридические, инженерные или банковские услуги предоставляются фирмам решения для более эффективного и менее затратного ведения их деятельности.

То же самое достигается при инвестировании большего количества ресурсов внутри фирмы в оказание услуг. В случаях когда менее затратно развивать некоторые экспертные компетенции внутри компании или когда имеет смысл сохранить конкурентное преимущество для непосредственного оказания услуг, стратегией фирмы становится более активное выделение ресурсов на сервисную деятельность внутри ее самой, направленную на увеличение стоимости.

Например, расширение внутренних НИОКР будет способствовать укреплению инновационного потенциала компании, созданию более качественных продуктов и в конечном итоге – укреплению конкурентных преимуществ. Увеличение расходов на обучение персонала и совершенствование производственного процесса (например, с помощью собственных ИТ-услуг) также напрямую ведут к повышению производительности.

То, что называют сервитизацией производства, тесно связано с развивающимися в цифровую эпоху бизнес-стратегиями. Использование цифровых технологий и компьютеров позволило фирмам не только автоматизировать производство и повысить эффективность основной производственной

деятельности, но и изменило характер услуг поддержки и использования информации при взаимодействии с клиентами.

С помощью методов 3D-печати цепочка создания стоимости может быть сокращена, так как сегмент НИОКР непосредственно связывается с клиентом через покупку чертежей и производство самих продуктов. С появлением цифровых платформ B2B и электронной коммерции логистика и дистрибуция переформируются. Новые технологии используются также для снижения затрат и ускорения производственного процесса.

Маркетинг, продажа и послепродажное обслуживание становятся органическими частями цепочки создания стоимости. Для совершенствования и адаптации продуктов, а также для увеличения продаж за счет ориентации на целевых потребителей собирается соответствующая информация о клиентах и их предпочтениях. А технология больших данных (*big data*) используется в первую очередь в маркетинге.

Сервитизация и цифровизация производства взаимосвязаны и выступают основой глубокой трансформации способов создания стоимости. Использование цифровых технологий стало ее основополагающим элементом, но и клиентоориентированность – очень важный аспект. В новом поколении глобальных стоимостных цепочек бизнес пытается сократить время вывода товара на рынок, создавая продукты, которые лучше учитывают потребности потенциальных покупателей, а также повышать качество обслуживания клиентов. Успешные компании пытаются наладить отношения с покупателями и поддерживать степень их удовлетворенности после покупки, чтобы стимулировать рост продаж в будущем. Приближая производство к рынкам конечных пользователей, новые глобальные стоимостные цепочки все больше опираются на услуги и меньше – на международную торговлю товарами. Этим, в частности, можно объяснить стойкое замедление темпов мировой торговли, наблюдающееся в последние годы.

НОВАЯ РОЛЬ УСЛУГ В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ СТОИМОСТИ

С появлением межстрановых межотраслевых балансов и новых исследований о глобальных цепочках появилась возможность определения количественных характеристик роли услуг в них и степени сервитизации промышленности. Важный вывод: на услуги приходится гораздо большая доля экспорта, если его анализировать в категориях добавленной стоимости. Показатель доли услуг в экспорте с учетом добавленной стоимости значительно увеличивает вклад услуг в международную

торговлю (табл. 2). Так, в 2011 г. 49% добавленной стоимости в мировом валовом экспорте приходилось на сектор услуг; таким образом подтверждается тот факт, что торговля услугами “встроена” в экспортно-импортные операции.

Таблица 2. Удельный вес услуг в экспорте, %

Страна	Доля в валовой стоимости экспорта	Доля в добавленной стоимости
Чили	18	38
Вьетнам	8	39
Южная Корея	18	40
Малайзия	17	41
Россия	8	42
Южная Африка	10	43
Австралия	16	46
Чехия	17	50
Бразилия	16	50
Япония	19	51
Финляндия	27	54
США	30	57
Индия	31	59
Швеция	24	61
Франция	23	62
Нидерланды	20	66

Рассчитано по [9].

Наиболее высока доля услуг в химической промышленности и автомобилестроении (около 38%

в каждом случае). Напротив, ее минимальный уровень (25%) характерен для нефтяной промышленности. В среднем этот показатель по всем отраслям промышленности чуть больше 30%. Около трети приходится на услуги дистрибуции, еще треть – на бизнес-услуги (включая телекоммуникации, компьютерные и профессиональные услуги, НИОКР, консалтинг, рекламу и маркетинг, технические испытания, а также экологические услуги). Последняя треть распределяется между транспортными, финансовыми и прочими услугами (категория, охватывающая строительство, отели и рестораны, государственные услуги, здравоохранение и образование, развлечения, аудиовизуальные услуги) (рис. 1).

Степень использования внутрифирменных услуг по отдельным отраслям различается. Наиболее высокая доля занятости, которая приходится на основную производственную деятельность, отмечается в низкотехнологичных отраслях, таких как легкая, деревообрабатывающая или горная промышленность. Высокотехнологичные отрасли – ИКТ и электроника – имеют больше вспомогательных услуг, в частности, более высокую долю занятых в НИОКР. Нефтяная промышленность и химическое производство также отличаются высокой развитостью услуг, так как здесь относительно большое значение имеют логистические и дистрибутивные услуги.

Отрасли пищевой промышленности, целлюлозно-бумажная промышленность, а также фар-

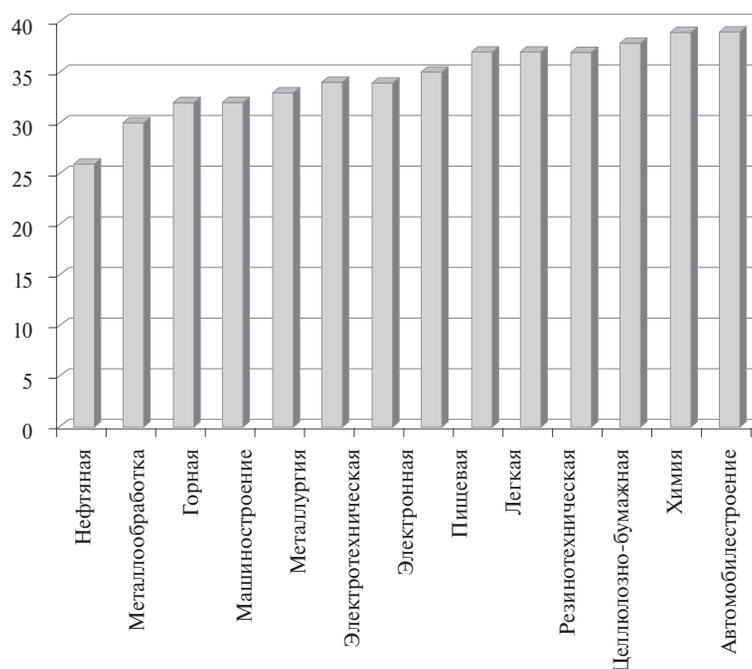

Рис. 1. Доля добавленной стоимости услуг в экспорте отраслей обрабатывающей промышленности, %

Рассчитано по [9].

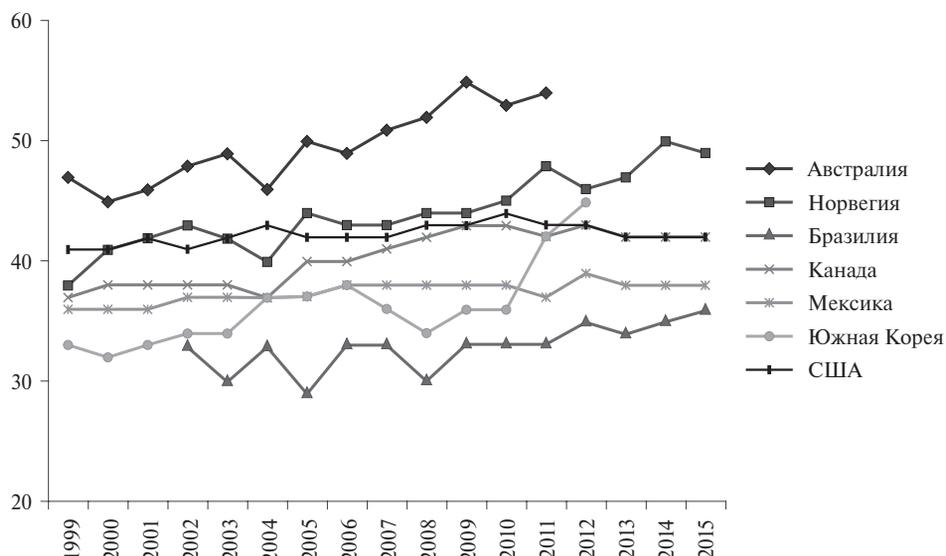

Рис. 2. Доля занятых в услугах внутри компаний обрабатывающей промышленности, 1999–2015 гг., %

Рассчитано по [9].

мацевтика в большей степени зависят от услуг маркетинга, продаж и послепродажного обслуживания. В нефтяной промышленности высока доля ИТ-услуг, услуг управления, администрирования, а также услуг по ремонту и безопасности. Капиталоемкие отрасли, как правило, обладают более высоким показателем доли услуг в стоимости промышленной продукции, что характерно, например, для авиа- и судостроения.

На рис. 2 представлена динамика доли занятых во внутрифирменных услугах компаний в обрабатывающей промышленности. Во всех странах отчетливо прослеживается тенденция к увеличению объема предоставления таких услуг. Переход к услугам внутри производственных компаний наиболее заметен в Австралии, Бразилии, Корее и Норвегии, доля занятых в сфере услуг также постоянно увеличивается в компаниях Канады, Мексики, стран ЕС и США. Некоторое замедление этого процесса после 2011 г. связано с общими тенденциями развития глобальных цепочек стоимости и глобализации в последнее десятилетие.

Существуют также различия в этом показателе и между отраслями. Хотя объем услуг увеличился с годами почти во всех отраслях, но особенно этот процесс был заметен в производстве мебели, ювелирных изделий и игрушек, полиграфической промышленности, деревообработке и легкой промышленности, то есть в менее технологичных отраслях. Помимо такого рода услуг существуют услуги, интегрированные в стоимость промышленных товаров. В Австрии, например, на фирмы, экспортирующие как товары, так и услуги, пришлось в 2016 г. до 45% экспорта товаров [10].

Во Франции в период 1997–2014 гг. во всех обрабатывающих отраслях доля услуг в общем объеме продаж значительно увеличилась. Примерно 80% компаний обрабатывающей промышленности сообщили о продаже некоторых услуг и 25% — о том, что поставляют на рынок больше услуг, чем товаров. Отраслью с самой низкой долей услуг в продажах оказалась пищевая промышленность (55%), а с их максимальной долей — химическая (88%). По сравнению с фирмами, которые производят только товары, компании, которые начинают продавать и товары, и услуги, увеличивают свою прибыльность, количество сотрудников и объемы продаж товаров [11].

В Германии в 2001–2013 гг. на промышленные компании приходилось около четверти всего экспорта услуг в стране. Особенно высока доля промышленных компаний в экспорте услуг НИОКР (80%), инженерных (75) и строительных услуг (70%) [12]. В Италии в 2008–2016 гг. почти половина из 3 тыс. промышленных фирм экспортировала услуги. В целом на обрабатывающую промышленность приходилось до 30% экспорта услуг страны [13]. В Швеции у 5 тыс. производственных компаний за период 2001–2018 гг. на услуги приходилось в среднем 10% их продаж [10].

ОСОБЕННОСТИ СЕРВИТИЗАЦИИ В ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ

Интересно проследить специфику видов услуг, связанных с производством и экспортом готовых товаров в той или иной отрасли экономики. В то время как оптовая и розничная торговля, транс-

Таблица 3. Структура услуг, продаваемых в составе товаров по отраслям, %

Виды услуг	Торговля	НИОКР и инжиниринг	Поддержка бизнеса	Финансы и аренда	Хранение и логистика	Строительство	Ремонт	Транспорт	Прочие
Пищевая	62		12	7	3			2	14
Деревообработка	33		11	5		24			27
Химия	45	17	11	3		5			19
Металлургия	35	6	11			15			34
Машиностроение	30	14	5	17			10		25
Автомобилестроение	27	4	11	48			4		10
Прочее транспортное оборудование	6	12		21	23		22		16
Электротехническая промышленность	30	32	9	11		4	5		

Рассчитано по [9].

портные и логистические услуги имеют важное значение практически для всех глобальных цепочек стоимости, существуют и так называемые незаменимые услуги, необходимые для экспорта определенных специфических видов товаров.

Например, строительные услуги занимают второе место в отрасли по производству изделий из дерева, поскольку многие продажи древесины не состоялись бы, не будь они составной частью строительного контракта. В химической промышленности услуги инжиниринга и НИОКР играют аналогичную роль, поскольку отраслевые компании предлагают своим клиентам техническую помощь в решении инженерных и технических проблем.

В машиностроении техническое обслуживание и ремонт, а также услуги монтажа и установки выступают незаменимыми видами деятельности, без чего невозможно продавать производимые сложные машины и оборудование. Услуги по техническому обслуживанию и ремонту занимают второе место после складского хозяйства и логистики в производстве транспортного оборудования, поскольку контракты, например, на поставку самолетов касаются не только продажи авиационной техники, но и их технического обслуживания. Третья по важности категория услуг – это финансы, которые наряду с арендой остаются одними из основных видов услуг, продаваемых единым пакетом, в частности, в автомобильной промышленности (табл. 3).

СТОИМОСТНЫЕ СЕТИ И УЗЛЫ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ

Классические линейные цепочки создания стоимости хорошо видны в отраслях, в которых сырье и материалы подвергаются последовательной переработке, а стоимость добавляется к обработанным продуктам, достигая высшей точки в конечном продукте. Некоторые отрасли сферы услуг,

такие как строительство и пищевая промышленность, развиваются именно по такой модели. Но это не относится к услугам, которые, в отличие от линейных цепочек, похожих на “змею”, предоставляются через сетевые системы, сравниваемые с “пауком” [14].

Так, в “сетях” создания стоимости стоимость создается путем объединения и связывания клиентов друг с другом. Это характерно, в частности, для страховых услуг. Банковские услуги также основаны на сетях взаимодействия заемщиков и кредиторов. Существует множество сетевых служб, основанных на материальных сетях (например, телекоммуникации и транспорт), где стоимость возникает на основе связей, предлагаемых инфраструктурой.

Стоимостные сети стоят за многими новыми услугами, предоставляемыми через Интернет или через мобильные приложения. Например, *Uber* можно рассматривать как транспортную компанию, но стоимость в ее бизнес-модели генерируется из платформы, которую она предлагает для подключения пользователей и водителей такси, организации транспортного обслуживания и его оплаты максимально простым для заказчика способом.

Другая модель создания стоимости в определенных сервисных отраслях – это так называемые стоимостные узлы (*value shop*)¹. В то время как стандартные производственные процессы описываются линейными стоимостными цепочками, цель стоимостных узлов – адресные индивидуальные решения.

Профессиональные, консультационные, инженерные услуги, услуги НИОКР – это все примеры

¹ *Value shop* – организационная форма, предназначенная скорее для решения проблем потребителей или клиентов, чем для создания стоимости в результате производства конечного продукта.

стоимостных узлов. Важен фактор их размещения не только рядом с клиентом, но и близко к исследовательским центрам и центрам подготовки квалифицированной рабочей силы.

Важно понимать, что глобальные цепочки создания стоимости на самом деле представляют собой сочетание перечисленных бизнес-моделей. В рамках одной и той же цепочки, например в автомобилестроении, существуют элементы “стоимостных узлов” в области исследований и разработок, дизайна и всех бизнес-услуг, необходимых для производителей автомобилей, и элементы стоимостных сетей, когда дело доходит до их дистрибуции и финансирования продаж.

Введение в оборот категорий стоимостных сетей и узлов расширяет представление о разнообразии бизнес-моделей, не сводимых только к классическим линейным глобальным цепочкам стоимости как системе последовательных производственных процессов.

На рис. 3 представлены данные о сравнительной занятости по трем выделенным типам создания стоимости в сфере услуг ведущих стран мира. Можно видеть, что между 1999 и 2015 г. доля рабочих мест в “стоимостных узлах” увеличилась с 48 до 56% от общей занятости в сфере услуг. А удельный вес классических стоимостных цепочек и сетей снизился соответственно с 31 до 27% и с 21 до 17%.

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СЕРВИТИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Как отмечают М. Крозет и Е. Миле, представление о сервитизации промышленности как сдви-

ге производства и занятости от обработки к сфере услуг может часто приводить к неверным выводам о характере происходящих процессов. Это касается, например, дебатов о деиндустриализации стран ОЭСР [11]. Деиндустриализацию, понимаемую как снижение доли занятых в обрабатывающей промышленности в их общей численности, можно наблюдать также в странах с низким и средним уровнями дохода [15].

Поскольку она затрагивает многие страны, возникает более фундаментальный вопрос: что такое деиндустриализация, когда границы между производством и сферой услуг оказываются размытыми и статистические классификации больше не могут четко различать эти два вида деятельности? Это впервые было отмечено еще Т. Левиттом [4]. Он сравнил *Citibank* (банк, представленный как сервисная компания) с компанией *IBM* (в то время крупнейшим производителем компьютеров, классифицируемым как производственная корпорация). Тот факт, что *Citibank* был поставщиком услуг, а *IBM* – производителем, был для Т. Левитта следствием устаревшей таксономии. На сегодняшний день *IBM* представляет собой чисто сервисную компанию, поскольку больше не производит компьютеры.

В многосторонней торговой системе, как и в большей части региональных и двусторонних торговых соглашений, существуют разные правила торговли товарами и услугами. Торговый режим, применяемый к услугам, обычно более ограничительный, чем применяемый к товарам, и варьируется в зависимости от страны к стране. Это порождает существенную проблему для торговой политики в условиях сервитизации экономики. Возникает

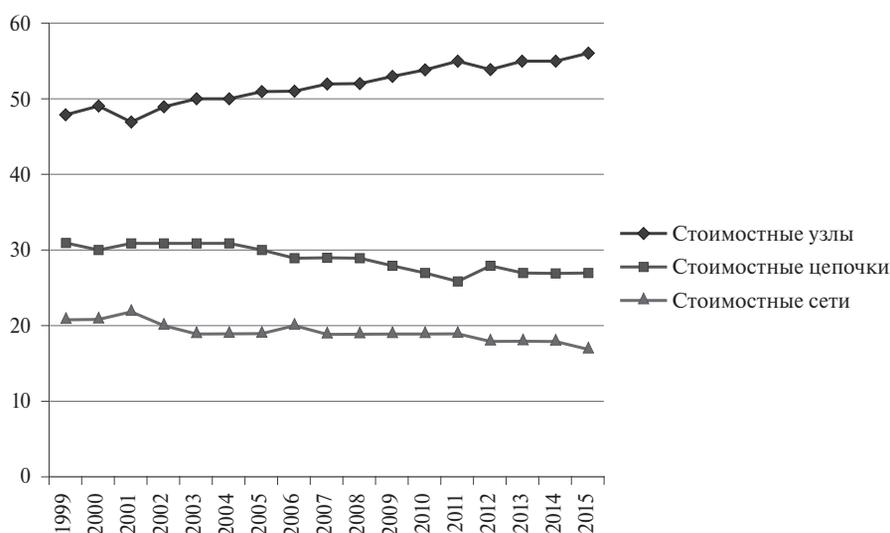

Рис. 3. Доля занятых по типам создания стоимости в сфере услуг мировой экономики, 1999–2015 гг., %

Рассчитано по [9].

также некоторая неопределенность в отношении торговых режимов, когда продаваемые продукты объединяют в себе как товары, так и услуги (например, оборудование и программное обеспечение).

В связи с этим степень торговых ограничений, с которыми сталкиваются фирмы, теперь может быть значительно выше, чем в прошлом, даже при отсутствии каких-либо новых протекционистских мер или в контексте снижения тарифов. На практике компаниям бывает сложнее экспортировать товар из-за барьеров в торговле услугами.

Кроме того, из-за несоответствия между торговыми барьерами на торговлю товарами и услугами, а также из-за стремления приблизить производство и предоставление услуг к потребителю трансграничная торговля в будущем будет сокращаться. Существует тенденция так называемого низершинга (*near-shoring*), предполагающего приближение производства к потребителю. Примером может служить перенос компаниями США производства из Азии в Мексику [16].

Существует концепция "*right-shoring*", указывающая на то, что при выборе между различными стратегиями – офшорингом (*offshoring*), низершингом и бэк-шорингом (*back-shoring*) фирмы должны тщательно оценивать все их плюсы и минусы, выбирая оптимальное месторасположение для своей деятельности с учетом не только затрат, но и соответствия потребностям клиентов.

По сравнению с классической стратегией офшоринга, применявшейся в 1990-х годах и связанной с низкими затратами на рабочую силу в Азии, новые стратегии цепочек поставок в большей степени учитывают риски и более ориентированы на потребителя. Согласно исследованиям, основная мотивация компаний для размещения производства ближе к потребителю заключается в стремлении к улучшению качества услуг. Этой тенденцией можно частично объяснить наблюдаемое замедление темпов международной торговли.

В связи с этим можно выделить несколько направлений совершенствования экономической политики, которые важны для развития компаний, создающих стоимость в последовательных стоимостных цепочках. Большинство трансграничных операций в этом случае связано с преобразованием промежуточных товаров и услуг. Основные тор-

говые барьеры, которые существуют в этом случае: тарифы и нетарифные меры, влияющие на импорт промежуточных товаров; таможенные процедуры и административные требования, излишне увеличивающие время, необходимое для перемещения через границы промежуточных товаров; отсутствие эффективной инфраструктуры (портов, аэропортов, коммуникационных сетей).

Следует подчеркнуть, что стоимостные сети в меньшей степени зависят от промежуточных товаров и не столь подвержены влиянию традиционных торговых барьеров, таких как тарифы, квоты или производственные стандарты. Основными препятствиями на пути их международной экспансии оказываются специфические секторальные правила (например, банковские или страховые), которые не позволяют создавать международные сети пользователей и барьеры для конкуренции, а также лимитируют иностранным компаниям доступ к существующим сетям или создание собственных.

Второй тип барьеров, с которыми обычно сталкиваются стоимостные сети, – это барьеры для конкуренции. ОЭСР отметила существование значительных ограничений торговли в стоимостных сетях, таких как транспортный сектор, телекоммуникации и в меньшей степени финансовые (банковские и страховые) и дистрибьюторские услуги [17]. Для стоимостных узлов важен доступ к навыкам и профессиональным кадрам, с одной стороны, и доступ к клиентам, с другой. Многие услуги этого типа предусматривают миграцию экспертов, подразумевающую перемещение квалифицированных специалистов между материнской компанией и ее дочерними структурами. Все ограничения и правила, препятствующие перемещению профессионалов и высококвалифицированных специалистов, напрямую влияют на развитие стоимостных узлов.

* * *

Стимулирование инноваций поддерживает процесс развития стоимостных узлов. При этом важны не столько увеличение расходов на НИОКР, сколько политика, поощряющая инновационную практику непосредственно в организациях и предоставляющая персоналу возможности для обучения и внедрения инноваций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Gervais A., Jensen B. The Tradability of Services: Geographic Concentration and Trade Costs. *NBER Working Papers*, no. 19759, 2013. 66 p.
2. Low P. The Role of Services in Global Value Chains. *Real Sector Working Paper*, June 2013. 21 p.
3. *The Servicification of EU Manufacturing. Building Competitiveness in the Internal Market*. Stockholm, National Board of Trade Sweden, 2016. 44 p.
4. Levitt T. Production-Line Approach to Service. *Harvard Business Review*, 1972, vol. 50, no. 5, pp. 20-31.

5. Lodefalk M. The Role of Services for Manufacturing Firm Exports. *Review of World Economics*, 2014, vol. 150, iss. 1, pp. 59-82.
6. Baines T., Lightfoot H., Benedettini O., Kay J. The Servitization of Manufacturing: a Review of Literature and Reflection on Future Challenges. *Journal of Manufacturing Technology Management*, 2009, vol. 20, iss. 5, pp. 547-567.
7. Cusumano M., Kahl S., Suarez F. Services, Industry Evolution, and the Competitive Strategies of Product Firms. *Strategic Management Journal*, 2015, vol. 36, pp. 559-575.
8. Ahamed Z., Inohara T., Kamoshida A. The Servitization of Manufacturing: an Empirical Case Study of IBM Corporation. *International Journal of Business Administration*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 18-26.
9. Services in Global Value Chains: from Inputs to Value-Creating Activities. *OECD Trade Policy Papers*, no. 197, 2017. 59 p.
10. Magneteg E., Parrosidis M. *Servitization in Manufacturing Firms*. Lund, Lund University, 2019. 139 p.
11. Crozet M., Millet E. Should Everybody Be in Services? The Effect of Servitization on Manufacturing Firm Performance. *CEPII Working Paper*, no. 2015-19 – October, 2015. 33 p.
12. Kelle M. Crossing Industry Borders: German Manufacturers as Services Exporters. *The World Economy*, 2013, vol. 36, iss. 12, pp. 1494-1515.
13. Federico S., Tosti E. Exporters and Importers of Services: Firm-Level Evidence on Italy. *The World Economy*, October 2017, vol. 40, no. 10, pp. 2078-2096.
14. Baldwin R., Venables A. Spiders and Snakes: Offshoring and Agglomeration in the Global Economy. *Journal of International Economics*, 2013, vol. 90, iss. 2, pp. 245-254.
15. Rodrik D. Premature Deindustrialization. *NBER Working Paper*, no. 20935, 2015. 33 p.
16. De Backer, K., Menon C., Desnoyers-James I., Mousiest L. Reshoring: Myth or Reality? *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, no. 27, 2016. 34 p.
17. *Economic Policy Reforms 2014: Going for Growth Interim Report*. Paris, OECD, 2014. 122 p.

SERVITIZATION OF INDUSTRY: NEW EVIDENCE

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 22-30)

Received 09.11.2020.

Vladimir B. KONDRAT'EV (v.b.kondr@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russian Federation.

Galina V. KEDROVA (kedrova@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russian Federation.

Vladimir V. POPOV (vlvaspopov@rambler.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russian Federation.

A significant increase in the use of services is observed for some industries in GVCs (Global Value Chains). The paper has shed light on important dimension of the servitization which is the sale and export of services by manufacturing firms, often bundled together with goods. Firm-level data confirm that many firms are involved both in the production of goods and services and that there are complementarities between these activities. Not only manufacturing firms are involved in the distribution, transport and logistics services needed for their international operations in GVCs but also, they provide installation, maintenance, repair services as well as a variety of other business support and complementary services that increase value for their customers. The servitization has important policy implications, particularly when taking into account the fact that trade in services is generally more restricted than trade in goods. As the lines between goods and services are blurred, economic policy today might be more challenging than in the past, particularly for companies moving to new business models that imply more interactions with customers and a more intensive use of digital technologies. Services themselves are split into different modes of supply for which there are different levels of economic policy. A closer look at the mechanisms of value creation in the case of services suggests that there are still the needs of new economic policy addressed at business models described as value networks or value shops. As technologies become more disruptive and more companies move to 'servicified' GVCs, the need for a more consistent international economic policy regime, particularly at the multilateral level, will become more urgent.

Keywords: industry servitization, global value chains, economic policy, new business models.

About authors:

Vladimir B. KONDRAT'EV, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Center.

Galina V. KEDROVA, Researcher.

Vladimir V. POPOV, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-22-30

ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ЮЖНАЯ КОРЕЯ И АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ
СВОБОДНОЙ И ОТКРЫТОЙ ИНДО-ПАСИФИКИ

© 2021 г. О. Давыдов

ДАВЫДОВ Олег Владимирович, Посол по особым поручениям МИД РФ (в отставке),
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (4545233@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 15.01.2021.

Продвижение США концепции “свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона” оказало значительное влияние на политический дискурс во многих азиатских странах. Под этим углом зрения в статье рассматриваются основные аспекты эволюции внешнеполитического курса Южной Кореи, новые приоритеты в этой области, сформировавшиеся при администрации президента Мун Чжэ Ина. Показано, что сложные колебания в политике Сеула определяются необходимостью сохранения традиционного фокуса на Вашингтон и стремлением выстраивать стратегическое партнерство с Пекином. Проанализированы основные направления, итоги и перспективы развития взаимодействия между Республикой Корея (РК) и США в целях сопряжения региональных стратегий двух стран с учетом факторов как благоприятствующих, так и препятствующих такому сотрудничеству. Этот круг вопросов освещается с учетом непростой ситуации, сложившейся в американо-южнокорейском альянсе в последние годы.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, Северо-Восточная Азия, Мун Чжэ Ин, новая южная политика, *Quad*, США, Китай, Южная Корея, американо-южнокорейский союз.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-31-40

В 2017 г. президент США Д. Трамп изложил свою индо-тихоокеанскую доктрину (*Free and Open Indo-Pacific, FOIP*), которая в последующие два года была детализирована и обрела более конкретные очертания. В тот же период союзники и партнеры США по региону, включая Японию, Австралию, Индию, государства АСЕАН, также сформулировали и обосновали собственные подходы применительно к концепции *FOIP*, высказав свое отношение к американскому проекту. На этом фоне обращало на себя внимание то, что официальный Сеул, один из наиболее важных союзников США в Тихоокеанской Азии, не только воздержался от поддержки данной стратегии, но даже стремился избегать упоминаний об этом в политическом дискурсе.

Данное обстоятельство едва ли можно объяснить ссылками на “безразличие” или узорность внешнеполитического кругозора Сеула. Напротив, в последнее время Южная Корея выступала в качестве активного игрока на азиатских площадках, не только демонстрирующего политическую инициативу, но и руководствующегося собственным видением складывающейся здесь ситуации.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРИОРИТЕТЫ МУН ЧЖЭ ИНА

На рубеже 2016–2017 гг. Республика Корея столкнулась с серьезными испытаниями. В результате крупного политического скандала тогдашний

президент Пак Кын Хе, обвиненная в коррупции и злоупотреблении властью, была подвергнута процедуре импичмента, а впоследствии – приговорена к длительному сроку тюремного заключения. Одним из последствий острого внутреннего кризиса стали не только дискредитация правящей “Партии великой страны”, но и заметное падение доверия к идеологии политического консерватизма, которая на протяжении целого десятилетия определяла лицо Южной Кореи не только на внутренней, но и на внешней арене.

Избранный на пост президента в мае 2017 г. Мун Чжэ Ин, в прошлом студенческий активист, характеризуемый как “прогрессист”, с самого начала декларировал намерение осуществить серьезный разворот внешнеполитического курса страны с учетом своих либеральных взглядов, а также изменений, происходящих в регионе.

Следует сказать, что Пак Кын Хе оставила своему преемнику сложное наследство в международных делах. В частности, бывшему президенту ставят в вину недальновидное решение (июль 2016 г.) о размещении в стране американских противоракетных комплексов *THAAD*, что спровоцировало серьезный кризис в южнокорейско-китайских отношениях. Хотя по логике Сеула и Вашингтона эти установки были развернуты исключительно для противодействия угрозе со стороны Пхеньяна, который в тот период активизировал разработку и летные испытания ракет различных классов, Пе-

кин воспринял это как серьезный вызов своим интересам в сфере безопасности. Особый гнев китайской стороны вызвало то обстоятельство, что Пак Кын Хе пренебрегла настойчивыми советами отложить реализацию данного решения. Не вняла она и прозрачным предупреждениям о том, что практические шаги по размещению комплексов ПРО, чем бы они ни мотивировались, автоматически приведут к “обрушению” партнерских отношений между Китаем и РК [1].

Жесткая реакция со стороны Пекина последовала сразу после доставки на Юг Кореи первых элементов системы *THAAD*, что выразилось прежде всего в применении мер экономического воздействия и свертывании гуманитарных связей и контактов: это введение неформальных санкций против многочисленных корейских предприятий в Китае, бойкот товаров, приостановка целого ряда уже профинансированных проектов, закрытие сети южнокорейских торговых компаний и крупных магазинов, отмена гастролей артистов, сокращение потока туристов. Общий объем ущерба, понесенного южнокорейским бизнесом вследствие пресинга, оказанного китайской стороной (15.6 млрд долл. США), оказался не слишком велик в сопоставлении с колоссальными масштабами двусторонних торгово-экономических связей. Вместе с тем Пекин своими неформальными, но решительными действиями, в которых прочитывалась государственная воля, преподнес Сеулу жестокий урок, продемонстрировав, как будет действовать Китай в отношениях с любым партнером, который бросает вызов его ключевым интересам [2].

Не менее серьезным поводом для предъявления претензий Пак Кын Хе со стороны либеральной оппозиции стала ее противоречивая и невнятная политика на северокорейском направлении. Провозгласив “политику доверия” (*trustpolitik*) в отношениях с КНДР, консервативная администрация медлила с конкретными предложениями о возобновлении межкорейского диалога, сделав упор на задачи противодействия северокорейским провокациям. При этом координации между Сеулом и Вашингтоном придавалось значение краеугольного камня во всех вопросах корейского урегулирования. Между США и РК была согласована долговременная комплексная стратегия на этот счет, включавшая ряд элементов: это сдерживание ракетно-ядерной угрозы, поощрение “изменений” в Северной Корее и “открытия” этой страны за счет расширения информационных потоков из внешнего мира, развертывание международных усилий в защиту прав человека [3].

Неудивительно, что такой подход вызывал недовольство и протесты в официальном Пхеньяне, став причиной затяжного кризиса в межкорейских

отношениях. Их фактическое разрушение произошло уже в начале 2016 г. в связи с введением как односторонних, так и международных санкций после серии ракетных пусков и ядерных испытаний в КНДР, что привело к закрытию всех совместных проектов сотрудничества и полному свертыванию всех торговых связей.

Вопросы внешней политики и, в частности, отношений с США занимали далеко не самое главное место в ходе президентской избирательной кампании 2017 г. Мун Чжэ Ин отнюдь не пытался ставить под сомнение приоритетность задачи выстраивания “глобального альянса” с Вашингтоном, за что ратовала предыдущая администрация. Вместе с тем он делал акцент на том, что традиционные связи и ориентиры не должны вести к закреплению за Южной Кореей роли младшего партнера американцев и односторонней зависимости от США как в международных делах, так и в решении проблем Корейского полуострова. Еще в качестве лидера оппозиции он заявлял: “Я симпатизирую Америке, но тем не менее не считаю, что мы должны безусловно соглашаться со всеми ее просьбами и предложениями; иногда нужно уметь сказать – нет” [4].

Претензии на более независимую роль новой администрации в политических вопросах особенно ярко проявились при формировании подходов к вопросам корейского урегулирования. Критикуя деятельность своей предшественницы, Мун Чжэ Ин указывал на то, что невнимание к вопросам межкорейских отношений стало причиной последующих неудач в продвижении крупных внешнеполитических инициатив и воспрепятствовало укреплению позиций РК в Северо-Восточной Азии. Соответственно, переход Южной Кореи в “высшую лигу” ведущих региональных игроков виделся как логический результат упрочения тылов, то есть вывода ситуации на полуострове из состояния конфронтации и создания прочной основы для нормализации отношений с КНДР.

Новое восприятие Северной Кореи в политической идеологии Сеула (не столько “экзистенциальный противник”, как в недалеком прошлом, а скорее “заблудший брат”) сопровождалось утверждением представлений о том, что межкорейские отношения, да и вопросы корейского урегулирования в целом – это прежде всего “внутреннее дело корейцев”. Мун Чжэ Ин неизменно заявлял, что его целью является создание таких форматов, при которых Южная Корея, а не “другие соседствующие страны”, могла бы взять на себя главенствующую роль в решении проблем Корейского полуострова [5].

На протяжении всего последующего периода конкретные очертания политики действующей администрации РК в отношении КНДР частич-

но менялись. Однако основная работа неизменно концентрировалась на том, чтобы не допускать возникновения острых фаз, создавать условия для политического диалога, восстановления экономических связей, готовить почву как для достижения ядерного урегулирования, так и для установления режима мира на полуострове взамен ныне действующей системы перемирия.

Другой важной задачей администрации стало восстановление отношений с КНР, которые оказались основательно подорваны в результате кризиса вокруг проблемы американских противоракетных комплексов в Южной Корее. И в этом вопросе Мун Чжэ Ину не удалось обойтись без сложного маневрирования. Хотя на ранних этапах он выступал решительно против размещения этих систем, впоследствии его позиция несколько трансформировалась. Уже после постановки батареи *THAAD* на боевое дежурство он признал, что ее развертывание на территории Юга Кореи было оптимальным решением с учетом сложившейся ситуации. При этом подчеркивалось, что данная мера носит временный характер, и дальнейшая судьба комплексов будет определена с учетом динамики обстановки в сфере безопасности [6].

Наряду с этим Сеул предпринял целый ряд дипломатических шагов в отношении Пекина, которые были сопряжены со значительными уступками китайской стороне. В октябре 2017 г. министр иностранных дел Кан Гён Хва официально объявила о следующем. Южная Корея не примет участия в американской глобальной системе ПРО; не будет размещать в стране новые установки *THAAD* в дополнение к уже развернутым; ограничит трехстороннее сотрудничество с США и Японией в военной области задачами сдерживания Северной Кореи и воздержится от его превращения в военный альянс. Также она сообщила, что РК будет стремиться к налаживанию стратегического диалога с участием США и КНР, пообещав возможности учреждения соответствующего переговорного механизма [7].

В ответ на это китайская сторона проявила встречную гибкость, смягчив многие из ранее введенных ограничений. После визита Мун Чжэ Ина в Пекин в декабре 2017 г. отношения довольно быстро пошли на поправку: возобновился политический диалог, стороны подтвердили договоренности о налаживании стратегического партнерства. Однако полностью восстановить доверие так и не удалось, поскольку исчерпывающего решения проблемы, которая спровоцировала кризис, на том этапе стороны не достигли. Согласно позиции Пекина, непрерывным условием продуктивного развития двусторонних отношений должны были стать твердые гарантии того, что деятельность Се-

ула в рамках военного альянса с США не создаст новых угроз для стратегических интересов КНР. Соответственно, китайская сторона сохраняла в состоянии готовности весь свой обширный арсенал средств воздействия на партнера [8].

Для Южной Кореи важность отношений с Китаем определялась не только тем, что эта страна уверенно вышла на место первого по значению экономического партнера, на долю которого приходилось до четверти внешнеторгового оборота РК. С самого начала Мун Чжэ Ин и члены его команды были твердо убеждены, что содействие Пекина является необходимой предпосылкой для устойчивого развития мирного процесса на Корейском полуострове. Это, как полагали, определялось традиционными интересами КНР в корейских делах, наличием обширных и разнообразных связей с КНДР, вытекающей отсюда возможностью оказания позитивного воздействия на северокорейский режим. В ходе всех значимых контактов с китайскими партнерами с корейской стороны неизменно следовали просьбы продолжать играть конструктивную роль на Корейском полуострове, побуждать Пхеньян к диалогу и отказу от ядерного оружия [9]. При этом чем сложнее складывались отношения Сеула со своим северным соседом, тем более востребованным становилось для него взаимодействие с Пекином по всему спектру проблем корейского урегулирования.

На протяжении всего последнего периода важные задачи, которые ставила перед собой администрация Мун Чжэ Ина на китайском направлении, предопределяли сложные колебания в политике Сеула между двумя полюсами: традиционным фокусом на Вашингтон и стремлением выстраивать стратегическое партнерство с Пекином. Вместе с тем возможности нахождения оптимального баланса в этом непростом раскладе заметно сужались по мере обострения глобального соперничества между Китаем и США и превращения Северо-Восточной Азии в одну из главных арен противостояния между ними.

ИНТЕРЕСЫ США И ТРЕВОГИ ЮЖНОЙ КОРЕИ

В основных документах по вопросам внешней политики и безопасности Соединенных Штатов, принятых в 2017–2019 гг. (Стратегия национальной безопасности, Стратегия национальной обороны, Доклад министерства обороны об Индо-Тихоокеанской стратегии), Южная Корея рассматривается как ключевой союзник США, взаимодействие с которым имеет решающее значение для ответа на общие угрозы и защиты обоюдных интересов в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТОР). Такой подход обусловлен пониманием, что Южная Корея явля-

ется “страной-единомышленником”, разделяющей базовые ценности, принципы и ориентиры, на которых строится американская политика на глобальном и региональном уровнях. В ходе своего визита в Сеул в ноябре 2017 г. тогдашний президент США Д. Трамп охарактеризовал альянс как “важную ось”, обеспечивающую безопасность, стабильность и процветание в Индо-Пасифике [10, 11].

Однако, несмотря на столь серьезные авансы, в практическом плане вопрос о сопряжении региональных стратегий двух стран впервые стал предметом обсуждения лишь в ходе американо-южнокорейского саммита в июне 2019 г. По итогам переговоров Мун Чжэ Ин заявил о договоренности наладить координацию между индо-тихоокеанской стратегией США и новой южной политикой РК, нацеленной на развитие экономического партнерства Сеула со странами Юго-Восточной Азии и Индией [12]. Тем не менее то, что в Вашингтоне рассматривали в качестве важного достижения, в Сеуле фактически сбрасывали со счетов как вынужденную демонстрацию лояльности. В течение 2019–2020 гг. состоялись всего два раунда консультаций на рабочем уровне, по итогам которых стороны смогли зафиксировать лишь общее согласие продолжать сотрудничество в целях “укрепления мира, стабильности и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе” [13].

При этом южнокорейцы, в отличие от своих партнеров, констатировали, что расхождений в региональных стратегиях двух стран больше, чем сходства. Новая южная политика, как подчеркивалось, нацелена прежде всего на диверсификацию экономических связей и завоевание новых рынков в регионе за пределами отношений с традиционными партнерами, такими как КНР, США, Япония и Россия. Поэтому в отличие от *FOIP* она не имеет геополитической и идеологической составляющей. Хотя Южная Корея заинтересована в ослаблении чрезмерной торговой зависимости от Китая, она не рассматривает эту страну в качестве своего стратегического противника и не намерена работать против нее совместно с США и тем более – подключаться к американским планам “сдерживания” КНР. Прозрачные предложения американцев о том, чтобы Сеул взял на себя более весомую ответственность за продвижение в регион “единых правил и общих ценностей” в духе *Pax Indo-Pacific*, у южнокорейцев большого энтузиазма не вызвали. Выгоды от осуществления подобной миссии представлялись неопределенными, а издержки – вполне очевидными [14].

Следует сказать, что сам по себе концепт Индо-Тихоокеанского региона, или “Индо-Пасифики”, пришедший на смену прежнему понятию АТР, в Сеуле не только не вызывал больших возраже-

ний, но, напротив, был воспринят даже с определенным оптимизмом. Южнокорейцы выхватили в нем главное – идею сопряжения, взаимозависимости обширных пространств Индийского и Тихого океанов, что открывало хорошие перспективы для продвижения столь привлекательной для РК повестки свободной торговли и расширения потоков инвестиций, товаров и услуг в новые географические районы.

Примечательно поэтому, что именно в последние год-полтора РК предприняла энергичные усилия по закреплению своего участия в действующих и формируемых в этом регионе многосторонних торговых механизмах. Заключение в ноябре 2020 г. наряду с другими странами соглашения о всестороннем региональном экономическом партнерстве было расценено в Сеуле как крупный успех новой южной политики. Позднее президент Мун Чжэ Ин заявил, что Южная Корея положительно рассматривает вопрос о присоединении к другому мегарегиональному режиму – Соглашению о всеобъемлющем и прогрессивном транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП), от участия в котором страна до последнего времени воздерживалась. Кроме того, в ходе визита в Сеул в декабре 2020 г. министра иностранных дел КНР Ван И обсуждался вопрос об ускорении работы по заключению соглашения о свободной торговле в рамках восточноазиатской “тройки” (РК, Китай, Япония), где предусмотрен еще более высокий уровень экономической интеграции. В Южной Корее считают, что активное участие в работе указанных региональных форматов позволит ей стать одним из “законодателей” в деле установления общих правил и условий торгово-экономического сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе [15].

Возможности осуществления взаимодействия с США по экономическим аспектам *FOIP* в Сеуле рассматривают преимущественно в контексте вышеизложенной “генеральной линии”. По оценкам южнокорейских экспертов, РК при поддержке или благожелательном отношении США могла бы принять участие в реализации ряда крупных проектов в странах региона. Выделялись такие направления, как: сооружение объектов инфраструктуры; оказание гуманитарной помощи и ликвидация последствий стихийных бедствий; охрана окружающей среды; обеспечение коммуникаций и связи; подготовка кадров и помощь в сфере правоприменения; безопасность морских путей и борьба с пиратством [16].

Конкретные области кооперации в рамках региональных стратегий двух стран были определены в ходе консультаций по линии внешнеполитических ведомств США и РК в конце 2019 г. Это содействовало развитию в странах АСЕАН и Океании гражданского общества, поддержка демократи-

чески избранных правительств, помощь развитию, кибербезопасность, цифровая экономика, борьба с коррупцией, поощрение частного предпринимательства и инвестиций. В части, касающейся укрепления региональной стабильности и безопасности, основной акцент был сделан на противодействие нетрадиционным вызовам и угрозам, включая борьбу с терроризмом, транснациональной преступностью, обеспечение безопасности в сфере здравоохранения и ликвидацию последствий стихийных бедствий [17].

Несмотря на принципиальные договоренности о координации шагов, вопрос о перспективах торгово-экономических отношений с Китаем в последние полтора-два года становится все более острой темой в американо-южнокорейском диалоге. Основная дискуссия развернулась вокруг известных американских инициатив – “Чистая сеть” (*Clean Network*) и “Сеть экономического процветания” (*Economic Prosperity Network*), которые нацеливают на ограничение доступа китайских технологий к международным цифровым и беспроводным сетям, а также смещение глобальных производственно-сбытовых цепочек в сторону от КНР.

Так, в частности, претензии были предъявлены южнокорейской телекоммуникационной компании *LG Uplus Co.* и ряду других, которые использовали оборудование и технологии корпорации *Huawei*. На данном этапе официальный Сеул отвергает требования Вашингтона о введении запрета на такое сотрудничество на том основании, что законодательство РК не позволяет правительству вмешиваться в процесс принятия решений частным бизнесом [18]. Что же касается гипотетического подключения Южной Кореи к действиям “государств-единомышленников” под эгидой США, направленным на сдерживание экономической экспансии Китая, то в Сеуле пока не видят для себя пользы даже от участия в формальных консультациях с Вашингтоном по этому сюжету. Учитывая же растущую зависимость местного бизнеса от поставок в КНР продукции электронной промышленности, возможности добровольного согласия южнокорейцев с настояниями американской стороны просматриваются с трудом.

В Южной Корее прогнозируют, что напряженность в отношениях с Вашингтоном по этим вопросам в перспективе будет только нарастать, особенно в связи с намерениями американской стороны ужесточить условия военно-технического сотрудничества со странами, использующими китайские технологии *5G*. Реализация этих планов, что предусматривается Тихоокеанской инициативой сдерживания (*Pacific Deterrence Initiative, PDI*), чревата серьезными сложностями для совместимости систем вооружений двух стран, а в конечном

счете – и для дальнейшей интеграции военных структур США и РК [19].

Определив экономическую сферу в качестве приоритетной для координации с США в контексте *FOIP*, Южная Корея весьма сдержанно относится к идеям союзника распространить такое взаимодействие на другие области, включая вопросы обеспечения региональной безопасности. Одним из наиболее проблемных стал вопрос о перспективе подключения РК к деятельности *Quadrilateral Security Dialogue (Quad)* – Четырехстороннего диалога по безопасности с участием Индии, Японии, Австралии и США. Выдвигавшиеся в недавнем прошлом соображения американской стороны о целесообразности расширения этого формата и превращения в полноценный альянс за счет “вливания” в него Южной Кореи и ряда других государств вызвали в РК довольно бурную дискуссию, причем реакция политиков и экспертов была почти целиком негативной.

По мнению представителей корейского экспертного сообщества, в случае присоединения к этой эксклюзивной группировке, создаваемой для сдерживания возвышающегося Китая, Южная Корея в силу своего геополитического положения рискует оказаться на передовых рубежах разгорающейся в Азии холодной войны. Тогда Пекин автоматически будет воспринимать Сеул в качестве не только своего оппонента, но и противника. Это побудит его к укреплению военного альянса с Северной Кореей, что в свою очередь приведет к осложнению ситуации на полуострове и создаст новые препятствия как для решения ядерной проблемы, так и для разблокирования межкорейских отношений [20]. Не вступая в прямую полемику с Вашингтоном, официальные представители РК подтвердили, что Сеул полагает военный союз с США вполне достаточным для сдерживания любых угроз миру на Корейском полуострове. Что же касается безопасности в Индо-Пасифике, то путь к этому, как подчеркивалось, лежит в восстановлении принципов многосторонности и укреплении соответствующих региональных институтов.

В результате формального приглашения Южной Кореи присоединиться к “четверке” так и не последовало. Более того, по итогам встречи министров иностранных дел участников этого диалога в Токио в октябре 2020 г. заместитель госсекретаря США С. Биган выступил с разъяснениями в том смысле, что вопрос о создании *Quad Plus* в настоящее время в повестке дня не стоит. Это мотивировалось тем, что задачей текущего этапа должно стать не столько его расширение, сколько упорядочение деятельности и институциональное укрепление уже существующих механизмов сотрудничества [21].

Следует сказать и о том, что выстраиваемая администрацией Д. Трампа схема ранжирования своих азиатских союзников и партнеров в Сеуле воспринималась с недоверием, прежде всего — националистически настроенной частью политического истеблишмента. Южнокорейцы гораздо более комфортно чувствовали себя во времена президента Б. Обамы, когда США играли центральную роль “втулки” в американской системе альянсов, а все союзники находились в относительно равном положении “спиц”. Однако в формирующейся под эгидой Вашингтона иерархии партнерств, где предпочтение отдается деятельности узких коалиций с привилегированным составом участников, Южная Корея уже не видит для себя достойного места, сравнимого со статусом более крупных государств, таких как Индия или Япония [22].

Скептическое отношение Южной Кореи к эксклюзивным многосторонним структурам в области безопасности просматривается и на примере снижения интереса к деятельности трехстороннего координационного механизма США — Япония — Республика Корея. Администрация Мун Чжэ Ина сначала ограничила участие Сеула в этом формате темой взаимодействия по северокорейским проблемам, а затем и вовсе поставила вопрос о выходе из соглашения об обмене информацией военного характера с Японией.

В складывающейся ситуации в Вашингтоне сейчас довольно пессимистически оценивают возможности углубления взаимодействия с Сеулом по *FOIP*. В аналитическом докладе, подготовленном американской *RAND Corporation*, отмечается, что Южная Корея останется трудным партнером для США. Рост национальных амбиций и стремление к политической автономности, с одной стороны, и заинтересованность в первоочередном решении проблем Корейского полуострова — с другой, будут подталкивать РК к проведению более независимого внешнеполитического курса. По оценке американских экспертов, Сеул едва ли согласится безоговорочно следовать в русле глобальных и региональных стратегий США, а его поддержка инициатив Вашингтона в области безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе будет носить выборочный и ограниченный характер [23, pp. 71-75, 106-109].

СЛОЖНЫЕ ПЕРИПЕТИИ СОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

При всей очевидности разночтений в региональных стратегиях США и РК гораздо более значимыми, по крайней мере для южнокорейцев, остаются собственные проблемы самого альянса, которые заметно разрослись и приобрели остроту в последние несколько лет. По мнению Сеула, их успешное решение является необходимым усло-

вием для последующего выстраивания взаимодействия между двумя странами как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Поводов для раздражения и даже обид у южнокорейцев накопилось достаточно. Одним из них стали публичные высказывания Д. Трампа о том, что Южная Корея является чрезмерно “дорогостоящим” союзником для США и что он допускает возможность возвращения домой американских военнослужащих, расквартированных в этой стране, если вопрос о “справедливой оплате” за их пребывание не будет должным образом урегулирован. При этом американская сторона первоначально предложила Сеулу увеличить бремя своих финансовых расходов на эти цели примерно в четыре-пять раз — из расчета полная окупаемость плюс бонус порядка 50% (впоследствии цена вопроса несколько снизилась). В этой ситуации корейцев серьезно задела даже не само требование о перерасчете, сколько чисто коммерческий подход Вашингтона к союзничеству, а также унижительная квалификация Южной Кореи как “безбилетного пассажира” в альянсе. Все это создало тяжелую эмоциональную атмосферу на переговорах по финансовым условиям размещения в стране воинского контингента США, которые в итоге зашли в тупик.

К этой теме непосредственно примыкает и не менее сложный вопрос о передаче Сеулу оперативного командования своей армией. Сейчас южнокорейские вооруженные силы остаются независимыми только в мирное время, но в случае вооруженного конфликта на полуострове переходят в подчинение Командованию объединенных сил США и РК во главе с американским генералом. Согласно ранее достигнутым договоренностям, ориентировочно к маю 2022 г. все полномочия по управлению национальными вооруженными силами должны быть переданы Сеулу в полном объеме. Заинтересованность администрации Мун Чжэ Ина в скорейшем решении задачи суверенизации управления армией заметно возросла с началом переговоров с КНДР по военным вопросам.

Однако по итогам состоявшегося в октябре 2020 г. консультативного совещания союзников по вопросам безопасности министр обороны США высказал мнение, что необходимые предпосылки для этого едва ли могут быть созданы в запланированные сроки ввиду отставания мероприятий по повышению боеготовности южнокорейской армии от согласованного графика. Это вызвало эмоциональную реакцию в Сеуле. Военные эксперты заподозрили, что американская сторона умышленно затягивает решение этого вопроса, дабы удерживать контроль над южнокорейской армией в условиях меняющейся геополитической ситуации в Азии,

а также с целью ограничить свободу маневра своего союзника во взаимоотношениях с КНДР [24].

Вопросы корейского урегулирования в целом оказались той сферой, где трения между США и РК обозначились наиболее рельефно. Первые недоразумения начались с того, что Мун Чжэ Ин, который в начале 2018 г. сыграл роль посредника в организации американо-северокорейских контактов, неожиданно оказался “вне игры” после старта переговоров о денуклеаризации. С другой стороны, намерения президента Южной Кореи осуществить разворот от политики сдерживания в сторону примирения и налаживания широкого сотрудничества с КНДР были крайне прохладно восприняты в Белом доме и характеризовались как несвоевременные.

Основной спор между союзниками развернулся по вопросу о приоритетах в стратегиях на северо-корейском направлении. Если в Вашингтоне считали главной задачей принудить Пхеньян полностью отказаться от ракетно-ядерного оружия, то в Сеуле полагали, что политика “наведения мостов” будет способствовать смягчению позиции Севера по разоружению и подтолкнет его к уступкам в других важных вопросах. Попытки американской стороны добиться того, чтобы южнокорейцы в предварительном порядке согласовывали с ней все свои планы в отношении КНДР, вызывали у союзника растущее раздражение. По мнению южнокорейцев, неуступчивая американская политика в отношении Пхеньяна не только стала одной из причин срыва диалога по денуклеаризации, но и создала помехи для прогресса межкорейских отношений и, в частности, выполнения договоренностей, согласованных между Севером и Югом на высшем уровне.

В ответ на требования США о координации шагов, предпринимаемых в отношении КНДР, в Сеуле прозвучали призывы к “корейзации” политики на данном направлении. Под этим подразумевалась предпочтительность решения всех вопросов, существующих между Севером и Югом Кореи, непосредственно двумя сторонами, без прямого участия третьих сил, пусть даже и союзных держав. Выдвинутая Мун Чжэ Ином в одностороннем порядке инициатива о скорейшем принятии Декларации о прекращении корейской войны (еще до решения вопроса о денуклеаризации) стала одним из примеров демонстрации самостоятельности Сеула на данном направлении [25].

Хотя до открытого конфликта между союзниками дело не дошло, у обеих сторон накопилось немало претензий друг к другу, что в итоге выразилось в снижении эффективности работы двусторонних координационных механизмов. Следует сказать, что к концу срока истечения президент-

ских полномочий Д. Трампа и в США, и в РК сложилось понимание того, что двусторонние отношения переживают определенный кризис доверия. Недовольство Сеула состоянием дел в альянсе и линией Вашингтона в отношении ближайшего союзника выразилось в серии острых публичных высказываний, сделанных официальными лицами, которые в свою очередь были использованы американскими СМИ и аналитическими центрами для иллюстрации недальновидной политики администрации Д. Трампа на корейском направлении.

Несмотря на наличие серьезных болевых точек в американо-южнокорейских отношениях, преувеличивать значение этих разногласий для судьбы альянса было бы неверно. В условиях близкого соседства с набирающим силу и напористым Китаем, а также противостояния с непредсказуемой Северной Кореей линия Сеула на обеспечение безопасности страны за счет поддержания тесных военно-политических уз с США остается пока безальтернативной. Поэтому политический класс Южной Кореи в настоящее время ставит задачей не смену геополитической ориентации страны, но, напротив, “исцеление ран”, нанесенных альянсу в период президентства Д. Трампа, предотвращение его дальнейшей эрозии и укрепление совместных институтов взаимодействия.

Такой курс опирается на широкую поддержку южнокорейского гражданского общества. Опросы общественного мнения показывают неизменно высокий уровень поддержки США, которые, несмотря на все перипетии последнего времени, пользуются расположением 76% населения. До 90% южнокорейцев считают необходимым сохранение альянса и выступают за долгосрочное размещение американских войск на территории страны [26].

* * *

В Сеуле в целом с воодушевлением восприняли победу Дж. Байдена на президентских выборах в США, полагая, что при новой администрации американо-южнокорейские отношения вернуться в нормальное русло. Другое дело, что из опыта общения с Д. Трампом были извлечены определенные уроки. Южнокорейцы рассчитывают на возвращение США в Азию в качестве сильного регионального лидера, способного обеспечить сохранение разумных “правил игры”. Однако наряду с этим они также надеются сделать рамки двустороннего альянса чуть более свободными, чтобы долгосрочные интересы страны не так сильно зависели от колебаний внешнеполитического курса Вашингтона при смене администраций. Идеи “стратегической автономии”, которые получают распространение в выкладках экспертов, сводятся к тому, что Сеул сейчас способен взять на себя

большую ответственность за благополучие союза. Однако условием для этого должно стать повышение роли самой РК в процессе выработки, принятия и реализации совместных решений по широкому кругу вопросов – от отношений с Северной Кореей вплоть до проблем обеспечения мира и сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе.

Южнокорейцы сейчас не только свыкаются с мыслями о неизбежности формирования новой геополитической архитектуры, но и готовятся к тому, чтобы играть активную роль на перспективном театре действий, простирающемся от Южной Азии до Океании. Возможности стать бенефициарами данного проекта они видят в том, чтобы использовать возросший политический и экономический потенциал страны для активного участия в процессах создания свободного и открытого торгово-инвестиционного пространства в мегарегионе.

К американским концепциям *FOIP* пока сохраняется достаточно настороженное, выжидательное отношение. В Сеуле приходят к выводу, что на данном этапе эта стратегия носит довольно неопределенный, размытый характер и не включает серьезных новаций за рамками чисто утилитарных задач по сдерживанию Китая. Главный вывод: новой администрации США следовало бы по мере готовности направить своим азиатским друзьям и партнерам внятный месседж, содержащий конкретный набор идей и позитивную платформу действий в регионе, с тем чтобы она стала в дальнейшем предметом широкого и углубленного обсуждения.

С учетом этого в настоящее время руководство РК делает основной акцент на доработку и продвижение собственной региональной стратегии в ИТОР с целью диверсификации внешнего курса и преодоления чрезмерной политической и экономической зависимости от двух основных партнеров – США и Китая. В частности, ставится задача налаживания стратегического партнерства со странами АСЕАН, Индией, Австралией в интересах построения новой устойчивой структуры региональных отношений. Южная Корея будет стремиться использовать свой национальный ресурс для того, чтобы стать экономикой, задающей темп в торгово-экономической интеграции в ИТОР, а также в целях восстановления потенциала региона после пандемии *COVID-19*.

Полагая, что восстановление тесных связей США с азиатскими странами и наряду с этим усиление влияния Китая – процессы объективные и неизбежные, Сеул, таким образом, намерен не только наблюдать за ходом событий, но и прилагать усилия для укрепления собственных позиций в регионе, чтобы быть готовым к любым неожиданным поворотам в развитии ситуации. Естественно, не последнее значение здесь будет иметь вопрос о достаточности имеющихся у страны возможностей для успешного стратегического маневрирования, особенно в условиях обостряющейся конкурентной борьбы между Соединенными Штатами и Китаем, а также с учетом стремления Вашингтона теснее привязать своих союзников к американской политике сдерживания Пекина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Tiezzi Sh. China Warns THAAD Deployment Could Destroy South Korea Ties “in an Instant”. *The Diplomat*, February 25, 2016. Available at: <https://thediplomat.com/2016/02/china-warns-thaad-deployment-could-destroy-south-korea-ties-in-an-instant/> (accessed 28.12.2020).
2. Volodzo D.J. China Wins Its War Against South Korea’s US THAAD Missile Shield – without Firing a Shot. *South China Morning Post*, November 18, 2017. Available at: <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2120452/china-wins-its-war-against-south-koreas-us-thaad-missile> (accessed 28.12.2020).
3. *Remarks with Republic of Korea Foreign Minister Yun Byung-se at a Press Availability*. October 19, 2016. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2016/10/263333.htm> (accessed 28.12.2020).
4. Shimbun Y. Who is Moon Jae In? / Moon’s Reunification Dream Raises Alarm. *The Japan News*, April 19, 2017. Available at: <https://web.archive.org/web/20170418164630/http://the-japan-news.com/news/article/0003627269> (accessed 09.12.2020).
5. Lee Seong-hyoh. Moon Jae-in’s Foreign Policy & Roh Moo-hyun’s Shadow. *The Asan Forum*, June 29, 2017. Available at: <http://www.theasanforum.org/moon-jae-ins-foreign-policy-roh-moo-hyuns-shadow/> (accessed 29.12.2020).
6. Мун Чжэ Ин: Размещение ПРО THAAD – оптимальное решение в нынешней ситуации. *KBS World*, 09.09.2017. [Moon Jae-in: Placing the THAAD Missile Defense System is the Optimal Solution in the Current Situation. *KBS World*, 09.09.2017. (In Russ.)] Available at: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=49808 (accessed 29.12.2020).
7. Jung Min-kyung. Seoul Not Considering Joining US Missile Defense System: FM Kang. *The Korea Herald*, October 30, 2017. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=201710300000817> (accessed 29.12.2020).
8. Kim J. China and South Korea’s Simmering THAAD Dispute May Return to the Boil. *EastAsianForum*, February 22, 2019. Available at: <https://www.eastasiaforum.org/2019/02/22/china-and-south-koreas-simmering-thaad-dispute-may-return-to-the-boil/> (accessed 29.12.2020).
9. McGuire K. China-South Korea Relations: A Delicate Détente. *The Diplomat*, February 27, 2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/02/china-south-korea-relations-a-delicate-detente/> (accessed 29.12.2020).

10. *National Security Strategy of the United States of America*. December 2017, pp. 45-47. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 03.05.2021).
11. *Joint Press Release by the United States of America and the Republic of Korea*. November 8, 2017. Available at: <https://kr.usembassy.gov/110817-joint-press-release-u-s-rok-president-donald-trumps-state-visit-republic-korea/> (accessed 03.05.2021).
12. Panda A. South Korea and the US Indo-Pacific Strategy: At an Arm's Length? *The Diplomat*, July 07, 2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/07/south-korea-and-the-us-indo-pacific-strategy-at-an-arms-length/> (accessed 03.01.2021).
13. *Meeting between Director-General for North American Affairs and U.S. Deputy Assistant Secretary of State for East Asian and Pacific Affairs*. 16.11.2020. Available at: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5674/view.do?seq=320414&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=7&titleNm (accessed 03.01.2021).
14. S. Korea, US Need to Work Together in Asia but First Set Objectives: Officials. *The Korea Herald*, December 4, 2020. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20201204000082&np=2&mp=1> (accessed 03.01.2021).
15. Moon Signs RCEP Trade Pact after Summit with Leaders of 14 Nations. *The Korea Herald*, November 11, 2020. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20201115000153> (accessed 03.01.2021).
16. Cheol Hee Park. South Korea is a Hesitant, but Friendly, U.S. Ally in the Indo-Pacific. *Council on Foreign Relations*, March 26, 2019. Available at: <https://www.cfr.org/blog/south-korea-hesitant-friendly-us-ally-indo-pacific> (accessed 03.01.2021).
17. *Joint Fact Sheet by the United States and the Republic of Korea on Cooperation between the New Southern Policy and the Indo-Pacific Strategy*. November 2, 2019. Available at: <https://2017-2021.state.gov/joint-statement-by-the-united-states-and-the-republic-of-korea-on-cooperation-between-the-new-southern-policy-and-the-indo-pacific-strategy/index.html> (accessed 03.05.2021).
18. Kim Seung-yeon. U.S. Renews Calls on S. Korea to Join Economic Security Campaign Against China. *Yonhap News Agency*, October 14, 2020. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20201014008400325?section=search> (accessed 03.01.2021).
19. Kang Seung-woo. New US Defense Act Tests Korea in US-China Rivalry. *The Korea Times*, December 8, 2020. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/12/120_300564.html (accessed 03.01.2021).
20. Seoul's Participation in 'Quad' Will Antagonize China: Moon's Advisor. *The Korea Times*, October 28, 2020. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/10/120_298350.html (accessed 03.01.2021).
21. Biegun Reiterates Need to Regularize, Formalize Quad for Joint Security. *The Korea Herald*, October 21, 2020. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20201021000098> (accessed 03.01.2021).
22. Park Min-hee. [News analysis] The reasons behind Washington's push for GSOMIA. *Hankyoreh*, November 12, 2019. Available at: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/916732.html (accessed 03.01.2021).
23. Harold S.W., Grossman D., Harding B., Hornung J.W., Poling G., Smith J., Smith M.L. *The Thickening Web of Asian Security Cooperation. Deepening Defense Ties Among U.S. Allies and Partners in the Indo-Pacific*. RAND Corporation, 2019. 455 p. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR3100/RR3125/RAND_RR3125.pdf (accessed 05.01.2021).
24. Sim Kyu-seuk. Friction between Allies is Evident at Defense Meeting. *Korea JoongAng Daily*, October 15, 2020. Available at: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2020/10/15/national/defense/SCM-South-Korea-United-States/20201015184206625.html> (accessed 05.01.2021).
25. *Address by President Moon Jae-in at 75th Session of United Nations General Assembly*. September 23, 2020. Available at: <http://english1.president.go.kr/BriefingSpeeches/Speeches/881> (accessed 06.01.2021).
26. Friedhoff K. Troop Withdrawal Likely to Undermine South Korean Public Support for Alliance with United States. *The Chicago Council on Global Affairs*, August, 2020. Available at: <https://www.thechicagocouncil.org/research/public-opinion-survey/troop-withdrawal-likely-to-undermine-south-korean-public-support> (accessed 02.05.2021).

SOUTH KOREA AND THE U.S. STRATEGY OF FREE AND OPEN INDO-PACIFIC

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 31-40)

Received 15.01.2021.

Oleg V. DAVYDOV (4545233@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The advancement and promoting by the United States of its concept of Free and Open Indo-Pacific (FOIP) has shaped many of political discussions in Asian countries in recent years. The Republic of Korea is no exception. From this perspective, the article reviews the basic aspects of the evolution of South Korea's foreign policy course as well as new priorities in that area which have been forged with the advent of President Moon Jae-in administration. The paper shows that the complex fluctuations of the South Korea's external policy have been defined by the need to maintain the focus on the United States, on one side, and desire to nurture strategic partnership with China, on the other side. However, finding the right balance in that political equation has been significantly complicated due to the growing confrontation between the two global powers. Special attention is given to the role and place of South Korea in the

U.S. Free and Open Indo-Pacific Strategy. The article examines the main directions, some of the outcomes and the prospects of cooperation between Washington and Seoul aimed at harmonizing their regional strategies in view of the factors facilitating those interactions as well as those hampering them. President Trump highlighted that the United States – the Republic of Korea alliance remains a linchpin for security, stability and prosperity in the Indo-Pacific. However, the dialogue between the two partners has not revealed the willingness of South Korea to collaborate with the United States on that theme beyond a narrow framework of purely economic coordination. Particularly, South Korea has consistently rejected the attempts of its ally to involve the country into the activities of Quad for fear of a possible adverse effect for the Korea–China relationships. All of those questions are examined in the article in linkage with a number of bilateral problems prevailing in the ROK–USA alliance which have complicated the collaboration between the two countries on regional issues in recent times.

Keywords: Indo-Pacific region, Northeast Asia, Moon Jae-in, New Southern Policy, Quad, the United States, China, the Republic of Korea, the USA–ROK alliance.

About author:

Oleg V. DAVYDOV, Former Ambassador-at-Large, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-31-40

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И ЯПОНИИ

© 2021 г. А. Федоровский, В. Швыдко

*ФЕДОРОВСКИЙ Александр Николаевич, доктор экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (a.fedorovsk@imemo.ru)*

*ШВЫДКО Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (shvydko@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 27.03.2021.

В предложенной статье авторы анализируют новые черты в стратегии безопасности и экономического развития Республики Корея и Японии. Отмечается взаимозависимость факторов, обеспечивающих безопасность и инновационный рост. Анализируется тенденция к более самостоятельной внешнеполитической роли Республики Корея и росту значимости международного профиля Японии в АТР, в том числе в системе военно-политических отношений в регионе. Рассматриваются приоритеты стратегии развития Республики Корея в рамках “Корейского нового курса” (КНК) и новое видение будущего Японии в программных документах правительства этой страны.

Ключевые слова: Республика Корея, Япония, Китай, США, внешнеполитическая и оборонная стратегия, стратегия развития, инновационный рост, “Корейский новый курс”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-41-50

За последние 20–30 лет стратегическое видение проблем безопасности и развития, в том числе в странах Северо-Восточной Азии (СВА), претерпело крупные изменения.

Во-первых, каждое из двух понятий — *безопасность и развитие* — стало восприниматься гораздо шире. С одной стороны, эксперты и правительства пришли к пониманию, что факторы безопасности государства и общества многообразны и не сводятся к военным или военно-политическим аспектам — угрозе внешней агрессии, террористическим атакам или невозможности нормального функционирования систем жизнеобеспечения в условиях внешней и внутренней нестабильности. Не меньшее значение приобретают риски экологического, эпидемиологического и социально-информационного характера, могущие стать причиной социального и экономического кризиса, способного поставить общество на грань катастрофы. Соответственно, стратегическое видение национальной безопасности стало гораздо более многогранным и рельефным.

С другой стороны, и понятие “развитие”, которое большую часть прошлого столетия сводилось преимущественно к экономическому росту — увеличению доходов и материального богатства, — сегодня воспринимается как более широкое и комплексное явление. По мере усложнения общества становится очевидным, что очень многие аспекты общественного развития не только не тождественны росту ВВП и национального богатства, но и во-

обще не улавливаются экономической статистикой. Ставится вопрос о корректировке содержания и методологии подсчета агрегатных макроэкономических показателей, с тем чтобы они могли отражать явления качественного порядка, рассматриваемые обществом как важные элементы благосостояния.

Во-вторых, вместе с более широким пониманием двух этих категорий возникло представление об их тесной связи. Стратегии безопасности нуждались в растущем ресурсном обеспечении, ключом к которому могло быть только поступательное развитие экономики и технологий. Любой застой в развитии обесценивает накопленный технический и инфраструктурный потенциал, что снижает военную безопасность и увеличивает опасность сбоев в работе систем, обеспечивающих защиту от природных и техногенных катастроф. Сегодня к этому добавились и возможные проблемы в работе цифровых платформ, на которые “завязаны” многие общественно значимые, жизнеобеспечивающие системы национального масштаба. “Цифровизация” экономики и управления обозначила тесную связь между прогрессом применяемых технологий и стабильной работой систем, выполняющих государственные функции. Кроме того, по мере роста объемов информационных потоков и влияния их контента на общественное сознание отсутствие экономического развития оказывает все большее дестабилизирующее воздействие на психологическое здоровье населения, подвергая риску социальную и политическую стабильность.

Национальная безопасность оказывается недостижимой без развития всех сфер жизни общества, в первую очередь его экономической базы. При этом, конечно, существенное значение имеют и другие аспекты развития — прогресс технологий, имеющих широкий спектр применения; повышение эффективности институтов, включая системы медицинского обслуживания и социальной помощи; поддержание здоровой культурно-психологической среды и др.

Другими словами, стратегии снижения экзистенциальных рисков и обеспечения стабильного качественного роста сегодня образуют своеобразный симбиоз — устойчивое развитие в условиях безопасности и безопасность на основе всестороннего развития. Объективный процесс взаимопроникновения этих двух сфер государственного стратегического целеполагания находит отражение и в подходах, предлагаемых ведущими научно-аналитическими центрами, на которые опираются сегодня правительства, и в официальных документах общенационального уровня. Эту тенденцию можно проследить и на примере двух наиболее развитых государств Восточной Азии — Японии и Республики Корея, в которых стратегическое прогнозирование и планирование имеют устойчивую традицию и солидную институциональную базу.

В этих странах стратегии обеспечения безопасности в период после пандемии *COVID-19* нацелены на создание благоприятных внешнеполитических условий, способствующих достижению долгосрочных целей развития. Некоторые из внешних вызовов в изменившихся условиях теряют свою остроту, другие, напротив, становятся более ощутимыми, мешая поддерживать необходимую динамику и качество экономического роста, проявление третьих модифицируется, сдерживая старые противоречия, но провоцируя проявление новых рисков.

Исходя из новой повестки южнокорейской и японской внешней и оборонной политики в увязке с официальными стратегиями их развития, можно выделить ряд положений, заслуживающих внимания и анализа.

ЯПОНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ И ЕЕ СОПРЯЖЕНИЕ СО СТРАТЕГИЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В Японии *стратегия развития* традиционно рассматривалась властью и обществом как более приоритетная, чем стратегия обеспечения безопасности в ее военно-политическом аспекте. Это было связано в том числе с тем, что после поражения во Второй мировой войне она была вынуждена отказаться от выработки собственной военной политики, пере-

дав эти функции США как формальному гаранту внешней безопасности страны. Поиски собственной концепции обеспечения безопасности, включая оборонное строительство и международное взаимодействие в этой сфере, активизировались лишь в последние годы, о чем будет сказано ниже.

В рамках стратегии развития внимание японского правительства долгое время было сосредоточено на достаточно узком его аспекте — росте агрегатных показателей масштабов экономики, прежде всего абсолютного и относительного (в международном сравнении) размера ВВП, экспорта, основных видов расходов и доходов, а также соответствующих подушевых показателей.

Вместе с тем с середины прошлого десятилетия в официальной стратегии развития наметилась существенная перемена в целеполагании. Во-первых, из правительственных документов стали исчезать целевые ориентиры роста экономики и определяющих его факторов в привязке к конкретным временным рубежам. Непосредственной причиной этого послужило то, что амбициозные ориентиры ускорения роста, заданные в 2013–2014 гг. программными документами нового правительства харизматичного партийного лидера С. Абэ¹, оказались нереализуемыми либо неактуальными. Однако и значимость соответствующих показателей в глазах правительственных стратегов, очевидно, снизилась, что, в частности, нашло отражение в повестке коммуникации правительства со СМИ и различными кругами общества.

А, во-вторых, на передний план в документах стратегического характера стали выходить те цели развития, которые в прежних версиях фигурировали в качестве подчиненных или упоминались лишь вскользь. Прежде всего это относится к таким трудно поддающимся квантификации характеристикам общества, как качество человеческого ресурса, креативность и инновационность экономической среды, экологическая устойчивость, плотность внутриобщественной коммуникации и т. п. Названные характеристики часто объединяются термином “международная конкурентоспособность” страны, которая представляется интегральным показателем развития.

Так, принятые в 2017 и 2018 гг. правительственные программные документы “Стратегии инвестиций будущего” [2, 3] имеют совершенно иную структуру и приоритеты. В качестве главных задач называются адаптация страны к переменам в технологиях, производстве, образе жизни и общественном управлении, привнесенных в глобализированную реальность Четвертой промышленной революции, и сохранение на этой основе за Япо-

¹ См. текст его программного манифеста 2013 г. “Стратегия ревитализации Японии” [1].

нией высокого места в мировой иерархии богатства и влияния. Последнее в этом новом видении определяется не столько абсолютным размером валового продукта или производительностью отдельных производственных факторов, сколько наличием интеллектуальных активов, хорошо позиционированных в глобальном экономическом пространстве. Источником таких активов, по мысли авторов документа, выступают инновационная активность наиболее “продвинутых”, высококачественных человеческих ресурсов и новые технологии производства и управления — всеобщая цифровизация, искусственный интеллект, интернет вещей и роботизация.

Комплексным выражением подобного взгляда на будущее в документах современного периода является концепция “Общество 5.0” — социально-экономическая система, возникающая в результате массового применения технологий Четвертой промышленной революции и характеризующаяся универсализацией цифрового контента, используемого во всех областях жизни, а также тесным взаимодействием виртуальной и физической реальности. Начиная с 2017 г. эта концепция является центральным элементом официальной стратегии развития, вытеснившим из ее фокуса рост традиционных макроэкономических показателей.

Одновременно наметилась и эволюция *стратегии обеспечения национальной безопасности Японии*. Вплоть до последнего времени эта стратегия, как уже было сказано, исходила из фактического делегирования разработки значительной, если не преобладающей, ее части военно-политическим ведомствам США, с которыми Япония связана Договором безопасности. Юридические и фактические ограничения на строительство вооруженных сил и военную политику Японии, наложенные на нее победившими во Второй мировой войне державами, резко сократили возможности страны в обеспечении национальной безопасности военными средствами и сделали японо-американский альянс (а по существу — серьезную зависимость от политики дипломатического и оборонного ведомств США) “краеугольным камнем” стратегии Японии. Соответствующее положение неизменно констатируется в “Белых книгах” Министерства обороны страны и закреплено в концептуальном документе, определяющем политику Японии в этой сфере, — “Стратегии обеспечения национальной безопасности” [4], принятом в декабре 2013 г. и заменившем собой аналогичный документ 1957 г.

Это положение и сегодня сохраняет свою актуальность, но в силу ряда обстоятельств перестает быть исчерпывающей характеристикой стратегии японского государства в сфере внешней безопасности.

Во-первых, как было сказано, Япония начала искать пути повышения своей роли как военной

державы — не только путем качественного совершенствования собственных вооруженных сил, но и посредством расширения возможностей их международной проекции. Ослаблены юридические и институциональные ограничения на присутствие японских контингентов за рубежом и их участие в операциях, непосредственно не связанных с отражением иностранного вторжения, в частности в рамках законодательно закрепленного “права на коллективную самооборону”. Активизированы прямые контакты в военной сфере с иностранными государствами; участие в совместных учениях; оказание другим государствам военно-технической помощи, включая экспорт японской военной продукции.

Во-вторых, на новый уровень вышли внутриполитические дебаты по поводу необходимости освобождения от большей части послевоенных ограничений. Задача внесения в конституцию положений, подтверждающих правомочность Японии иметь собственные вооруженные силы, закреплена в программе правящей партии. Перестал восприниматься в качестве фантастического и сценарий нанесения Японией превентивных ударов по военным объектам на чужой территории.

В-третьих, японские ведомства стали более активно пропагандировать на международной арене собственную озабоченность в сфере международной безопасности, связанную в первую очередь с непростыми отношениями Токио с соседями по региону, но также и с пропагандой многосторонних проектов, которые Япония считает продуктом собственной инициативы (например, концепции “свободной и открытой Индо-Пасифики”).

В-четвертых, японское правительство существенно расширило трактовку “обеспечения безопасности”, дополнив вопросы военной обороны более общими задачами. Новая редакция “Стратегии обеспечения национальной безопасности” включила в число своих целей развитие отношений “доверия и сотрудничества” с региональными партнерами и поддержание “глобального миропорядка, основанного на правилах”, что является эвфемизмом для обозначения системы, опирающейся на главенствующую роль американоцентричных структур безопасности [4]. Документ также увязывает обеспечение безопасности с реализацией условий для экономического развития страны, в частности беспрепятственной международной торговли. В число приоритетов включается поддержание деятельности необходимых для развития международных и региональных институтов, а также материальной и интеллектуальной инфраструктуры.

Кроме того, объектом стратегии безопасности становятся цифровая экономика и управление, киберпространство, охрана интеллектуальной собственности и ряд других моментов, ранее не попадавших в поле зрения соответствующих ведомств.

НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В ПОЛИТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Вышеописанные сдвиги в стратегическом видении проблем безопасности нашли свое отражение и в практических шагах японского правительства последних лет.

Для усиления собственного международного военного профиля японское правительство максимально использовало межгосударственные контакты по линии военных ведомств, включая официальные визиты, консультации, совместные учения и обмен опытом. В последние годы японские военные принимали участие в подобных мероприятиях не только в двустороннем формате (прежде всего с США), но и на многосторонней основе, с участием военно-морских сил Австралии, Южной Кореи и Индии (с последней – в рамках “Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности” (*Quad*)). В конце 2020 г. завершились японо-австралийские переговоры по соглашению об облегчении взаимного доступа на национальную территорию военного персонала двух стран для участия в совместных учениях и спасательных операциях.

Внутри страны продолжались дискуссии о границах “права на коллективную оборону” и о возможности санкционировать использование японскими военнослужащими оружия за рубежом, хотя участие японских военных в боевых действиях за пределами страны остается табуированной темой во избежание острой реакции стран-соседей и собственных пацифистских организаций.

Одновременно продолжился сдвиг в сторону расширения юридических рамок для военного строительства, которое формально ограничивается “нуждами обороны страны”. Новая трактовка этого термина позволяет ставить на вооружение не только противоракетные, но и противоспутниковые системы защиты объектов космического базирования. После того как в июне 2020 г. японское правительство отказалось закупить американские системы ПРО “Иджис” наземного базирования (*Aegis Ashore*), на политическом уровне обсуждается возможность принятия на вооружение систем, способных поражать за рубежом ракетно-пусковые установки потенциального противника, что до сих пор рассматривалось как выход за рамки мандата “сил самообороны”.

Упомянутое ранее стремление японского правительства активно продвигать собственную повестку в региональных международных отношениях также вышло на новый уровень, несмотря на постоянное декларирование приверженности альянсу с США и рисуемой американскими администрациями геополитической картине мира.

Так, Япония активно поднимает вопрос о рисках, связанных, по ее мнению, с действиями КНР,

демонстрирующими непризнание Китаем японского суверенитета в отношении островов Сэнкаку. Речь идет о регулярных проходах китайских судов, в том числе катеров береговой охраны, в непосредственной близости от спорных территорий, что с точки зрения КНР доказывает, что Япония фактически их не контролирует. Токио со своей стороны продолжает считать, что беспрепятственные проходы китайских судов не опровергают факт японского контроля над Сэнкаку, а значит, и обязанности США, в соответствии со ст. 5 японо-американского “Договора безопасности”, защищать все “территории, находящиеся под контролем японского государства”. Японские официальные лица также оказывают на США давление, чтобы побудить их поддержать позицию Японии по вопросу о статусе островов².

Другой темой, настойчиво поднимаемой Японией, является установление КНР в одностороннем порядке правил использования иностранными морскими и воздушными судами ряда акваторий и пространства над ними в Южно-Китайском море. Дополнительную актуальность ей придало принятие КНР нового закона, расширяющего с февраля 2021 г. полномочия подразделений береговой охраны, включая право открывать огонь по иностранным судам в акваториях, которые Китай считает своими. Хотя эту тему поднимают и Соединенные Штаты, японские официальные лица ставят ее в контекст собственной военно-морской безопасности и требуют того же от своих партнеров.

Это же касается таких “болевых точек” для японского государства, как непрекращающиеся споры с Южной Кореей по поводу адекватности оценки и компенсации насильственных действий и ущемления прав жителей Кореи в период до 1945 г.; увеличение возможностей ПРО Японии с прицелом на возросший ракетный потенциал КНДР; неурегулированность вопроса о похищенных спецслужбами Северной Кореи японских граждан. Япония постоянно ставит эти вопросы в международную повестку, несмотря на нежелание партнеров, включая США, рассматривать их в качестве ключевых.

Наконец, что касается расширительной трактовки “обеспечения безопасности”, то в последние годы был сделан ряд шагов по снижению зависимости экономики Японии от поставок из КНР, в том числе путем содействия частным компаниям в реформатировании их производственных цепочек в пользу альтернативных партнеров, в частности из стран ЮВА и Австралии [6]. Мотивы и оговорки, увязанные с обеспечением национальной безопас-

² Официальная позиция США по-прежнему состоит в том, что этот вопрос должен решаться непосредственно спорящими сторонами и не относится к компетенции США [5].

ности, занимают все более заметное место и в торговой политике Японии, включая ее деятельность в рамках многосторонних платформ для регулирования и либерализации торговли и инвестиций.

Одновременно принимаются меры по усилению контроля за информационно-коммуникационной сферой — в частности, надзора за публикацией, сбором и анализом “чувствительной” информации, касающейся производственных технологий, а также ее защиты от несанкционированного доступа³. Ссылаясь на информацию о предположительной активизации вредоносной киберактивности, японское правительство учреждает под своей эгидой специальный государственно-частный совет для ее мониторинга и анализа [7]. Его деятельность будет дополнять работу существующего Центра предотвращения инцидентов и стратегии кибербезопасности на фоне осознания японскими частными компаниями своей уязвимости перед лицом возможных кибератак⁴.

Наконец, еще одним новым аспектом стратегии безопасности является ее увязка с инновационным развитием. Военные ведомства Японии в последние годы утверждают, что без собственной базы инновационных военных и гражданских технологий невозможно обеспечить боеспособность вооруженных сил и защищенность оборонных мероприятий. Усилия правительства по снятию ограничений на экспорт высокотехнологичной военной продукции и доведение ее уровня до мирового стали составной частью национальной стратегии безопасности.

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: ПОИСК НОВОЙ ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКИ

Республика Корея в 2018–2020 гг. столкнулась с рядом вызовов, которые вынудили политический истеблишмент критически оценить внешнеполитическую и оборонную стратегию с целью внесения в нее ряда существенных коррективов. В связи с этим стоит отметить негативную реакцию в стране на неспособность администрации Мун Чжэ Ина перевести нормализацию межкорейских отношений в плоскость практических решений. Отсутствие результатов американско-северокорейских саммитов в 2018–2019 гг. при участии президента Д. Трампа и северокорейского лидера Ким Чен Ына, а также встреч руководителей Севера и Юга

³ Это, в частности, должно коснуться информации о разработках в автомобиле- и роботостроении, медицине, фармакологии и биотехнике.

⁴ Согласно опросу, проведенному в 2020 г. компанией *NRI Secure Technologies*, около 90% из 1794 опрошенных японских компаний назвали свою киберзащиту “недостаточной” [6].

Кореи на фоне первоначально возникших завышенных ожиданий привело к разочарованию южнокорейского общества не только из-за негативного итога переговоров, но и из-за того, что Пхеньян и Вашингтон отводили Сеулу в этом дипломатическом процессе второстепенную роль.

В этот же период проявилась другая внешнеполитическая проблема, связанная с японо-южнокорейскими противоречиями, обусловленными с точки зрения Республики Корея негативными последствиями японской колониальной оккупации Корейского полуострова, хотя в Японии и не согласны с такой трактовкой двусторонних отношений. Существенно обострившееся в 2018–2019 гг. политическое противостояние резко усложнило взаимодействие двух стран в экономике, прежде всего в высокотехнологичных отраслях. Снятие взаимными усилиями в 2020 г. ряда ограничений в проведении торгово-экономических операций позволило уменьшить конфликтность на межгосударственном уровне и в сфере бизнеса. Но стороны оказались не способны предложить окончательное решение возникшей проблемы. Вмешательство США также продемонстрировало ограниченные возможности “внешнего фактора” в преодолении накопившихся противоречий. Правящие администрации в Сеуле и Токио опасаются выступить в роли проигравшего и допустить “потерю лица”, поскольку в общественных кругах двух стран возникшее противостояние рассматривают через призму сохранения национального достоинства. Отсюда наиболее вероятный сценарий решения вопроса — “заморозка” конфликта, не способная предотвратить его рецидива.

Между тем главным фактором, обусловившим изменение политической ситуации в СВА в целом, подталкивающим Сеул и Токио к корректировке своей внешнеполитической стратегии, стал кризис в американско-китайских отношениях. Возникшее противостояние двух великих держав ограничивает возможности дипломатического маневра для союзников Вашингтона. Вводя антикитайские меры, американская дипломатия ставит своих региональных партнеров перед непростой дилеммой: идти на ухудшение отношений с КНР или провоцировать негативную реакцию со стороны США. В то же время потенциал американского лидерства в современных условиях недостаточен для компенсации союзникам их возможных экономических потерь и не является абсолютным гарантом соблюдения внешнеполитических и оборонных интересов этих государств. При этом уход Д. Трампа с поста президента не стал решающим условием, способным изменить наметившуюся тенденцию, поскольку деятельность Д. Трампа — не причина кризиса американского лидерства в регионе, а скорее выразительная форма его проявления. Более

того, оглашенный президентом Дж. Байденом отказ от стратегии “*America First*” не приведет к восстановлению в достаточной мере политического статус-кво в США и не снимет у Сеула и Токио потребность учитывать в сфере обороны и внешней политики новые региональные реалии.

Динамичное превращение Китая в экономическую и военную державу мирового уровня объективно ведет к завершению эры всецелого доминирования США в Восточной Азии, в том числе в США, что не могут не учитывать в своем стратегическом внешнеполитическом планировании расположенные в регионе государства. В этих условиях Республике Корея и Японии приходится адаптироваться к новой ситуации, используя преимущества союзнических отношений с США и пытаясь наладить партнерские связи с КНР.

В свою очередь баланс возможностей, предоставляемых Китаем своим партнерам в сфере экономики и безопасности, не уравновешен. Позитивные тренды в китайско-южнокорейских отношениях могут придать импульс экономическому взаимодействию соседних держав. В то же время приоритеты двух стран в отношении государственного строительства и роли политических институтов, соблюдения независимого характера правовой системы, обеспечения гарантии прав человека, а также интересы в сфере региональной безопасности далеки от совпадений.

В этих условиях для Республики Корея повышается значение диверсификации внешнеполитических и экономических связей, активной многовекторной дипломатии, включая углубление всестороннего взаимодействия с ЕС, АСЕАН, Россией и странами ЕАЭС, а также с рядом других государств, международное влияние которых в последние годы растет.

Внутренние проблемы, породившие в стране в 2020 г. вызов политической стабильности и в широком смысле — национальной безопасности, обусловлены возникшими в широких общественных кругах Республики Корея сомнениями в способности за счет собственных ресурсов полноценно противостоять пандемии *COVID-19* и аналогичным вызовам. Рейтинг одобрения деятельности администрации Мун Чжэ Ина в 2020 г. на фоне изначально решительных, успешных и открытых действий властей, уверенно превысивший 50%, к концу года сократился до 38% [8]. Короткий путь от эйфории к снижению доверия объяснялся проблемами с проведением режимных мероприятий в связи с распространением *COVID-19* и вакцинацией населения. Завышенными оказались ожидания в отношении способности Республики Корея оперативно решить возникшие проблемы. В сложившихся условиях в повестку дня встает акту-

альная задача опережающего роста высокотехнологичных производств, в том числе медицинской промышленности и фармакологии, в увязке с развитием международного сотрудничества.

Совокупность упомянутых выше внешних и внутренних факторов стала побудительным мотивом проявления во влиятельных политических кругах Республики Корея *стремления к большей внешнеполитической самостоятельности*. При этом южнокорейское руководство в ближайшей перспективе будет стремиться концентрировать дипломатические усилия не столько на решении отдельных проблемных вопросов, сколько на том, чтобы сформировать “в Северо-Восточной Азии новый порядок мира и процветания”, подразумевающий осуществление совместных проектов в различных областях с участием двух корейских государств, а также других стран региона, включая Китай и Россию [9]. Эта идея была озвучена президентом Мун Чжэ Ином в 2018 г., однако события 2019–2021 гг. (острота американо-китайского противостояния, накопившиеся в странах региона взаимные политические и территориальные претензии, недостаток понимания целей китайской экономической и политической экспансии, отсутствие стабильности на Корейском полуострове) повысили в глазах южнокорейского политического истеблишмента актуальность заявленной ранее концепции. Что касается корректировки внешнеполитической парадигмы, следует отметить, что хотя контуры “нового порядка” в регионе четко не прочерчены, одним из проявлений составляющих его новых элементов становится усиление роли таких государств, как Республика Корея, Австралия и Канада.

Администрация Мун Чжэ Ина придерживается линии на повышение своего внешнеполитического влияния за счет экономических инструментов и укрепления “мягкой силы” (науки, культуры и гуманитарных проектов), за последние 15–20 лет существенно повысивших международный авторитет Республики Корея [10, 11]. Расчет при этом строится на демонстрации уже достигнутых успехов — внедрении новейших технологий в электронике, ИТ, “зеленой” энергетике, поддержке распространения за рубежом корейской “культурной волны” (*халлю*).

Вместе с тем недостаток военно-политического потенциала может вызывать у внешних партнеров вопросы относительно способности Республики Корея оказывать влияние на решение важнейших международных проблем. В то же время стремление повысить авторитет за счет наращивания оборонного комплекса, во-первых, скорее всего, не в состоянии кардинально изменить региональный баланс сил, а во-вторых, способно отвлечь значительные интеллектуальные, материальные и фи-

нансовые ресурсы от целей социально-экономического развития.

В итоге перспективы проведения внешней и оборонной политики, в меньшей степени детерминированной союзническими обязательствами перед США, могут как иметь положительные последствия, так и провоцировать негативные решения, несущие в себе угрозу участия в проектах, вовлекающих Республику Корея в экономически обременительные процессы с непредсказуемыми последствиями для национальной и международной безопасности.

В частности, с одной стороны, Министерство обороны Республики Корея договаривается с китайскими партнерами о двух линиях “горячей связи” между командованиями ВВС и ВМФ двух стран, что должно послужить укреплению доверия и повысить уровень безопасности в СВА [12]. С другой стороны, южнокорейский Объединенный комитет начальников штабов выступил в 2021 г. с инициативой принять решение о начале в 2022 г. проектирования “легкого авианосца” водоизмещением в 40 тыс. т, оснащенного истребителями *F-35B* [13]. Данное предложение обосновывается сохранением северокорейской угрозы, наращиванием военного потенциала странами региона и необходимостью обеспечивать беспрепятственное торговое судоходство. Идея “мини-авианосца” представляется для значительной части политической элиты избыточной, учитывая, с какими сложными экономическими и социальными вызовами сталкивается страна. При этом ссылаются на то обстоятельство, что безопасность Республики Корея в достаточной мере обеспечивает военно-политический союз с США.

Между тем инициатива южнокорейских военных совпала с кризисом, вызванным захватом Ираном в январе 2021 г. южнокорейского танкера. Враждебные действия иранских военно-морских сил в Сеуле связывают с введением Республикой Корея под давлением США санкций в отношении Тегерана, в результате чего в южнокорейских банках были заморожены иранские вклады [14]. В этих условиях апелляция южнокорейских военных к необходимости повышения собственной роли в обеспечении безопасности международного судоходства в сотрудничестве с союзниками и зарубежными партнерами приобретает заметную весомость.

Нельзя сбрасывать со счетов и вопрос о возможных претензиях Сеула на обладание ядерным оружием. Стоит напомнить, что еще 31 августа 2017 г. более 20 депутатов парламента от оппозиционной нынешнему президенту Мун Чжэ Ину партии “Свободная Корея” предложили принять резолюцию о ядерном вооружении Южной Кореи. Представляя эту инициативу, депутат Вон Ю Чоль

отметил, что “ядерное вооружение необходимо для обеспечения мира на Корейском полуострове и самообороны” [15].

Эта позиция относительно немногочисленной группы депутатов сегодня не является доминирующей в политических, экономических или экспертных элитах Южной Кореи и не определяет практические и законодательные решения в этой области. Тем не менее она отражает настроения весомой части южнокорейского общества, недовольной тщетностью попыток руководства Республики Корея и мировых держав сдержать рост ракетно-ядерного потенциала КНДР, воспринимаемого на Юге как прямая угроза безопасности Республики Корея. Если в какой-либо форме международное сообщество, прежде всего США, Китай, Россия и ЕС, признают ядерный статус КНДР, отношение к вопросу об обладании ракетно-ядерным оружием в Республике Корея может измениться в пользу сторонников жесткой линии. Такой поворот станет тем более неизбежным, если вслед за КНДР к ядерному вооружению присоединятся Япония и/или Тайвань. В последнем случае положение дел в СВА из-за крайне негативной реакции КНР может стать угрожающим. Однако сценарий активизации военных приготовлений и наращивания расходов на оборону приходит в противоречие с поставленной южнокорейским правительством целью роста конкурентоспособности экономики за счет повышения потенциала инновационных отраслей.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Своей ключевой экономической задачей правящая южнокорейская администрация объявила реализацию “Корейского нового курса. Национальной стратегии великой трансформации”, принятой в 2020 г. Как подчеркивает в связи с этим президент Мун Чжэ Ин, «“Корейский новый курс” закладывает фундамент Кореи на следующие 100 лет» [16]. Документ является реакцией на накопившиеся в предшествующий период проблемы, требующие не столько оперативного, сколько фундаментального решения, которое может занять длительный период. Руководству страны приходится учитывать, что за последние 30 лет тренд снижения экономической динамики стал устойчивым. Если в 90-е годы среднегодовой прирост ВВП составлял более 6%, то в 2010-е годы — менее 3%. Однако проблема не только в замедлении темпов роста, но и в растущей дифференциации доходов. Если в 90-е годы соотношение значений верхнего и нижнего квинтилей составляло 3.9, то в 2010-е годы этот показатель достиг 4.6 [16, р. 3].

Между тем одна из главных причин сложившихся “ножниц” в распределении доходов лежит в разнице возможностей развития, заложенных в традиционных и инновационных отраслях экономики. Отсюда стремление применять высокие технологии в максимально большом числе отраслей становится неременным условием повышения конкурентоспособности промышленности и сферы услуг, обеспечения потребностей оборонного комплекса и гарантии социальной стабильности. Последствия пандемии *COVID-19* лишь придали дополнительный импульс подготовке такого рода программ.

Из материалов программы “Корейский новый курс” следует, что тремя главными стратегическими целями заявлены: 1) обеспечение высокотехнологичного развития при одновременной поддержке создания новых рабочих мест; 2) достижение быстрого возвращения к “нормальному” экономическому росту, формирующему инфраструктурные возможности развития южнокорейской индустрии, сельского хозяйства и сферы услуг, в которых все более будут доминировать черты цифровой и “зеленой” экономики; 3) укрепление позиций Республики Корея в мировой экономике на основе создаваемых “цифрового” и “зеленого” потенциалов.

Принятую программу намечено реализовать в три этапа. Первый (предварительный), ограниченный 2020 г., сфокусирован на мерах, нацеленных на преодоление злободневных последствий пандемии, для чего было выделено 6.3 трлн вон (1 долл.=1136 вон), из которых 76% составляют бюджетные средства. Второй этап, охватывающий период 2021–2022 гг., подразумевает переход к качественно “новому экономическому росту” и создание 887 тыс. рабочих мест, для чего намечается инвестировать 67.7 трлн вон. Третий этап охватывает 2023–2025 гг. В этот период только в основные 10 проектов планируется инвестировать 160 трлн вон, в результате чего ожидается создание 1.9 млн рабочих мест [16, р. 14].

Стратегия КНК уделяет особое внимание внедрению инновационных систем в отраслях, качественный уровень которых имеет большое социальное значение. Сюда относятся меры по сохранению и улучшению экологической среды, обеспечению качественного водоснабжения, а также по оснащению современными техническими средствами системы защиты от стихийных бедствий. Кроме того, КНК включает в себя также цифровизацию образования и культуры. На цифровизацию всех ступеней образования – от начального до высшего – к 2025 г. намечено потратить 1.3 млрд вон. В свою очередь в сфере культуры планируется создать 160 “умных” музеев и художественных галерей на базе информационно-коммуникационных технологий, что должно заинтересовать и облег-

чить доступ к культурному потенциалу Республики Корея представителей всех социальных слоев южнокорейского общества и заинтересованных зарубежных ценителей культуры.

Контроль за выполнением намеченных решений осуществляется в том числе на совещаниях, проводимых один-два раза в месяц при участии членов правительства и под председательством президента.

Однако на первом этапе правительство столкнулось с пассивным отношением части инвесторов к участию в намеченной программе. Министр экономики и финансов Хон Нам Ки в январе 2021 г. обратился к корпоративным инвесторам с призывом активнее инвестировать в инновационные отрасли, дабы придать импульс модернизации экономики в постковидный период [17].

Настойчивость властей в реализации КНК проявилась и в законодательной инициативе, получившей название “трех законов о справедливой экономике”, одобренных 20 декабря 2020 г. Речь идет о поправках, вносимых 1) в “Закон о предпринимательстве”, 2) в основы “Антимонопольного регулирования” и, соответственно, в “Закон о добросовестной конкуренции”, 3) в “Закон о контроле за деятельностью финансовых групп”. Под действие последнего подпадают в первую очередь бизнес-группы с общей капитализацией 5 трлн вон, среди которых *Samsung*, *Hyundai Motor*, *Hanwha* и ряд других [18].

По мнению правительства (и поддержавшего его большинства в парламенте), предложенные меры приняты в интересах миноритарных акционеров, права которых нередко ограничивались, что мешало привлечению внутренних инвестиций в долгосрочные проекты. Кроме того, крупных акционеров подчас упрекали в стремлении получить тактический коммерческий выигрыш в ущерб перспективам долгосрочного инновационного развития.

В свою очередь крупные бизнес-группы при поддержке парламентской оппозиции обращают внимание на то, что вводимые ограничения, в том числе не апробированные мировой практикой, могут вносить дезорганизацию в управление крупным бизнесом, а значит, отрицательно сказаться на коммерческой деятельности.

В то же время одним из главных мотивов, побудивших правительство инициировать принятие “трех законов”, могло стать стремление поставить законодательные преграды отменяющейся в настоящее время концентрации в небольшой группе крупных корпораций бюджетных средств, направляемых на инновационные исследования и разработки [18].

В итоге успех всей программы КНК в решающей степени будет определяться способностью

государства и крупного бизнеса достичь взаимопонимания по ключевым вопросам экономической, инновационной и социальной политики.

* * *

Сочетание в современных условиях старых и новых вызовов, разных по источникам происхождения и характеру, усугубляет риски принятия ошибочных решений, а значит, повышает ответственность политических элит за их действия. С другой стороны, несмотря на общественный консенсус в Сеуле и Токио относительно необходимости союза с Вашингтоном, претензии южнокорейской и японской дипломатии на большую дипломатическую независимость неизбежно потребуют учета данного обстоятельства при сохранении Соединенными Штатами альянсов с Республикой Корея и Японией.

Одной из наиболее сложных дилемм для самих стран СВА становится оптимальное сочетание оборонных и экономических решений при выборе стратегии обеспечения безопасности. Возникают вопросы, в какой мере повышение собственного военного потенциала в нынешних условиях соответствует нарастанию таких вызовов, как демографический кризис, проблема занятости, уязвимость функционирования информационных систем, обеспечение адекватного новым задачам уровня национальной науки и роста инновационных отраслей, риски распространения пандемии, экологическая деградация, потеря конкурентоспособности в сфере образования и культуры. Становится все более очевидным, что большинство современных проблем просто не имеет силового решения.

Программы развития, вступившие в действие в 2020–2021 гг., свидетельствуют о том, что в Республике Корея и Японии осознают масштаб и новизну возникающих проблем. Между тем две эти страны уже столкнулись с трудностями в выборе, а главное — в выполнении намеченных решений.

Результаты во многом новаторских действий Республики Корея и Японии по сбалансированности оборонной и экономической политики уже в ближайшей перспективе продемонстрируют возможности двух этих стран и окажут влияние на развитие международных процессов в СВА.

Япония, некогда представлявшаяся наблюдателям одновременно экономическим гигантом и политическим “карликом”, и Республика Корея, ставшая военной державой прежде, чем превратилась в промышленную державу, каждая по-своему пришли к осознанию усилившейся взаимозависимости экономики и безопасности, которую может обеспечить только развитие на базе науки и инновационных достижений ключевых гражданских отраслей экономики и сферы услуг.

Наметившаяся в СВА модификация взаимодействия вовлеченных в региональные отношения государств, трансформация методов обеспечения их внутренней и внешней безопасности неизбежно потребуют от России оценки новых процессов, выработки дипломатических и внешнеэкономических стратегий, соответствующих доминирующим тенденциям. Региональная повестка дня может востребовать решения, которые не всегда будут соответствовать восприятию внешних партнеров по принципу “свой—чужой”. В этих условиях эффективность политики России на корейском и японском направлениях и в СВА в целом в значительной мере будет зависеть от дипломатической гибкости и способности продемонстрировать реалистичный подход к достижению результатов, приемлемых для всех стран региона.

Статья подготовлена в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. 日本再興戦略-JAPAN is BACK [*Strategy of Japan's Revitalization*. (In Japan.)] Available at: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/saikou_jpn.pdf (accessed 20.02.2021).
2. 未来投資戦略2017—Society 5.0の実現に向けた改革— [*Future Investment Strategy – Reforms to Implement Society 5.0*. (In Japan.)] Available at: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2017.pdf> (accessed 20.02.2021).
3. 未来投資戦略2018 — 「Society 5.0」 「データ駆動型社会」への変革— [*Future Investment Strategy – Transformation to Society 5.0 and Society Driven by Data*. (In Japan.)] Available at: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2018_zentai.pdf (accessed 20.02.2021).
4. 国家安全保障戦略 [*National Security Strategy*. (In Japan.)] Available at: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-j.pdf> (accessed 20.02.2021).
5. 米「尖閣」発言を修正 主権をめぐる立場に変更なし [*The U.S. Modified Its Wording Related to Senkaku. No Changes in Stance on the Issue of Sovereignty*. (In Japan.)] Available at: <https://www.jiji.com/jc/article?k=2021022700296&g=int> (accessed 20.02.2021).
6. Terada T. Australia and Japan's alliance can beat China's interdependence trap. *The Japan Times*, 20.02.2021. Available at: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2021/02/20/commentary/world-commentary/api-australia-china/> (accessed 20.02.2021).

7. Tajima Y. Japan calls on industry and academia to fortify cyber defenses. *Nikkei Asia*, 20.10.2020. Available at: <https://asia.nikkei.com/Business/Technology/Japan-calls-on-industry-and-academia-to-fortify-cyber-defenses/> (accessed 20.02.2021).
8. Lee Ji-Yoon. Moon's approval rating hinges on vaccine success. *The Korea Herald*, 05.01.2021. Available at: <http://www.koreaherald.com/common/newsprint.php?ud=20210105000853> (accessed 05.01.2021).
9. *Moon Jae-in's Policy on the Korean Peninsula. A Peninsula of Peace and Prosperity*. Seoul, Ministry of Unification, 2018. 35 p.
10. Yuna Ban. South Korea's Soft Power in Middle Power Diplomacy: Enhancing Popular Culture and its Challenges. *Synergy. The Journal of Contemporary Asian Studies*, December 2, 2020. Available at: <https://utsynergyjournal.org/2020/12/02/south-koreas-soft-power-in-middle-power-diplomacy-enhancing-popular-culture-and-its-challenges> (accessed 09.02.2021).
11. Babina Y. Hwan. The limitations of "Global Korea's" Middle Power. *The Asan Forum*. Available at: <http://www.theasanforum.org/the-limitations-of-global-koreas-middle-power/> (accessed 13.02.2021).
12. S. Korea, China agree to establish two more military hotlines. *The Korea Herald*, 02.03.2021. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20210302001053> (accessed 02.03.2021).
13. Jung Da-min. Controversy rises over military's push for light aircraft carrier development. *The Korea Herald*, 04.01.2021. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/01/205_301918.html (accessed 04.01.2021).
14. South Korean tanker seized by Iran in Strait of Hormuz. *Arabnews.com*. Available at: <https://www.arabnews.com/node/1787066/middle-east> (accessed 05.01.2021).
15. Lawmakers propose resolution calling for S. Korea nuclear armament amid N.K. threats. *The National Assembly of the Republic of Korea*, 31.08.2017. Available at: <http://korea.assembly.go.kr/inc/popPrint.jsp> (accessed 05.10.2017).
16. "Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation". Government of the Republic of Korea. Seoul, Ministry of Economy and Finance, 2020. 63 p.
17. Pak Han-na. Minister urges financial firms to funnel funds into new growth engines. *The Korea Herald*, 05.01.2021. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20210105000859> (accessed 05.01.2021).
18. Yun Kyung Kim. For Whom is South Korea Amending its Commercial Act? *EAF Policy Debates*, no. 151 (December 15, 2020), pp. 1-6.

**NATIONAL SECURITY AND DEVELOPMENT AS STRATEGIC PRIORITIES
OF THE REPUBLIC OF KOREA AND JAPAN**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 41-50)

Received 27.03.2021.

Alexander N. FEDOROVSKY (a.fedorovsk@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Vitaly G. SHVYDKO (shvydko@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. This paper was written as part of the research project "Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation" under the grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for conducting major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2020-783).

The article explores new policies related to security and economic development as represented by the cases of the Republic of Korea and Japan. It assesses combination of old and new internal and external challenges to security, economic development, and social stability, noting the increased interplay of factors affecting national security and innovative growth. The latter is increasingly viewed as an indispensable condition for military, political and social security of a nation, for effectively responding to external pressures as well as to ecological, epidemiological and technology-related risks. Rising technological capabilities in the two Northeast Asian nations contribute to their international ambitions. The authors analyze the tendency in the Republic of Korea to pursue a more independent foreign policy as a "middle power", and Japan's growing international and military profile in the Asia Pacific. The risks and possible future consequences of this trend are explored and assessed. The authors identify the priorities of the Republic of Korea's development strategy within the framework of the "Korean New Deal", and a new vision of the future of Japan as presented in the strategic documents of its government. They note greater aspirations of the two nations to increase their competitive edge in the regional and global race to reach and retain leading positions in the international hierarchy of economic and political power. New tools to ensure this edge are being tested by South Korean and Japanese governments, as old instruments of industrial policy seem to be losing strength and produce little effect.

Keywords: Republic of Korea, Japan, China, USA, foreign policy and defense strategy, development strategy, innovative growth, "Korean New Deal".

About authors:

Alexander N. FEDOROVSKY, Doctor of Economics, Principal Researcher.

Vitaly G. SHVYDKO, Candidate of Economics, Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-41-50

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ОБЛАСТИ БОЛЬШИХ ДАННЫХ, СЕТИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2021 г. Ючжон Ким

Ючжон КИМ, соискатель,
МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1 (yujeongkorea@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 07.04.2020.

Статья посвящена перспективам сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Корея (РК) в области цифровой экономики. Автор исследует основные аспекты государственной политики обеих стран в сфере цифровой экономики (ЦЭ), больших данных, 5G и искусственного интеллекта (ИИ), анализирует потенциал, которым обладают Россия и РК для развития ЦЭ. Кроме того, в статье определяются возможные направления двустороннего сотрудничества в данной области.

Ключевые слова: политика, цифровая экономика, большие данные, 5G, ИИ, Россия, Республика Корея, экономическое сотрудничество.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-51-60

В настоящее время почти каждая страна старается развивать цифровые технологии, чтобы занять достойное место в мире, основанном на новом экономическом укладе. Для обеспечения конкурентоспособности в цифровой экономике государство нуждается в разработке соответствующей политики и нормативно-правовой базы, обеспечивающей права потребителей, интеллектуальную собственность и защиту персональных данных. Кроме того, оно должно создать условия для ведения бизнеса и конкуренции [1].

Российская Федерация и Республика Корея не только выработали политику развития ЦЭ в 2017 г., но и разработали стратегии развития смежных технологий в 2019 г. Синхронность в действиях руководства двух стран и схожесть их подходов к проблеме создают основания для укрепления двустороннего взаимодействия с опорой на такие внешнеполитические концепции, как “Поворот России на Восток” и “Новая северная политика” Республики Корея.

В сфере ЦЭ важная роль отводится большим данным (*big data*), которые иногда даже называют “нефтью XXI в.”. Вместе с тем весьма значителен и интерес обеих стран к искусственному интеллекту (ИИ). На встрече в Японии, проводившейся в рамках подготовки к саммиту G20 в 2019 г., Карен Эндрюс, министр промышленности, науки и технологий Австралии, отметила: “Все участники конференции рассматривают ИИ как важный вопрос в будущем” [2]. Поскольку 5G и большие данные имеют важное значение для развития ИИ,

можно сказать, что преимущества в разработке этих технологий будут определять национальную конкурентоспособность в будущем.

С учетом этих обстоятельств в 2019 г. корейское правительство разработало основополагающий документ – “Направление стратегических инвестиций 2020”, включив в него меры по развитию инфраструктуры *DNA (Data, Network, AI)* для ускорения инновационного роста. Принятие этого документа открыло новые перспективы расширения сотрудничества между двумя странами, что в свою очередь требует анализа возможных путей его развития.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Цифровая экономика России в 2018 г. составила 3.2 трлн руб.¹, что составляет 3.9% ВВП [3]. В последние годы наблюдается рост показателей, поскольку Россия реализует масштабные инфраструктурные проекты и активно внедряет мобильные и широкополосные сети [4]. Для успешной реализации ЦЭ российским правительством была разработана правовая база, в июле 2017 г. была принята Национальная программа “Цифровая экономика РФ” (Нацпрограмма ЦЭ), а в 2018 г. был утвержден Паспорт национальной программы “Цифровая экономика РФ” (Паспорт ЦЭ).

¹ Поскольку пандемия привела к спаду производства по всему миру, то в качестве объекта анализа используются данные за более ранние годы.

В Паспорте ЦЭ не только определены планы реализации федеральных проектов цифровой трансформации в разных сферах, но и выражено очевидное стремление к снижению зависимости от иностранной продукции и к консолидации импортозамещения с целью стимулирования использования отечественной продукции в развитии ЦЭ [5]. В частности, в Нацпрограмму ЦЭ планировалось внести изменения, необходимые для разработки и внедрения отечественного программного обеспечения (ПО) и программно-аппаратных средств с целью ускорения цифровой трансформации в 2020 г. [6].

Объем ЦЭ Республики Корея в 2017 г. составил 205 трлн вон (169 млрд долл.²), что составляет 11.9% ВВП [7], и эти показатели постепенно увеличиваются благодаря преимуществам информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Республика Корея стимулирует развитие ЦЭ в рамках Четвертой промышленной революции в качестве новой стратегии роста путем цифровизации промышленности. Программа “I-KOREA 4.0”, анонсированная в декабре 2017 г., является основной политикой нынешнего правительства. Такая политика включает в себя не только закрепление интеллектуальных технологических баз и повышение конкурентоспособности промышленности с их конвергенцией, обеспечение ключевой сетевой инфраструктуры, включая коммерциализацию 5G, создание благоприятных условий для бизнеса с регулятивной “песочницей”, но и осуществление поддержки компаний и привлечение квалифицированных кадров за рубежом [8]. В частности, корейское правительство в настоящее время пытается реализовать стратегии, ориентированные на разработки и развитие больших данных, 5G и ИИ, с помощью инвестиционной политики.

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ

Россия. Российский рынок больших данных, по разным оценкам, сейчас составляет от 10 млрд до 30 млрд руб. и, как ожидается, увеличится минимум до 300 млрд руб. к 2024 г. [9]. По данным Ассоциации больших данных, в России совокупный экономический эффект от их использования с 2019 по 2024 г. достигнет 2.9 трлн руб., а доля технологий больших данных в ВВП возрастет до 1.8% [10].

Повышенный интерес России к большим данным проявился в связи с первым упоминанием их в категории цифровых технологий в Нацпрограмме ЦЭ. На конференции “Цифровая индустрия про-

мышленной России (ЦИПР) – 2019” была озвучена дорожная карта развития технологии больших данных. Она направлена не только на определение перспективных направлений применения больших данных для промышленного и экономического развития, но и на продвижение участников рынка, создание инфраструктуры, разработку субтехнологий (сбор, хранение, обработка, управление и вывод данных), использование больших данных государственными учреждениями, подготовку квалифицированных кадров, устранение барьеров и т. д.

В этой дорожной карте было выделено восемь приоритетных отраслей (таблица). Россия намерена добиться экономического развития и социального прогресса за счет использования технологий больших данных в этих областях для повышения производительности, обеспечения эффективности, снижения издержек и предоставления персонализированных услуг [11].

Республика Корея. Согласно исследованию *IDC Korea*, корейский рынок больших данных и аналитики составил 1.64 трлн вон (1.3 млрд долл.) в 2019 г. при годовом темпе роста 11.2%. Помимо секторов аппаратного оборудования и ПО, сектор услуг стал крупнейшим рынком с объемом примерно в 946 млрд вон (778 млн долл.) [12]. Министерство науки и ИКТ Республики Корея объявило о планах подготовки в течение 5 лет 50 тыс. профессиональных кадров в области технологии больших данных [13]. При поддержке правительства планирует ускорить рост рынка больших данных.

На сегодняшний день корейская политика, связанная с развитием больших данных, разрабатывается и продвигается различными министерствами, а основой политики на этом направлении является “Стратегические инвестиции для инновационного роста – План активации экономики данных и ИИ (2019–2023 гг.)”, документ, разработанный в январе 2019 г. совместно с отраслевыми министерствами [14]. Согласно этому плану, Министерство науки и ИКТ преследует три цели – систематическое накопление данных и расширение их открытости, создание высококачественной базы распространения данных и расширение их использования. Для этого планируется создать 100 центров больших данных, собирающих и предоставляющих различные данные для каждого сектора, такие как финансы, телекоммуникация и транспорт, а также 10 платформ больших данных, где можно объединять и распространять высококачественные данные и формировать новые сервисы. В результате усилий по созданию интегрированной национальной платформы исследовательских данных в декабре 2019 г. такая платформа была официально запущена в эксплуатацию. К тому же обсуждается вопрос о поддержке малого и среднего пред-

² Обменный курс корейской воны по отношению к доллару основан на торговом стандартном курсе Корейского экспортно-импортного банка (1 долл. = 1216 вон) на 28 февраля 2020 г. Available at: <https://www.koreaexim.go.kr> (accessed 28.02.2020).

Таблица. Политика России и Республики Корея в сферах больших данных, 5G и ИИ

	Российская Федерация	Республика Корея
Большие данные	<p>Дорожная карта развития технологий “больших данных” <i>Цель</i> Достижение экономического развития и социального прогресса путем повышения производительности, обеспечения эффективности, снижения издержек и предоставления персонализированных услуг <i>Направление</i> Определение перспективных направлений применения больших данных, продвижение участников рынка, создание инфраструктуры, разработка субтехнологий, использование больших данных государственными учреждениями, подготовка кадров, устранение барьеров <i>Отрасль</i> Добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства; торговля и ремонт; недвижимость и строительство; транспортировка и хранение; финансы и страхование; здравоохранение и социальные услуги; государственное управление, обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение; связь и ИТ</p>	<p>“Стратегические инвестиции для инновационного роста – План активации экономики данных и ИИ (2019–2023 гг.)” <i>Цель</i> Систематическое накопление данных и расширение открытости, создание высококачественной базы распространения данных, расширение использования данных <i>Направление</i> Создание центра и платформы больших данных, поддержка МСП и стартапов, установление обмена данными, реализация проекта <i>Mydata</i> <i>Отрасль</i> Финансы, телекоммуникации, транспорт, медицина, энергетика, дистрибуция, окружающая среда, здравоохранение</p>
5G	<p>Дорожная карта развития “сквозной” цифровой “технологии беспроводной связи” <i>Цель</i> Увеличение числа абонентов, пользующихся услугами сети 5G, расширение городов, охваченных сетью 5G, повышение показателей технологической готовности, использование отечественных продуктов <i>Направление</i> Разработка сетевых компонентов, создание инфраструктуры, разработка сети мобильной беспроводной связи 5G, реализация демонстрационного проекта, разработка плана действий для внедрения сети 5G <i>Сфера</i> Оборудование и ПО, устройства, архитектура мобильной сети, программные решения, прототип для сети 5G</p>	<p>“Стратегии 5G+” <i>Цель</i> Создание новых возможностей для бизнеса и новых рабочих мест, занятие глобального лидерства в новых отраслях на базе 5G, превращение в ведущую цифровую страну <i>Направление</i> Государственные ведущие инвестиции, расширение частных инвестиций, институциональная реструктуризация, создание промышленной базы, поддержка предприятий при выходе на мировой рынок <i>Сфера</i> Отрасли (оборудование/терминалы, устройства, беспилотные мобильные транспортные средства, безопасность), услуги (осязаемый контент, умная фабрика, автономный транспорт, умный город, цифровое здравоохранение)</p>
ИИ	<p>“О развитии искусственного интеллекта в РФ” <i>Цель</i> Повышение эффективности и создание нового направления экономической деятельности с использованием технологий ИИ, улучшение уровня жизни населения <i>Направление</i> Поддержка научных исследований, разработка ПО, повышение доступности и качества данных, улучшение доступности аппаратного обеспечения, обеспечение кадров, создание интегрированной системы управления социальными отношениями <i>Отрасль</i> Здравоохранение, образование и государственные услуги</p>	<p>“Национальная стратегия искусственного интеллекта” <i>Цель</i> Повышение цифровой конкурентоспособности, расширение интеллектуального экономического эффекта, повышение качества жизни <i>Направление</i> Инновация конкурентоспособности (расширение инфраструктуры, разработка стратегических технологий, регуляторных инноваций, создание инвестиционного фонда), всестороннее использование (подготовка кадров, построение системы образования, расширение крупномасштабных проектов конвергенции ИИ, внедрение общепромышленного ИИ, реализация цифрового правительства), гармония и сосуществование (создание инклюзивной сети занятости, информационная безопасность, создание системы менеджмента качества) <i>Отрасль</i> Обрабатывающая промышленность, медицинское обслуживание, городское развитие, транспорт и логистика, сети, сельское хозяйство, оборона</p>

Составлено автором.

принимательства (МСП) и стартапов, а также об установлении обмена данными для эффективной и безопасной торговли с целью беспрепятственного распространения данных в Республике Корея [13]. Обращает на себя внимание бизнес-сервис *Mydata*, который позволяет физическим лицам не только активно управлять и контролировать свою информацию, но и активно ее использовать в управлении кредитами и активами. Эта услуга уже работает в пробном режиме с февраля 2019 г. и используется

в различных областях, таких как медицина, финансы, энергетика и дистрибуция [14].

СЕТЬ 5G

Россия. Уровень покрытия мобильной связи в России в конце 2018 г. составлял 89%. Это означает, что российский рынок мобильной связи опережает по своему развитию среднеевропейские рынки. По оценкам экспертов, такая ситуация со-

хранится до 2025 г. [15]. Россия пыталась апробировать 5G во время Чемпионата мира по футболу 2018 г. и в настоящее время активно продолжает работать над разработкой и внедрением 5G. Ожидается, что сети 5G будут запущены к концу 2021 г., а полномасштабный доступ в интернет 5G будет доступен в 2022 г. [16].

В октябре 2019 г. была опубликована дорожная карта, включающая сектор 5G, – Дорожная карта развития “сквозной” цифровой технологии “Технологии беспроводной связи” [17]. В ней намечен план технологического развития до 2024 г., а также определены критерии приоритетов и отбора проектов для дальнейшей разработки. Цели развития включают увеличение доли абонентов, пользующихся услугами сети 5G, и числа городов, охваченных этой сетью, а также повышение показателей технологической готовности. Следует отметить, что дорожная карта направлена не только на продвижение отечественного оборудования и ПО, но и на увеличение числа пилотных проектов на базе российского оборудования для их разработки [17]. Это четко выражено в технических и экономических планах развития отечественной промышленности путем использования собственного оборудования и ПО в области 5G наряду с проектом программы “Развитие производства промышленной продукции сетей пятого поколения и интернета вещей в РФ на 2019–2024 гг.”.

Согласно дорожной карте, решение конкретных технологических задач предполагается осуществить по нескольким направлениям, включая разработку сетевых компонентов 5G и сети мобильной беспроводной связи 5G, связанной с 5G/IMT2020, создание инфраструктуры, в том числе исследование возможности импортозамещения оборудования и ПО, а также часть федерального проекта “Информационная инфраструктура” (определение принципов, решение о полосе частот, реализация демонстрационного проекта, разработка плана действий и т. д.).

Тем не менее следует отметить, что серьезными препятствиями на пути развития 5G и ее повсеместного внедрения в России являются нехватка частотных ресурсов и инвестиций, а также недостаточные исследования влияния сверхвысоких частот на человека [18]. Помимо этого, телекоммуникационные компании не могут использовать полосу частот (3.4–3.8 ГГц), которая наиболее популярна для 5G-сетей в мире, поскольку Министерство обороны РФ и “Роскосмос” уже используют ее для спутниковой связи [19].

Республика Корея. Республика Корея доказала, что она является одним из лидеров в цифровой экономике и ИКТ, успешно коммерциализировав услуги 5G впервые в мире 3 апреля 2019 г. В настоя-

щее время в Республике Корея насчитывается около 5 млн абонентов 5G [20], а общее количество базовых станций 5G трех компаний *KT*, *SKT* и *LGU+*, которые предоставляют услуги этой сети, составляет более 223 тыс. [21].

В апреле 2019 г. корейское правительство объявило о “Стратегии 5G+” [22], которая была совместно создана соответствующими министерствами. Цель состоит в том, чтобы обеспечить глобальное лидерство новых отраслей на базе 5G и стать ведущей страной в сфере ЦЭ, максимизируя потенциал смежных отраслей и стимулируя инновационный рост за счет коммерциализации 5G. Выбрав в рамках “Стратегии 5G+” 10 стратегических отраслей, включая оборудование/терминалы (сетевое оборудование, 5G-смартфон), устройства (виртуальной и дополненной реальности, переносные устройства, интеллектуальное видеонаблюдение), беспилотные мобильные транспортные средства (футуристический беспилотник, подключенный робот, автономное вождение) и безопасность (информационная безопасность, периферийные вычисления), и 5 ключевых услуг (ощутимый контент, умная фабрика, автономный транспорт, умный город, цифровое здравоохранение), а также стимулируя новые отрасли с помощью целенаправленных инвестиций, корейское правительство нацелено на увеличение производства и экспорта, расширение своей доли в мировом рынке, создание новых рабочих мест и безопасной среды использования сети до 2026 г. [23].

Согласно этой стратегии, конкретные задачи будут решаться в рамках пяти стратегических направлений: государственные ведущие инвестиции, расширение частных инвестиций, институциональная реструктуризация, создание промышленной базы и поддержка предприятий при выходе на мировой рынок. С этой целью правительство планирует поддержать сотрудничество между компаниями и создать центр для продвижения проектов индустриализации. Кроме того, с 2020 г. Республика Корея намерена построить систему мониторинга дорог, портов и аэропортов в режиме реального времени, а также реализовать проект по созданию “умного города”. В целях расширения инвестиций правительство поддерживает не только налоговые льготы в смежных областях, но и инновационные компании, включая стартапы и МСП, через фонды поддержки роста, умной фабрики и *KP Inno*.

Особое внимание в этой стратегии уделяется поддержке международного сотрудничества. Оно включает в себя не только сотрудничество между корейскими инновационными центрами и иностранными инновационными организациями, но и формирование совместных проектов и строительство плацдарма, включая центр поддержки ИТ и исследовательский инновационный центр.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Россия. Российский рынок ИИ в 2019 г. достиг 139.3 млн долл., а к 2023 г. инвестиции в этот сектор будут увеличиваться на 30% ежегодно [24].

Наряду с недавним ростом интереса к ИИ в октябре 2019 г. был утвержден указ “О развитии искусственного интеллекта в РФ” [25]. В соответствии с этим указом Россия будет поддерживать научные исследования, разрабатывать соответствующее ПО, повышать доступность и качество данных, улучшать доступность аппаратного обеспечения, создавать интегрированные системы управления социальными отношениями и выделять людские ресурсы на эти цели, чтобы стать в числе ведущих стран в области разработки и использования технологий ИИ. Указ направлен на повышение уровня жизни населения, на развитие бизнеса, здравоохранения, образования, государственных услуг, а также для подготовки высококвалифицированных кадров. Для достижения этой цели в качестве важнейших задач были выбраны такие направления, как создание благоприятной среды для специалистов в области ИИ, включая привлечение иностранных специалистов, поддержка экспорта российских товаров и услуг, выход на мировой рынок и привлечение частных инвестиций [25].

В среднесрочной перспективе к 2024 г. планируется увеличить количество результатов интеллектуальной деятельности и прикладных технологических решений, обеспечить доступ к данным и их защиту, реализовать программы подготовки квалификационных кадров, привлечь иностранных специалистов, а также создать благоприятные правовые условия. К 2030 г. в долгосрочной перспективе предполагается разработать программные решения, занять лидирующие позиции на мировом рынке, обеспечить достаточное количество наборов данных, открыть специальный центр для обработки данных, создать гибкую систему правового регулирования и т. д. [25].

Республика Корея. Объем рынка ИИ в Республике Корея составил 47.6 млн долл. в 2018 г., что в семь раз больше, чем в 2014 г. (7.3 млн долл.). На два ведущих сектора – финансы (12.8 млн долл.) и средства массовой информации и реклама (12 млн долл.) – приходилось более половины от общего объема [26].

В 2018 г. корейское правительство планировало инвестировать в ИИ 2.2 трлн вон (1.8 млрд долл.) к 2022 г. для продвижения крупномасштабных проектов ИИ в государственном секторе, в таких сферах, как оборона, медицина и безопасность, для подготовки профессиональных кадров, разработки технологий и создания исследовательской базы [27].

В декабре 2019 г. корейское правительство приняло “Национальную стратегию ИИ”, чтобы подготовиться к социальным изменениям, вызванным развитием ИИ [28]. Эта стратегия направлена не только на повышение цифровой конкурентоспособности и качества жизни, но и на расширение экономического эффекта с помощью ИИ к 2030 г. Были выбраны основные стратегические направления в трех областях. Во-первых, это повышение конкурентоспособности ИИ. При построении инновационной экосистемы будет создан инвестиционный фонд для поддержки стартапов, расширения инфраструктуры ИИ, разработки стратегических технологий (интеллектуальные полупроводники нового поколения) и регуляторных инноваций. Во-вторых, всестороннее использование ИИ. Для этого будут реализованы не только подготовка профессиональных кадров, построение системы образования ИИ, расширение крупномасштабных проектов его конвергенции, внедрение общепромышленного ИИ, но и создание интеллектуального цифрового правительства следующего поколения. В-третьих, достижение гармонии и сосуществование с ИИ. Правительство намерено создать инклюзивную сеть обеспечения занятости, расширить долю профессиональной подготовки в новых технологиях, чтобы каждый мог пользоваться преимуществами ИИ, внедрить интеллектуальные инновации для информационной безопасности, а также предотвратить дисфункции ИИ путем создания системы менеджмента качества, которая сможет контролировать надежность и безопасность продуктов и услуг ИИ.

Предполагается, что реализация этой стратегии даст ожидаемый эффект к 2030 г. В связи с этим планируется создание условий регулирования, повышение конкурентоспособности технологий ИИ и индекса кибербезопасности, предоставление базового обучения по вопросам ИИ для граждан, увеличение коэффициента добавленной стоимости обрабатывающей промышленности до 30%, завершение формирования интеллектуального правительства нового поколения, установление этических стандартов ИИ на глобальном уровне [28].

СОСТОЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РФ И РК: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Для сравнения уровней развития цифровой экономики России и Республики Корея необходимо обратить внимание на соответствующие экономические показатели. Прежде всего это рейтинг цифровой конкурентоспособности, в котором оцениваются три категории: знания, технологии и готовность к будущему. В 2019 г. Россия заняла 38-е место, незначительно улучшив этот показатель

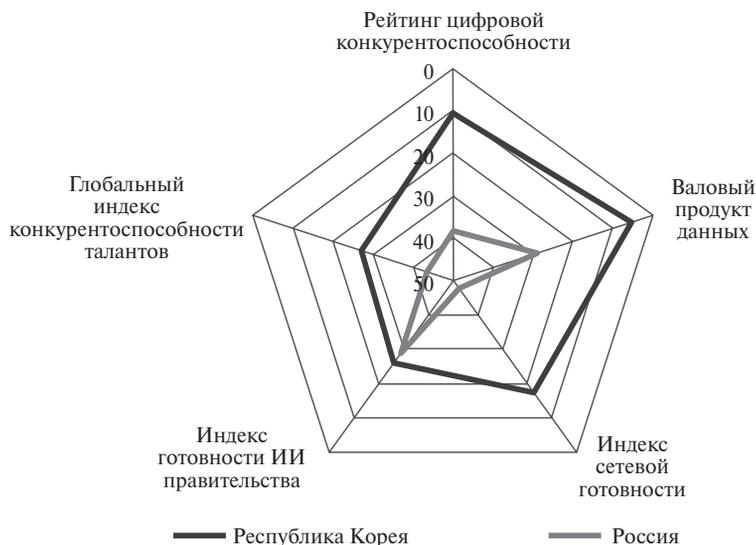

Рис. Сравнение российских и корейских рейтингов ЦЭ по международным показателям
Составлено автором.

по сравнению с предыдущим годом [29]. Ее показатели по параметрам развития технологий и готовности к будущему довольно низки, но в категории знаний, особенно в сфере подготовки кадров и образования, достаточно высокие. Республика Корея заняла 10-е место в этом рейтинге. Это связано с тем, что показатель готовности к будущему значительно возрос (с 17-го места страна перескочила на 4-е в 2019 г.) по сравнению с предыдущим годом. В Республике Корея все три сектора были развиты равномерно, и, в частности, она заняла 1-е место по показателям общего объема расходов на НИОКР, электронного участия и розничной торговли через Интернет. Уровень гибкости бизнеса (*business agility*) заметно повысился, что позволило Республике Корея выйти на 5-е место, в то время как Россия по этому показателю была только на 54-м [29].

В рейтинге валового продукта данных³, называемого новым ВВП, Россия заняла 28-е место, а Республика Корея — 5-е [30]. В 2019 г. в индексе сетевой готовности у России 48-е место, а у РК — 17-е [31]. Россия отстает от Республики Корея по таким показателям, как домохозяйства с доступом в Интернет, количество интернет-пользователей и использование виртуальных социальных сетей. Однако Россия немного опережает Республику Корея в сфере защиты интернет-серверов, онлайн-доверия и безопасности [31]. В индексе, оценива-

ющем возможности правительств в использовании технологий ИИ, разрыв между Республикой Корея и Россией небольшой — 26-е и 29-е места соответственно [32]. В 2019 г. в глобальном индексе конкурентоспособности талантов Россия заняла 48-е место, показав высокие результаты в сферах, связанных с высшим образованием [33]. Республика Корея заняла 27-е место и была высоко оценена в сфере возможностей, заняв 1-е место по показателям рыночного ландшафта и плотности роботизации. Однако в Республике Корея показатели количества мигрантов и иностранных студентов, а также экспертов значительно ниже, чем в России, есть потребность в расширении международного сотрудничества и привлечении зарубежных специалистов [33] (рисунок).

Учитывая основные аспекты политики в области *DNA*, первостепенными направлениями развития в обеих странах являются инфраструктурное строительство, технологическое развитие, поддержка научных исследований, разработка сопутствующих продуктов и услуг и подготовка квалифицированных кадров.

В сфере больших данных российская политика ориентирована на технологическое развитие и повышение конкурентоспособности в промышленном секторе, а политика Республики Корея нацелена на расширение использования больших данных и сосредоточена на сборе и распространении данных. При этом обе страны имеют схожие цели, такие как создание инфраструктуры и поддержка корпоративной деятельности. Однако, как следует из рейтинга цифровой конкурентоспособности, существуют значительные различия в возможностях бизнеса. Поэтому для налаживания сотрудниче-

³ Валовой продукт данных оценивается по четырем критериям: объем (количество потребленного интернет-трафика), использование (количество активных интернет-пользователей), доступность (институциональная открытость для потоков данных), сложность (объем потребления интернет-трафика на душу населения).

ства между Россией и Республикой Корея в области цифровой экономики очень важно, чтобы российские компании наладили взаимодействие с корейскими для обмена опытом. К тому же, создав инфраструктуру для сбора, обработки и передачи данных путем формирования общей платформы, обе страны могут расширить сотрудничество в пересекающихся областях финансов, телекоммуникаций, здравоохранения и транспорта.

В области сетевого сотрудничества для развития 5G Россия с помощью Республики Корея сможет ускорить строительство инфраструктуры, которая уже успешно коммерциализирована в РК. На первом ИКТ-форуме в 2019 г. в ходе встреч между представителями Минкомсвязи РФ и Министерства науки и ИКТ Республики Корея Россия уже проявила большой интерес к успешным примерам коммерциализации сетей 5G в Республике Корея и продемонстрировала готовность к сотрудничеству по разработке технологий и контента [34]. Стоит отметить, что Республика Корея включила поддержку компаний для продвижения на внешние рынки в число основных направлений своей политики. Ввиду того что обе страны стремятся развивать производство оборудования и разработку ПО и устройств, они могут осуществлять взаимовыгодное сотрудничество, используя свои сильные стороны: корейское оборудование и российское ПО. Россия хотела бы увеличить производство сетевого оборудования 5G в стране. Поэтому вполне можно было бы рассмотреть вопрос о производстве оборудования корейскими компаниями на российской территории, создав совместные предприятия. Это способствовало бы привлечению корейских инвестиций в российскую экономику и углублению сотрудничества между двумя странами в области цифровой экономики.

Опыт политики развития ИИ демонстрирует наличие большого интереса к этой сфере у обеих стран. В настоящее время корейская индустрия ИИ отстает по сравнению с двумя другими отраслями цифровой экономики, и в связи с этим укрепление сотрудничества с Россией могло бы оказаться перспективным для ее развития в РК. Совместные исследования, создание и осуществление совместных проектов, внедрение цифрового правительства позволят реализовать общие цели обеих стран в сфере цифровой экономики. Практический опыт в деле создания электронного правительства Республики Корея высоко ценится, и правительство РФ стремится приобрести ноу-хау через корейскую образовательную программу в данной области. Поэтому ожидается расширение сотрудничества в этой сфере на основе ИИ. Кроме того, Республика Корея и Россия, обладающая значительным потенциалом квалифицированных ученых-инженеров, могут осуществить совместные программы по подготов-

ке кадров, а российские эксперты могут быть приглашены в Республику Корея для совместных разработок. Перспективной сферой сотрудничества в развитии ИИ является здравоохранение, которое может получить новый импульс к совершенствованию на основе высокоэффективных корейских медицинских технологий и производства медицинского оборудования (см. таблицу).

Роль государства в международном сотрудничестве в сфере разработки и развития новых технологий имеет первостепенное значение. Многие вопросы, связанные с регулированием этой деятельности, могут быть решены только правительством, а масштабные проекты реализованы гораздо успешнее благодаря участию государственных структур или при серьезных государственных гарантиях. Особенно важной роль государства представляется на начальном этапе международного сотрудничества в области ЦЭ.

Россия и Республика Корея развивают взаимодействие во всех областях цифровой экосистемы, таких как оцифровка экономического и инфраструктурного секторов, развитие цифровых технологий, совместные исследования и поддержка компаний, а также продвижение цифрового сотрудничества с целью совместного выхода на рынки третьих стран [35]. Обе страны постоянно стремятся к расширению сотрудничества в сфере ЦЭ, что заметно проявилось в последних межправительственных соглашениях и в ходе обсуждений на межгосударственном уровне.

В июне 2018 г. по итогам саммита глав государств России и РК в Москве были подписаны меморандумы о создании российско-корейской инновационной платформы для Четвертой промышленной революции, по сотрудничеству в области связи и ИКТ [36]. Инновационную платформу предполагается создать на основе развития российских фундаментальных и корейских прикладных технологий. Кроме того, поскольку сотрудничество в области ИИ обсуждалось на заседании Российско-Корейского совместного комитета по научно-техническому взаимодействию и в рамках Российско-Корейского дня науки и технологий в 2019 г., ожидается дальнейшее расширение сотрудничества в области *DNA*.

Хотя Россия пока не обладает высоким уровнем развития цифровой инфраструктуры, она имеет большие преимущества в области фундаментальных технологий, а также в подготовке профессиональных кадров. Республика Корея достигла значительных результатов в развитии прикладных технологий и имеет успешный опыт коммерциализации технологий, но она недостаточно привле-

кательна для иностранных экспертов по международным показателям. Таким образом, две страны, развивая сотрудничество в области НИОКР и коммерциализации технологий, могут добиться взаимодополняемости и взаимовыгодных результатов.

С этой целью Россия и Республика Корея обсуждают создание совместного инвестиционного фонда в размере 1 млрд долл. [37]. Кроме того, Республика Корея и Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), в которой состоит и Россия, в настоящее время реализуют многосторонний проект в сфере ИИ по созданию электронного правительства.

В настоящее время Россия ищет пути интенсификации взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе и из-за продолжения западных санкций. А Республика Корея стремится расширить сотрудничество с Россией в рамках своей “Новой северной политики”. Таким образом возникает прекрасная возможность для развития сотрудничества между двумя государствами в области цифровой экономики. Для этого у них есть все необходимое: высококвалифицированные кадры, новейшие технологии, правительственная поддержка, возможности привлечения значительных инвестиций. Необходимо только надлежащим образом использовать эту возможность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Гнездова Ю.В. Развитие цифровой экономики России как фактора повышения глобальной конкурентоспособности. *Интеллект, инновации, инвестиции*, 2017, № 5, сс. 16-19. [Gnezdova Yu.V. Development of the Russian Digital Economy as a Factor of Increasing Global Competitiveness. *Intellekt, Innovatsii, Investitsii*, 2017, no. 5, pp. 16-19. (In Russ.)]
2. Government Prepares Artificial Intelligence Guidelines in bid to Keep Australians Safe, Employed. *ABC news*, 14.06.2019. Available at: <https://www.abc.net.au/news/2019-06-14/federal-government-prepares-artificial-intelligence-guideline/11208264> (accessed 27.02.2020).
3. Киселев С. ММК – как цифровые технологии трансформируют традиционную промышленность. *Независимая газета*, 28.06.2019. [Kiselev S. ММК – How Digital Technologies are Transforming Traditional Industry. *Nezavisimaya gazeta*, 28.06.2019. (In Russ.)] Available at: http://www.ng.ru/economics/2019-06-28/100_mmk.html (accessed 27.02.2020)
4. Капранова Л.Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития. *Экономика. Налоги. Право*, 2018, № 2, сс. 58-69. [Kapranova L.D. The Digital Economy in Russia: Its State and Prospects of Development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2018, no. 2, pp. 58-69. (In Russ.)] DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-2-58-69
5. *Паспорт национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”*. Правительство России, 11.02.2019. [Passport of the National Program “Digital Economy of the Russian Federation”. Russian Government, 11.02.2019. (In Russ.)] Available at: <http://government.ru/info/35568/> (accessed 28.02.2020)
6. Путин поручил изменить нацпрограмму “Цифровая экономика”. *МКА*, 06.02.2020. [Putin Instructed to Change the Digital Economy National Program. *MKA*, 06.02.2020. (In Russ.)] Available at: <http://www.mka.ru/categories/81/18157/> (accessed 28.02.2020)
7. 디지털경제(인터넷기반서비스경제)의 과급효과분석연구 [Yu B., Jeon S., Kang H. *Research on the Ripple Effect of Digital Economy (Internet-based Service Economy)*. Presented at “2018 Internet Businessmen’s Night”, 2018. (In Kor.)] Available at: <http://www.kinternet.org/news/press/view/166> (accessed 28.02.2020).
8. 혁신성장을위한사람중심의4차산업혁명대응계획I-KOREA4.0 [People-oriented Fourth Industrial Revolution Response Plan for Innovative Growth “I-KOREA 4.0”. Korean government and Presidential committee on the Fourth Industrial Revolution, 2017. 99 p. (In Kor.)]
9. Cara o BigData. *Коммерсантъ*, 30.05.2019. [The Big Data saga. *Kommersant*, 30.05.2019. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3982503> (accessed 23.04.2021).
10. Технологии Big Data принесут 2.9 трлн рублей экономического эффекта за 5 лет. *Ассоциация больших данных*, 05.11.2019. [Big Data Technologies Will Bring 2.9 Trillion Rubles of Economic Effect in 5 Years. *Big Data Association*, 05.11.2019. (In Russ.)] Available at: http://rubda.ru/media_association/tehnologii-big-data-prinesut-29-trln-rublej-ekonomicheskogo-effekta-za-5-let/ (accessed 29.02.2020).
11. *Дорожная карта развития технологии “Большие данные”*. Ростех и Форпост, Конференция ЦИПР, 2019. [Road map for the Development of Big Data Technology. Rostec and Outpost, CIPR Conference, 2019. (In Russ.)] Available at: <https://cipr.ru/media-2019/> (accessed 29.02.2020).
12. “국내빅데이터 분석시장연평균11.2%성장...2023년2조5692억 원달할것” [“Growing Domestic Big Data and Analysis Market with an Annual Average of 11.2%... It Will Reach 2.6 Trillion Won in 2023”. *DIGITALTIMES*, 22.01.2020. (In Kor.)] Available at: http://www.dt.co.kr/contents.html?article_no=2020012202109931650004&ref (accessed 03.03.2020).
13. “빅데이터인재5만양성, 시장규모10兆로 확대” [“50,000 Human Resources Training for Big Data, Expanding the Market Size to 10 Trillion Won”. *Asian economy*, 26.06.2018. (In Kor.)] Available at: <http://www.asiae.co.kr/news/view.htm?idxno=2018062615102103442> (accessed 03.03.2020).
14. 2019데이터산업백서 [2019 Data Industry White Paper. Seoul, K-Data, 2019. 267 p. (In Kor.)]
15. *5G in Russia: A Local and Global View on the Way Forward*. GSMA. 27 p. Available at: <https://www.gsma.com/gsmaeurope/resources/5g-in-russia-a-local-and-global-view-on-the-way-forward/> (accessed 04.03.2020).

16. *Сети 5G в России – технология и ее внедрение.* [5G Networks in Russia – Technology and Its Implementation (In Russ.)] Available at: <https://5g-russia.ru/> (accessed 04.03.2020).
17. *Дорожная карта развития “сквозной” цифровой технологии “Технологии беспроводной связи”.* 2019. [Roadmap for the Development of “End-To-End” Digital Technology “Technologies of Wireless Communication”. 2019. (In Russ.)] Available at: <https://digital.gov.ru/documents/6674/> (accessed 28.03.2021).
18. Гурлев И.В. Проблемы развития сетей связи и управления поколения 5G в России. *Вестник Евразийской науки*, 2019, т. 11, № 5, сс. 1-9. [Gurlev I.V. Problems of Development of Communication Networks and Management of Generation 5G in Russia. *The Eurasian Scientific Journal*, 2019, vol. 11, no. 5, pp. 1-9. (In Russ.)]
19. Путин отказался передать операторам популярные частоты для 5G. *Интерфакс*, 15.08.2019. [Putin refused to hand over popular frequencies for 5G to operators. *Interfax*, 15.08.2019. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/762957> (accessed 23.04.2021).
20. 5G 가입자 500만 돌파... 1월 말 기준 496만명 [5G Subscribers Exceeded 5 Million... 4.96 Million as of the End of January. *ZDNet Korea*, 02.03.2020. (In Kor.)] Available at: <https://zdnet.co.kr/view/?no=20200302164011> (accessed 08.03.2020).
21. 한국과 미국의 5G기지국구축현황비교 [Comparing Construction of 5G Base Station in South Korea and US, *TECHWORLD*, 04.02.2020. (In Kor.)] Available at: <http://www.epnc.co.kr/news/articleView.html?idxno=93815> (accessed 08.03.2020).
22. 5G로 2026년까지 일자리 60만개 창출... 4년간 30조원 투자 [600,000 Jobs Will Be Created through 5G by 2026... Investment of 30 Trillion Won over 4 Years. *KBS NEWS*, 08.04.2019. (In Kor.)] Available at: <http://news.kbs.co.kr/news/view.do?ncd=4175640&ref=A> (accessed 08.03.2020).
23. 혁신성장실현을 위한 5G+ 전략 [5G+ Strategy for Realizing Innovative Growth. Gyeonggi, Korean government, 2019. 59 p. (In Kor.)]
24. Шмырова В. Рынок искусственного интеллекта в России в 2019 г. вырастет до \$140 миллионов. [Shmyrova V. *The Artificial Intelligence Market in Russia Will Grow to \$140 Million in 2019.* (In Russ.)] Available at: https://cnews.ru/news/top/2019-11-12_bolee_30_krupnogo_biznesa (accessed 10.03.2020).
25. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации”. [Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” (In Russ.)] Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (accessed 10.03.2020).
26. 2019년 NIA AI Index – 우리나라 인공지능(AI)수준조사 [Hwang H. 2019 NIA AI Index – survey on Korean AI level. *IT & Future Strategy*, 2019, no. 6, pp. 1-50. (In Kor.)]
27. 정부, 인공지능에 2022년까지 2조 2천억 원 투자 [Government Invests 2.2 Trillion Won in AI by 2022. *Robot newspaper*, 15.05.2018. (In Kor.)] Available at: <http://www.irobotnews.com/news/articleView.html?idxno=13953> (accessed 10.03.2020).
28. 인공지능 국가전략 [AI National Strategy. Korean government, 2019. 51 p. (In Kor.)]
29. *IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019.* IMD & IMD World competitiveness center, 2019. 179 p. Available at: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/> (accessed 11.03.2020).
30. Chakravorti B., Bhalla A., Chaturvedi R.S. Which Countries Are Leading the Data Economy? *Harvard Business Review*, 24.01.2019. Available at: <https://hbr.org/2019/01/which-countries-are-leading-the-data-economy> (accessed 11.03.2020).
31. Soumitra Dutta and Bruno Lanvin, eds. *The Network Readiness Index 2019: Towards a Future-Ready Society.* Washington D.C., Portulans Institute, 2019. 298 p.
32. *Government Artificial Intelligence Readiness Index 2019.* Oxford Insights, 2019. 39 p.
33. Lanvin B., Monteiro F., eds. *The Global Talent Competitiveness Index 2020.* Fontainebleau, INSEAD. 2020. 369 p.
34. 과기정통부, 러시아와 제1차 ICT포럼 개최 [Holding the 1st ICT Forum with Russia. *The Korean Ministry of Science and ICT*, 21.10.2019. (In Kor.)] Available at: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156356663> (accessed 12.03.2020).
35. 러시아의 ‘디지털 경제’ 정책과 한-러 협력 방안 [Park J., Kim S., Kang B., Min J., Valentey S.D., Avdokushin E.F., Siddi M. *Russia’s Digital Economy Policy and Korea-Russia Cooperation Measures.* Sejong, KIER, 2019. 196 p. (In Kor.)]
36. Документы, подписанные по итогам государственного визита Президента Республики Корея Мун Чжэ Ина в Российскую Федерацию. *Президент России*, 22.06.2018. [Documents signed following the state visit of the President of the Republic of Korea Moon Jae-in to the Russian Federation. *President of Russia*, 22.06.2018. (In Russ.)] Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5320> (accessed 23.04.2021)
37. 제18차 한-러 경제과학기술공동위원회 개최 결과 [Results of the 18th Korea-Russia Joint Commission on Economic, Scientific and Technical Cooperation. The Korean Ministry of Economy and Finance, 25.09.2019. (In Kor.)] Available at: https://www.moef.go.kr/nw/nes/detailNesDtaView.do?menuNo=4010100&searchNttId1=MOSF_000000000030006&searchBbsId1=MOSFBBS_000000000028 (accessed 12.03.2020).

**PROSPECTS FOR COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE REPUBLIC OF KOREA
IN THE FIELDS OF BIG DATA, NETWORK AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR THE DEVELOPMENT
OF THE DIGITAL ECONOMY**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 51-60)

Received 07.04.2020.

Yujeong KIM (yujeongkorea@gmail.com),

Lomonosov Moscow State University (MSU), GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Today, each country has interest in digital economy and has established and implemented policies aimed at digital technology development and digital transformation for the transition to the digital economy. In particular, interest in digital technologies such as big data, 5G, and artificial intelligence, which are recognized as important factors in the digital economy, has been increasing recently, and it is a time when the role of the government for technological development and international cooperation becomes important. In addition to the overall digital economic policy, the Russian and Korean governments are also trying to improve their international competitiveness and take a leading position in the new economic order by establishing related technical and industrial policies. Moreover, Republic of Korea often refers to data, network and artificial intelligence as D·N·A, and has established policies in each of these areas in 2019. Russia is also establishing and implementing policies in the same field in 2019. Therefore, it is timely to find ways to expand cooperation between Russia and Republic of Korea. In particular, the years of 2020 and 2021 marks the 30th anniversary of diplomatic relations between the two countries, and not only large-scale events and exchange programs have prepared, but the relationship is deepening as part of the continued foreign policy of both countries – Russia's Eastern Policy and New Northern Policy of Republic of Korea. Therefore, this paper compares and analyzes the policies of the two countries in big data, 5G, and artificial intelligence to seek long-term sustainable cooperation in the digital economy.

Key words: digital economy, policy, big data, 5G, AI, Russia, Republic of Korea, cooperation.

About author:

Yujeong KIM, Applicant, Lomonosov Moscow State University (MSU).

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-51-60

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФРГ С ГОСУДАРСТВАМИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ (общеполитические и военные аспекты)

© 2021 г. Ф. Трунов

ТРУНОВ Филипп Олегович, кандидат политических наук,
ИНИОН РАН, РФ, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, 51/21 (Itrunov@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 09.01.2021.

В статье исследуется тенденция резкого возрастания политико-военной активности Германии в Северной Африке во второй половине 2010-х годов. С одной стороны, возникло осознание новой роли региона в системе обеспечения безопасности самой ФРГ и ее партнеров по ЕС. Отмечается опасность “коридора нестабильности”, идущего из Сахеля на север и оканчивающегося “ливийской дверью”. С другой стороны, прослеживается объективная необходимость создания прочных позиций ФРГ в Северной Африке как ступени на пути укрепления роли Германии на мировой арене. Автор изучает особенности и “узкие места” страновых схем выхода двусторонних отношений в области безопасности на уровень продвинутого сотрудничества (на примерах Туниса, Египта, Алжира). Отдельное внимание уделено выстраиванию диалога по урегулированию вооруженных конфликтов (в Сирии, Мали, Ливии). Показаны особенности подключения ФРГ к решению “ливийского вопроса”. В выводах выделены этапы стратегического проникновения Германии в Северную Африку и обрисованы перспективы данного процесса в условиях пандемии *COVID-19*.

Ключевые слова: Германия, межгосударственные отношения, риски нестабильности, вооруженные конфликты, дипломатия, Тунис, Египет, Алжир, Ливия, экспорт вооружений.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-61-71

Во второй половине 2010-х годов наблюдался существенный рост внешнеполитической активности ФРГ на североафриканском направлении. Тенденция тем более примечательная, если учесть, что у Германии, в отличие от других западных держав (прежде всего Франции), отсутствовали исторически сложившиеся стратегические позиции в данном регионе. Показательно и то весьма ограниченное внимание, которое официальный Бонн/Берлин проявлял к Северной Африке в течение первых 25 лет, прошедших с момента объединения ФРГ (1990 г.) и окончания предшествовавшей холодной войны. Именно эти события стали отправными точками движения Германии к утверждению в положении региональной державы (1999 г.) и последующему стремлению обрести позиции полновесного глобального игрока. Двигаясь по этому пути, ФРГ наращивала активность в вопросах использования дипломатического и военного инструментария вне зоны ответственности НАТО, в частности в регионе Африканского рога. На данном фоне североафриканское направление оставалось “в тени” внешнеполитической активности ФРГ: так, даже во время вооруженного вмешательства группы государств — членов Альянса во главе с Францией и Великобританией в ход гражданской войны в Ливии (2011 г.) Германия не пошла на оказание им прямой военной поддержки.

Задача данной статьи — исследовать процесс и причины роста общеполитического и военного интереса ФРГ к странам Северной Африки и региону в целом во второй половине 2010-х годов. Основными методами исследования избраны событийный (исследование чувствительных политико-дипломатических и военных шагов Германии в отношении региональных игроков) и сравнительный анализ. Следует подчеркнуть, что, в отличие от экономической сферы, детальные исследования, посвященные политическим и особенно военным аспектам сближения ФРГ с государствами Северной Африки в последние пять лет, еще практически не публиковались [1, 2]. Рассматривая источниковую базу, следует обратить внимание на закрытость практически всех стенограмм переговоров на высоком и высшем уровнях. Однако эта трудность отчасти компенсируется возможностью обращения к пресс-релизам руководителей государств и правительств по итогам (намного реже в преддверии) встреч — данные документы освещают их содержание и тональность. Иллюстративно и изменение ежегодной частотности встреч на высшем уровне (особенно на временных отрезках в два года — пять лет), объективно свидетельствующее о восходящей или, наоборот, нисходящей динамике диалога, а также выбор мест проведения переговоров. Уместно также обращать внимание на наличие (или, напротив, отсутствие) взаимно-

сти при осуществлении государственных визитов, что на практике иллюстрирует степень взаимного доверия сторон.

К ВОПРОСУ О ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ ДЛЯ ФРГ

Ливийские события 2011 г., приведшие к фактическому обрушению института государства в этой стране, стали одной из причин переосмысления роли Северной Африки во внешней политике ФРГ. В понимании автора, возникновение данной тенденции было обусловлено двумя причинами, первая из которых имела негативную, а вторая — позитивную коннотацию.

Во-первых, Германия проявила исключительную заинтересованность в превращении Северной Африки в пояс стабильности и безопасности на ближних подступах к Евро-Атлантическому сообществу. Одним из последствий ливийских событий стала реальная возможность обрушения института государства в Мали в 2012–2013 гг. (в ходе вооруженного конфликта, особенно на первых его стадиях, “ядро” антиправительственных комбатантов составляли прибывшие вооруженные туареги, ранее служившие в армии Джамахирии). Принимая также во внимание слабость вертикали власти в Нигере и Буркина-Фасо, это создавало высокий риск возникновения протяженного “коридора”, нижним основанием которого выступали “малийские ворота”, а верхним — “ливийская дверь”. При этом обе эти зоны нестабильности были вытянуты меридионально, что существенно увеличивало потенциал движения по “коридору” и последующего проецирования в сторону ЕС (через Средиземное море) рисков нестабильности — прежде всего неконтролируемого перемещения масс беженцев и мимикрирующих под них боевиков террористических группировок, а также контрабанды оружия, взрывчатых и наркотических веществ. С этими типами угроз Евросоюз в значительных объемах столкнулся в 2015–2016 гг. вследствие успешного наступления “Исламского государства”¹ на сирийско-иракском направлении: в случае Сирийской арабской республики (САР) и Ирака недостаточно активные и малоэффективные, а в ряде случаев — и контрпродуктивные действия государств — членов Евро-Атлантического сообщества, в том числе Германии, по урегулированию вооруженного конфликта способствовали его переходу в “запущенное” состояние, сопровождаемое усилением позиций радикальных сил. События 2015–2016 гг. во многом спровоцировали цепь процессов на уровне ЕС как объединения (Брекзит, ухудшение отноше-

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

ний между рядом континентальных стран-участниц и Германией), а также внутри государств. Это прежде всего рост электоральной поддержки крайне правых сил (в частности, в Швеции, Германии, Австрии, Италии), что несет в себе реальную угрозу утраты позиций действующими элитами данных стран. В сопоставлении с рисками из зоны сирийско-иракского конфликта, масштаб таковых, проецируемых на Европейский союз через “коридор” нестабильности из Сахеля в Северную Африку, мог оказаться существенно выше. Наложившись на кризис 2015–2016 гг., последствия которого (с точки зрения как принятия масс беженцев, так и особенно роста террористической активности внутри ЕС) отнюдь не были до конца преодолены, новый имел бы разрушительные последствия для позиций действующих элит в странах — участниках объединения, в том числе в ФРГ, учитывая ее стремление быть неофициальным лидером последнего. Осознание этого привело к интенсификации усилий большой группы стран ЕС, особенно Германии и Франции, по урегулированию вооруженного конфликта в Мали и в целом стабилизации обстановки в странах “G5 Sahel” (прежде всего в Буркина-Фасо и Нигере, а также Мавритании и Чаде). Хронологически резкая интенсификация усилий (в том числе в смысле объемов применения войск в миротворческой и военно-тренировочной деятельности) стартовала в 2015–2017 гг. [2], то есть во время осмысления причин и последствий наблюдаемого в Евросоюзе миграционного кризиса. Однако существенные результаты в Сахеле не могли быть достигнуты и тем более закреплены без перехода к новому качеству диалога со странами Северной Африки — в первую очередь с Алжиром. Следует подчеркнуть, что именно он был избран местом проведения межмалийских (между переходными властями в Бамако и “умеренными” туарегами) переговоров в 2014–2015 гг., организованных при посредничестве Франции и Германии [3, S. 4-7].

Ливийские события 2011 г. отчетливо продемонстрировали, сколь существенные угрозы для безопасности ФРГ создает обрушение института государства и/или приход к власти радикалов даже в одной из стран Северной Африки. Проявившийся в условиях “Арабского пробуждения” риск их перехода из состояния стабильности (дотоле воспринимавшегося в качестве существующего априори) в “хрупкое” обусловил резкий рост интереса ФРГ к поддержанию и развитию диалога с североафриканскими государствами даже в тех случаях, когда легитимность и дееспособность их властей вызывали вопросы. Так, официальный Берлин стремился установить тесные контакты с руководителем “Братьев мусульман” после победы их кандидата М. Мурси на президентских выборах в Египте (июнь 2012 г.). Уже 31 января 2013 г. по

инициативе германской стороны был организован официальный визит М. Мурси в ФРГ, в ходе которого была учреждена и провела заседание германо-египетская комиссия по экономическим вопросам, главной задачей которой являлось оказание финансовой и технической помощи Египту [4]. Тяжелая болезнь президента Алжира А. Бутефлики, в частности ставшая поводом для отмены намеченного на 20–21 февраля 2017 г. визита А. Меркель в страну (извещение об этом в ФРГ было отправлено буквально накануне) [5], также не стала препятствием для углубления двустороннего сотрудничества, что отражало степень заинтересованности Германии в нем.

Во-вторых, причиной растущей активности официального Берлина в Северной Африке выступало осознание им невозможности утверждения в положении полновесного глобального игрока без органичного встраивания в качестве внешнего участника в региональную (местную) подсистему безопасности. Почему в понимании этого германский истеблишмент утвердился в середине – второй половине 2010-х годов? Одно из объяснений тому – недостаточно высокая (Сахель) или даже критически низкая (Африканский рог) результативность усилий ФРГ по обеспечению военного присутствия в более отдаленных районах континента без перехода к продвинутому сотрудничеству как минимум с ведущими странами Северной Африки.

Другое объяснение заключается в сложности для Германии сохранить свое длительное (с 2002 г.) и масштабное военно-политическое присутствие в Афганистане, особенно в случае реализации “стратегической сделки” между США и “Талибаном” от 29 февраля 2020 г. Одновременно трудности наличествуют и в вопросах обеспечения позиций бундесвера на Ближнем Востоке: подразделения бундесвера, используемые на сирийском направлении, дислоцированы в Иордании (были переведены туда из Турции в 2017 г.); а в мае 2019 г. ФРГ была вынуждена пойти на временную эвакуацию военно-тренировочной миссии с севера Ирака. Параллельно к середине 2010-х годов до номинальных значений сократились и объемы участия германских военных в миссии *UNIFIL* в Ливане. Все это заставляет официальный Берлин искать новые возможности для компенсации отмеченных военно-политических позиций в Африке и Азии, существенно ослабленных в конце 2010-х годов (и таящих риск еще большего ослабления).

Наконец, значимо было и возникновение новой холодной войны в отношениях “коллективного” Запада и РФ. Так, рост объемов германских войск, направляемых в состав группировок НАТО в Европе, вел к уменьшению масштабов применения бундесвера вне зоны ответственности Альян-

са, прежде всего в конфликтогенных зонах Азии и Африки. Так, если в 2013 г. для этих целей одновременно использовалось порядка 7 тыс. военнослужащих, то в 2014–2015 гг. этот показатель упал вдвое (до 3.5 тыс.) [6, pp. 9–11]. Реализация планов по наращиванию мощи бундесвера сможет принести практические результаты не ранее середины 2020-х годов. Следовательно, это требует от руководства ФРГ поиска нестандартных подходов к решению задачи по сохранению и тем более упрочению своего стратегического присутствия в мире – вопросу, приобретающему все большее значение для ослабления критики со стороны оппозиции (прежде всего “Альтернативы для Германии”) внутри самой Германии [7].

Вариантом, содержащим большой потенциал, является углубление практического сотрудничества с государствами Северной Африки – как в политико-дипломатической (прежде всего обеспечение условий для подключения и расширения участия ФРГ в урегулировании вооруженных конфликтов в северной части континента в целом), так и военной плоскости. При этом следует учитывать особенность региональной подсистемы Северной Африки, вытянутой меридионально вдоль Средиземного моря: это наличие сразу двух центров притяжения, один из которых (Алжир) в силу своего географического положения оказывает влияние на ситуацию в Западной Африке, а другой (Египет) – в Восточной Африке и на Ближнем Востоке.

Для ФРГ это имело существенные преимущества, позволяя диверсифицировать контакты и использовать фактор продвижения в развитии двусторонних отношений с одним из крупнейших региональных игроков для стимулирования диалога с другим. Интересна схема, которая позволила официальному Берлину в реалиях середины 2010-х годов найти способ для одновременного перехода к полноценному сотрудничеству как с Алжиром, так и Египтом: это начало продвинутого диалога в области безопасности с Тунисом.

СТРАНОВЫЕ СХЕМЫ УГЛУБЛЕНИЯ ДИАЛОГА: ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

С момента отстранения президента З.А. Бен-Али от власти официальный Берлин внимательно следил за ходом трансформации системы власти в *Тунисе*. В условиях “Арабского пробуждения” она проходила более плавно, чем в большинстве стран Северной Африки и Ближнего Востока. Данный фактор оказал большое влияние на выбор Германией первого регионального фокусного партнера, отношения с которым в области безопасности должны были стать образцовыми, демонстрируя

выгодность перехода к новому качеству диалога с ФРГ для других региональных игроков. В связи с этим значимым было и положение Туниса как малого по численности населения (свыше 11.5 млн жителей), площади и в целом потенциалу ресурсной базы государства, что обеспечивало органичное принятие Германией роли старшего партнера в выстраиваемых двусторонних отношениях. Исключительно важен был и фактор огромного давления на Тунис миграционной (450 тыс. беженцев только к 2017 г. [8]) и террористической угроз, проецируемых из соседней Ливии, переживавшей глубокий кризис системы государственной власти. В стратегическом плане Германия стремилась не допустить расширения “ливийской двери” “коридора нестабильности” на тунисскую территорию, в тактическом – обеспечить, чтобы максимум прибывших беженцев оставались в Тунисе, а не передвигались через Средиземное море в сторону ЕС.

Увеличивая официальную помощь развития, в общеполитической плоскости ФРГ также пошла на реализацию ряда чувствительных для партнера шагов. Правительство Германии стало постоянно “сверять часы” с официальным Тунисом, причем как на дву-, так и многосторонней (G7, G20) основе. Уместно обратить внимание, что правительство ФРГ проявило повышенный интерес к установлению продвинутых отношений с новым руководством Туниса сразу после принятия новой конституции страны и президентских выборов (2014 г.), на которых победил Б.К. Эс-Себи. Он был приглашен в качестве специального гостя на саммит G7 7–8 июля 2015 г., который проходил в немецком замке Эльмау: одной из переговорных тем являлся поиск путей урегулирования “ливийской проблемы”. 5 ноября 2015 г. и 14 февраля 2017 г. состоялись визиты в Германию премьер-министра Туниса (Х. Эссида и А. Шахеда соответственно). В ходе двусторонних переговоров 5 ноября 2015 г. с участием глав министерств обороны и внутрен-

них дел германская сторона предложила свою помощь в подготовке кадров тунисских армии и полиции [9] – прежде всего их сил, используемых для обеспечения непроницаемости тунисско-ливийской границы (около 500 км) в смысле пресечения инфильтрации боевиков, контрабанды оружия, взрывчатых и наркотических веществ. Тем самым ФРГ впервые показала готовность принять роль внешнего включенного участника в выстраивании системы обеспечения национальной безопасности государством Северной Африки.

Иллюстрацией подъема отношений с Тунисом стал выбор его как конечной точки маршрута дипломатического турне А. Меркель по ряду стран региона 2–4 марта 2017 г. [8]. Показательно, что это стало первым визитом в страну главы правительства ФРГ за всю ее историю [8]. Канцлер выступила с речью перед Собранием народных представителей, подчеркнув исключительно позитивное восприятие динамики внутривосточной трансформации страны. Затем А. Меркель провела продолжительные переговоры с Б.К. Эс-Себи, пригласив его в качестве специального гостя на саммит G20 в Гамбурге (7–8 июля 2020 г.) [8].

Однако в конце 2010-х годов наблюдалось резкое снижение интенсивности контактов сторон на высшем и высоком уровнях. Показательно также, что заметный рост объемов экспорта германской военной продукции в Тунис в 2017 г. (см. таблицу) оказался однолетним явлением. Почему? Во-первых, ФРГ удалось существенно снизить риск полноценного запуска “коридора нестабильности”, притом успехи были достигнуты отнюдь не в верхней, а в нижней (южной) части: стало обеспечиваться частичное закрытие “малийских ворот” [3]. Во-вторых, привилегированные отношения с Тунисом были особенно важны в условиях медленного прогресса в углублении диалога с ведущими региональными игроками – Египтом и Алжиром. Соответственно, подъем сотрудничества

Таблица. Экспорт военной продукции ФРГ в страны Северной Африки, 2010–2019 гг., млн евро

	Алжир	Египет	Ливия	Марокко	Судан	Тунис
2010	19.8	21.0	6.1	13.2	0.1	1.7
2011	217.4	74.2	3.9	6.6	1.0	4.0
2012	286.7	10.7	1.2	4.7	0.6	2.0
2013	825.7	13.2	6.0	6.3	0.6	0.4
2014	163.7	22.8	2.5	1.7	0.2	8.0
2015	411.4	18.7	0.1	3.6		2.1
2016	1418.1	399.8		14.4	0.2	2.7
2017	1358.8	708.3	0.5	11.3		58.3
2018	818.1	14.3	2.3	3.5	0.4	1.8
2019	846.6	801.8	0.5	61.4	0.1	11.9

Источник: построено автором на основе ежегодных отчетов по экспорту ВВТ (*Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre (Rüstungsexportbericht)*), опубликованных в 2011–2020 гг.

с ними привел к изменению всей конфигурации двусторонних связей ФРГ с региональными игроками, несколько снизив ее интерес к Тунису.

К середине 2010-х годов отношения Германии и *Egypta* были непростыми. С одной стороны, уже к весне 2013 г. политика властей Арабской Республики Египет (АРЕ) во главе с М. Мурси стала вызывать растущее недовольство ФРГ, поводом к которому стал арест двух сотрудников “Аденауэр-фонда” в Каире. С другой стороны, после отстранения от власти “Братьев-мусульман” и ареста М. Мурси (июль 2013 г.) египетскими военными официальный Берлин демонстрировал сдержанность, граничащую со скептическим отношением, в вопросе установления диалога с ними. Так, первый телефонный разговор между А. Меркель и новым главой Египта А.-Ф. Ас-Сиси состоялся лишь 8 сентября 2014 г. [10], то есть спустя 15 месяцев после прихода к власти нового руководства АРЕ. Тем самым, не признавая его полностью легитимным, правительство ФРГ продемонстрировало критическое восприятие факта резкого усиления политических позиций военных в египетском государстве [10]. В свою очередь и они негативно относились к предшествовавшим попыткам официального Берлина установить полноценный диалог с “Братьями-мусульманами”, запрещенными новыми властями АРЕ. В данном случае германская сторона в полной мере не учитывала роль военных в модернизации и обеспечении стабильного развития стран Ближнего Востока и Северной Африки с середины XX в. [11, сс. 8-13]. Осознание практической значимости вклада офицерского корпуса в развитие АРЕ стало приводить к руководству ФРГ лишь в 2015–2016 гг. [12] – в условиях, когда Египет стал одним из немногих стабильных региональных игроков на фоне развития масштабного миграционного кризиса в ЕС.

В ходе визита А.-Ф. Ас-Сиси в Германию 3 июня 2015 г. стороны детально рассмотрели ход вооруженного конфликта в Сирии. С одной стороны, обе стороны вошли в состав “Группы друзей Сирии” (ГДС), декларируя поддержку “умеренной” оппозиции и критическое восприятие официальных сирийских властей, не признавая легитимности президентских выборов в САР 3 июня 2014 г. (которые завершились победой действующего президента Б. Асада). С другой стороны, степень жесткости дипломатических действий Египта в отношении официального Дамаска была все же ниже, чем со стороны ФРГ: после прихода к власти А.-Ф. Ас-Сиси АРЕ пошла на восстановление дипломатических отношений с Сирийской Арабской Республикой, разорванных в 2013 г., включая возвращение посольства в Дамаск. В свою очередь Германия свернула работу своего дипломатического представительства в столице САР еще в 2012 г.,

не изменив данного решения, хотя и не пошла на закрытие сирийского посольства в Берлине. В рассматриваемый момент (июнь 2013 г.) наметились и первые различия в оценке роли Турции в ходе конфликта: в отношении ее растущей активности на территории САР Египет демонстрировал существенно большую настороженность, чем Германия [12]. При этом ни официальный Каир, ни Берлин в тот момент не были готовы использовать свой военный потенциал (особенно в боевом отношении) для борьбы с “Исламским государством”, своим продвижением все более угрожавшим обеим странам. В ходе переговоров 3 июня 2015 г. была продемонстрирована принципиальная готовность к взаимодействию по “ливийскому вопросу” [12]. Однако и здесь проявлялись различия: официальный Берлин поддерживал Правительство национального согласия (ПНС) в Триполи, а Каир – вновь создаваемую Ливийскую национальную армию (ЛНА), район Бенгази. Встреча 3 июня 2015 г. показала возникновение “переговорной связки” А. Меркель – А.-Ф. Ас-Сиси, выступив отправной точкой для существенного подъема диалога: с 2017 г. встречи на высшем уровне стали ежегодными². Показательны в данном контексте и следующие факты: поочередное проведение переговоров на территории ФРГ и АРЕ (что символизировало взаимное равноправное восприятие сторон) и избрание Египта отправной точкой дипломатического турне А. Меркель по странам Северной Африки 2–4 марта 2017 г. [13].

В ходе него, помимо сирийской и ливийской тематики, стороны детально обсудили обеспечение мира в зоне арабо-израильского конфликта – прежде всего в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан [13]. Для Германии это было важно с учетом фактора ее растущей вовлеченности в ход данного урегулирования, прежде всего посредством участия в миссии *UNIFIL* (в наибольших масштабах в 2006 – начале 2010-х годов) и глубокой технико-технологической модернизации сектора безопасности Ливана, а также оказания ему, Иордании и Палестинской Национальной Автономии (ПНА) разносторонней политической и экономической поддержки, основанной на приверженности созданию Палестинского государства. Для Египта это объяснялось стремлением как минимум частично укрепить свои политико-имиджевые позиции на Арабском Востоке, подорванные еще после заключения сепаратных Кэмп-Дэвидских соглашений (1978)³ [11, сс. 172-182]. Этот более частный сюжет

² Рассчитано автором на основе сайта Ведомства федерального канцлера. Available at: <https://www.bundesregierung.de> (accessed 08.01.2021).

³ Заключение мирного договора между Израилем и Египтом без участия других арабских государств (1978–1979 гг.). Переговоры проходили при посредничестве США.

устанавливавшегося германо-египетского сотрудничества в области безопасности иллюстрировал обоюдную готовность поддерживать реализацию лидерских амбиций.

28–31 октября 2018 г. в ФРГ с официальным визитом прибыл А.-Ф. Ас-Сиси [14], в апреле 2018 г. одержавший уверенную победу на президентских выборах в АРЕ. Симптоматично, что переговоры прошли сразу после встречи в “Стамбульском формате” (Россия – германо-французский тандем – Турция, 27 октября 2018 г.), посвященной поиску путей урегулирования вооруженного конфликта в Сирии. С одной стороны, официальный Берлин (как и Париж) начал проявлять заинтересованность в компромиссном варианте определения будущей вертикали власти в Сирийской Арабской Республике: интеграции действительно умеренной оппозиции и действующего истеблишмента страны. С другой стороны, острейшим “раздражителем” оставалась “идлибская проблема”. Германия (и Франция), как и Турция, исключительно болезненно воспринимали попытки официального Дамаска, поддерживаемого РФ и ИРИ, установить контроль над провинцией Идлиб, где, отступая, сосредоточились и перегруппировывались военизированные отряды “умеренной” оппозиции, многие из которых фактически “срослись” с террористическими группировками. Логично, что именно “идлибский вопрос” оказался в центре внимания на переговорах А. Меркель и А.-Ф. Ас-Сиси 30 октября 2018 г. С одной стороны, стороны согласились в нежелательности разгрома и без того ослабленных военизированных формирований сирийской оппозиции [14]. С другой – как и ранее, Египет существенно более жестко, чем Германия, реагировал на активную военную поддержку “Свободной сирийской армии” со стороны Турции и в целом попытки обеспечения присутствия ее войск на территории САР [14]. Несмотря на переживаемый глубокий разносторонний кризис отношений с официальной Анкарой, германское руководство было заинтересовано в развитии контактов с ней (в том числе как одной из держав – участниц “Астанинского формата”) для сохранения стремительно уменьшавшегося влияния на ход урегулирования конфликта в Сирии.

Важнейшим результатом визита президента АРЕ в ФРГ 30–31 октября 2018 г. следует признать принципиальное согласование сторонами запуска формата Европейский союз – Лига арабских государств (ЛАГ), первая встреча в котором была организована в Шарм-эль-Шейхе (Египет) 24–25 февраля 2019 г. [15]. Для каждого из двух объединений эта встреча была важна демонстрацией роста дееспособности на международной арене, давая имиджевые преимущества на фоне переживаемых острых внутренних кризисов. В случае ЕС

такowymi выступали Брекзит и необходимость выстраивания организованного сопротивления трампу, в случае ЛАГ – выход Сирии из организации и в целом непростой поиск общих ответов на вызовы нестабильности в регионе, усилившиеся на фоне “Арабского пробуждения”. В свою очередь каждое из государств – инициаторов запуска нового формата (ЕС–ЛАГ) – Германия и Египет – не только укрепляли собственные позиции как центры “своих” объединений, но и добивались перекрестного усиления позиций во внешних для них региональных подсистемах. Показателен в данной связи и растущий интерес ФРГ к АРЕ как государству – члену Африканского союза [14, 15].

Если в случае сирийского конфликта египетская сторона проявляла больший интерес к развитию сотрудничества с Германией для продвижения своих интересов в рамках многостороннего переговорного процесса, то на ливийском направлении уже ФРГ остро нуждалась в поддержке АРЕ для своего полноценного подключения к процессу урегулирования. Так, не позднее весны 2019 г. официальный Берлин стал стремиться использовать возможности своего партнера для налаживания контактов (вначале опосредованных) с ЛНА Х. Хафтара [16].

Соизмеримый объем практического сотрудничества в области урегулирования вооруженных конфликтов наблюдался в случае отношений Германии и *Алжира*. Так, уже с 2014 г. стартовало сотрудничество на малийском направлении: 15 мая и 20 июня 2015 г. на алжирской территории были подписаны межмалийские договоренности, зафиксировавшие обнуление формулы независимого Азавада⁴ и сохранение единства Мали при условии ее федерализации [3, S. 4–6]. Тенденция наращивания Германией во второй половине 2010-х годов разноплановых усилий, в том числе увеличения объемов военного присутствия вкупе с расширением географического и функционального диапазона использования бундесвера в Мали (в рамках миссий *EUTM Mali* и особенно *MINUSMA*), позиционировалась как рост участия ФРГ в обеспечении безопасности Алжира, вызывая исключительное удовлетворение его руководства [17]. В свою очередь и сам он воспринимался Германией в качестве “опоры безопасности” в Северной Африке, что было подчеркнуто в ходе встречи А. Меркель и премьер-министра А. Селлаля [17].

Вместе с тем в двусторонних отношениях имелся ряд сдерживающих факторов, прежде всего это частичная недееспособность президента А. Бутеф-

⁴ Государство, независимость которого была провозглашена восставшими на территории Мали туарегами в апреле 2012 г., однако не получившее международного признания в принципе.

лики. Как уже отмечалось, это стало поводом и одной из причин отмены намеченного на 20–21 февраля 2017 г. визита А. Меркель (другой уместно признать вовлеченность премьер-министра в ход подготовки к грядущим в марте 2017 г. парламентским выборам в стране) [5]. В свою очередь Алжир был демонстративно обойден в качестве пункта маршрута турне канцлера ФРГ по странам Северной Африки 2–4 марта 2017 г. [8, 13]. Алжирское руководство восприняло данный “сигнал”, не желая отставать от Египта и Туниса в скорости подъема отношений с Германией. Так, 17 сентября 2017 г. по инициативе Алжира был организован визит главы германского правительства в страну. Примечательно расширение спектра обсуждаемых сторонами направлений в области урегулирования вооруженных конфликтов: помимо ливийского и ливийско-го (эта тематика возникла в двустороннем переговорном процессе не позднее 2016 г. [17]), таковым стал также западносахарский [18].

“Окно возможностей” для развития двустороннего сотрудничества существенно расширилось между апрелем 2019 г. (решение А. Бутефлики не выдвигаться на пятый срок) и декабрем 2019 г., когда президентом Алжира был избран А. Теббун. В частности, это проявилось на ливийском направлении: поддержка Алжира (как и Германия, он отдавал предпочтение ПНС) была использована при запуске Берлинской конференции по Ливии.

В середине – второй половине 2010-х годов “ливийский вопрос” был весьма проблематичным для ФРГ с точки зрения не только создаваемых им рисков нестабильности, но и трудностей подключения к его урегулированию. Однако это отнюдь не означает, что поиск преодоления таковых не велся: заметное и притом эффективное участие Германии в урегулировании вооруженного конфликта в Ливии было необходимо не только для перекрытия “коридора нестабильности”, шедшего из Сахеля в Северную Африку, но и для обеспечения прочных позиций в последней.

Германской стороне удалось “нащупать” решение лишь осенью 2019 г. Ведомство федерального канцлера, опираясь на поддержку как внутрирегиональных игроков (Египта и Алжира, а также Туниса), так и внешних держав, оказывающих большое влияние на ситуацию в Северной Африке (прежде всего России и Франции), начало проработку создания международного переговорного формата по “ливийскому вопросу”. Почему именно ФРГ, а не какой-либо другой западной державе удалось стать инициатором данного процесса? Во-первых, позитивному восприятию Германии со стороны руководства стран Африки (как Северной, так и Сахеля) весьма способствовало ее неучастие в ливийской кампании группы стран

Запада (2011 г.), следствиями которой стали убийство М. Каддафи и распад института власти в этой стране. Во-вторых, к началу 2020 г. официальный Берлин сумел “встать над схваткой”, то есть занять формально почти равноудаленную от двух основных сторон конфликта – ПНС (Ф. Сарадж) и ЛНА (Х. Хафтар) – позицию. Наконец, в-третьих, ФРГ успешно использовала поддержку широкого круга заинтересованных игроков, прежде всего региональных и РФ. Так, в ходе специальных переговоров А. Меркель и президента В. Путина в Кремле 11 января 2020 г. был определен состав будущего многостороннего формата по Ливии: делегации ПНС и ЛНА, пять постоянных членов Совета Безопасности ООН, Германия, круг заинтересованных региональных и внешних (в частности, Турция) игроков. В Москве же 18 января 2020 г. была проведена первая (предварительная) фаза переговоров, а вторая состоялась в столице ФРГ 19 января 2020 г. [19]. В ходе Берлинской конференции была достигнута принципиальная договоренность о прекращении огня между ПНС и ЛНА, выводе всех иностранных наемников из зоны конфликта [19]. Для “сверки часов” была запланирована полугодовая частота новых встреч в формате Берлинской конференции [19]. Достижение этого оказалось временно невозможно в реалиях 2020 г. вследствие пандемии *COVID-19*, приведшей к “заморозке” (точнее, “подмораживанию”) мирополитических процессов.

Однако даже в этой ситуации ФРГ стремилась закрепить столь успешно начатое масштабное подключение к урегулированию “ливийской проблемы”. Осуществляя поочередные телефонные контакты как с Ф. Сараджем, так и Х. Хафтаром, руководство Германии одновременно получило согласие Бундестага на использование бундесвера в операции *IRINI* под эгидой ЕС, предназначенной для обеспечения имплементации договоренностей 19 января 2020 г. [20].

На фоне Ливии, в случае которой в начале 2020 г. Германии наконец удалось достичь существенных успехов в укреплении своего политико-военного влияния, в Северной Африке существовали еще два страновых направления, где активность Берлина была весьма ограниченной, – марокканское и суданское. В случае *Марокко* это объяснялось высокой степенью закрытости политической системы страны и географическим положением последней (в отличие от западных региональных соседей) на относительно отдалении от трансрегионального “коридора нестабильности”. Конфликт в Западной Сахаре в восприятии руководства ФРГ не нес в себе масштабных рисков нестабильности (в отличие от ситуации в Ливии и Мали); кроме того, более перспективным партнером по поиску путей его урегулирования выглядел Алжир, а не Марок-

ко [17]. “Раздражителями” отношений Германии и Судана выступали этнорелигиозные вооруженные конфликты в Южном Судане и провинции Дарфур, где официальный Хартум с 2000-х годов активно применял войска для борьбы с антиправительственными комбатантами. Образование Южного Судана (с 2011 г., вскоре страна вступила в череду уже внутренних вооруженных конфликтов) и улучшение обстановки в Дарфуре способствовали некоторому потеплению в германо-суданских отношениях, однако их серьезное улучшение остается под вопросом как минимум на среднесрочную перспективу.

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ФРГ СО СТРАНАМИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Вклад бундесвера в ливийское урегулирование имел военно-воздушное (с марта 2020 г., новейшие самолеты-разведчики “P-3C Orion”) и военно-морское (с августа 2020 г., фрегат) измерения. Бундесвер (первоначальный “потолок” контингента была определен в 0.3 тыс. военнослужащих) должен был отслеживать прибытие и перемещение потоков оружия, иных военных грузов, комбатантов, особенно прибывающих извне, а также осуществлять мониторинг фактов возобновления боевых действий [20]. Тем самым, с одной стороны, ФРГ в миротворческом плане встраивалась в процесс урегулирования, получая возможность легально регулярно контролировать ход закрытия “ливийских ворот”. Притом Германия, традиционно стараясь избежать риска существенных потерь бундесвера при его использовании в зонах вооруженных конфликтов, отказалась от наземного его применения, чреватого втягиванием в боестолкновения. То есть ФРГ стремилась оказывать влияние на “ливийскую проблему”, действуя вдоль периметра ее границ с моря, — ранее этот подход лежал в основе применения бундесвера на сомалийском (с 2002 г., затем с 2008 г.) и ливанском (с 2006 г.) направлениях, при этом сопровождаясь развертыванием небольших военно-тренировочных миссий в странах, стремившихся вернуться на путь стабильного развития. В среднесрочной перспективе осуществление этой меры возможно и в случае Ливии.

В реалиях же начала 2020-х годов *первым* инструментом вклада ФРГ в обеспечение безопасности стран Северной Африки стало активное использование бундесвера в зонах нестабильности вдоль периметра границ региона (в миссиях *EUTM Mali* и особенно *MINUSMA* в Мали с 2013 г.; в операции *IRINI* в Средиземном море и воздушном пространстве Ливии с 2020 г.). Следует подчеркнуть резкий рост объемов и спектра выполняемых бундесвером в Мали задач с 2016–2018 гг.

Так, в этот период “потолок” численности германского контингента в составе *MINUSMA* возрос со 150 до 1100 военнослужащих. Это сопровождалось возложением на подразделения бундесвера функций не только по оказанию логистической и медицинской поддержки партнерам по миссии (то есть сугубо вспомогательных), но непосредственно по обеспечению мира и правопорядка “в поле” [21, S. 3–4]. Причем основной зоной деятельности германского контингента с 2016 г. были определены уже не западные (относительно спокойные), но северные, наиболее конфликтогенные провинции Мали (Гао, Кидаль и Томбукту) [2, pp. 1–2]: именно здесь в 2012 г. началось восстание туарегов, здесь сохранялись остатки террористических группировок “Ансар Ад-Адин” и “Аль-Каида в Магрибе”. Для расширения возможностей по осуществлению тактической разведки в состав контингента бундесвера была направлена партия (порядка 40 единиц) маловысотных БПЛА [21, S. 6–12]. Почему с 2016–2018 гг. Германия столь существенно нарастила свой миротворческий вклад в урегулирование вооруженного конфликта в Мали? Одна из причин тому — успехи в развитии диалога со странами Северной Африки (и прежде всего с Алжиром). С одной стороны, они создавали благоприятный политический фон для активизации участия ФРГ, в том числе военного (но исключительно небоевого), в стабилизации обстановки в Сахеле, с другой — сам по себе рост данных усилий Германии увеличивал ее ценность в восприятии североафриканских партнеров, демонстрируя готовность и способность ФРГ вносить вклад (хотя и опосредованный территориально) в обеспечение региональной безопасности.

Вторым инструментом осуществления этого вклада являлось налаживание Германией масштабного экспорта вооружений и военной техники (ВиВТ) в Северную Африку (см. таблицу).

Как следует из таблицы, ключевыми импортерами германских ВиВТ выступали Алжир и Египет. В случае Алжира прослеживались две волны последовательного роста объемов закупок: с 2011 г. (в условиях “Арабского пробуждения”, приведшего к резкой дестабилизации ситуации на восточных и южных границах Алжира) и с середины 2010-х годов, сопровождавшего наметившийся подъем общеполитических отношений. В 2016–2019 гг. среднегодовой объем закупок ВиВТ составлял более 1.1 млрд евро в год, а Алжир неизменно входил в двойку государств-лидеров (в 2016–2018 гг. — первое место!) по закупкам германской военной продукции. Основными статьями импорта выступали бронзовики, комплектующие к ним и наземной бронированной технике, а также фрегаты [22, S. 73, 89; 23, S. 82, 102]. В случае наземной техники выбор был обусловлен необходимостью

охранять высококомобильными патрулями и группами протяженные границы Алжира (прежде всего на юге), значительная часть которых проходила по пустыне, а, значит, используемая здесь техника быстро изнашивалась. Фрегаты требовались прежде всего для патрулирования северных границ – в первую очередь акватории Средиземного моря вблизи побережья Туниса (а также Ливии). Переоснащение ВМС Алжира фрегатами германского производства открывает большие практические возможности для его тесного сотрудничества с ВМС ФРГ в рамках их участия в операции *IRINI*.

В случае Египта резкий рост объемов импорта германских ВиВТ наблюдался с 2016 г., будучи производной перехода к продвинутому сотрудничеству в общеполитической сфере. В 2016–2019 гг. среднегодовой размер закупок составлял почти 0.5 млрд евро, а их основными статьями являлись дизельные подводные лодки, торпеды и ракеты ближнего радиуса действия [22, S. 73, 90; 23, S. 82, 103]. Осуществляемая таким образом технико-технологическая модернизация ВМС Египта прежде всего обеспечивала ему роль потенциального противовеса флота Израиля (даже с учетом Кэмп-Дэвидских соглашений), в определенной мере выступая фактором сдерживания возможных наступательных действий официального Тель-Авива. Иными словами, в данном случае военно-техническое сотрудничество было продолжением интенсификации германо-египетского общеполитического диалога по урегулированию арабо-израильского конфликта.

* * *

Во второй половине 2010-х годов отчетливо стартовал и стал динамично развиваться процесс утверждения ФРГ в роли органично встроенного внешнего участника региональной подсистемы безопасности в Северной Африке. В ходе *предварительной* фазы (первая половина – середина 2010-х годов) Германия осуществляла попытки “прощупывания” потенциальных фокусных партнеров: эти попытки или оказались провальными (Египет при “Братьях-мусульманах”), или изначально дали ограниченный результат (Алжир). В ходе *первой основной* фазы (2015–2017 гг.) ФРГ смогла выстроить близкий к образцовому состоянию диалог с Тунисом (приняв притом роль старшего партнера) и обеспечить достаточно динамичное потепление отношений с Египтом, в то время

как контакты с Алжиром оказались в несколько отстающем положении.

Вторая фаза (2018–2019 гг.) характеризовалась параллельным выходом на уровень продвинутого сотрудничества отношений Германии с Египтом и Алжиром. В первом случае ключевым способом достижения этого выступало эффективное функционирование переговорной “связки” А. Меркель – А.-Ф. Ас-Сиси, во втором – тесно переплетавшаяся кооперация на высоком уровне (главы правительства) и интенсивный межминистерский диалог (по линиям внешнеполитического и военного ведомств). В обоих случаях наблюдался параллельный рост объемов общеполитического сотрудничества (особенно заметный в области урегулирования вооруженных конфликтов) и объемов экспорта германских ВиВТ. На этом фоне развитие отношений с Тунисом оказалось “в тени”. Наконец, в ходе *третьей фазы*, которая стартовала в первые недели 2020 г., к указанным тенденциям добавилось небезуспешное стремление ФРГ перевести “ливийский вопрос” из разряда “отложенных” (с точки зрения участия в его урегулировании) в активный с целью усилить свое общеполитическое и военное присутствие в Северной Африке.

Безусловно, пандемия *COVID-19* создает мощные препятствия на пути реализации долгосрочных планов Германии. В частности, это сокращение ресурсной базы (вследствие экономических локдаунов и необходимости перенаправлять ресурсы на решение внутренних социальных проблем), а также “окно возможностей” для перегруппировки и усиления структур международного терроризма в условиях снижения миротворческой активности (вынужденный отзыв значительной части контингентов на родину). Вместе с тем следует подчеркнуть, что осевые причины резкого роста стратегического интереса ФРГ к Северной Африке не только останутся, но увеличат свою актуальность, так как без прочного закрепления в данном регионе невозможно ни эффективное обеспечение безопасности Германии и ее партнеров по ЕС, ни тем более успешное движение ФРГ по траектории укрепления позиций на мировой арене. Вероятно, произойдет лишь временное (в ближайшие один-два года в условиях пандемии) снижение активности Германии в Северной Африке с последующим компенсирующим наращиванием ее в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Noll J., Roll St. Vom Jemen-Krieg zur gemeinsamen Armee? *SWP-Aktuell*, 2017, no. 47 (April). 8 p.
2. Hanish M. A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. *Security Policy Working Paper*, 2015, no. 8. 5 p.
3. *Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA)*. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.2016. 12 p.

4. Raum für demokratische Kräfte schaffen. *Die Bundesregierung*, 31.01.2013. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/raum-fuer-demokratische-kraefte-schaffen-377804> (accessed 05.01.2021).
5. Reise von Bundeskanzlerin Merkel in die Demokratische Volksrepublik Algerien verschoben. *Die Bundesregierung*, 20.02.2017. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/reise-von-bundeskanzlerin-merkel-in-die-demokratische-volksrepublik-algerien-verschoben-750036> (accessed 05.01.2021).
6. Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel*. Berlin, German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. 52 p.
7. *Antrag der Abgeordneten und der Fraktion der AfD. Aus dem Einsatz in Afghanistan lernen – Militärmission MINUSMA nicht fortsetzen*. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19155, 13.05.2020. 4 p.
8. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem tunesischen Präsidenten, Essebsi. *Die Bundesregierung*, 04.03.2017. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-tunesischen-praesidenten-essebsi-393760> (accessed 08.01.2021).
9. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem tunesischen Ministerpräsidenten Essid im Bundeskanzleramt. *Die Bundesregierung*, 05.11.2015. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-tunesischen-ministerpraesidenten-essid-848174> (accessed 08.01.2021).
10. Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit ägyptischem Präsidenten Al-Sisi. *Die Bundesregierung*, 08.09.2014. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-aegyptischem-praesidenten-al-sisi-755630> (accessed 08.01.2021).
11. Примаков Е.М. *Ближний Восток на сцене и за кулисами*. Москва, Российская газета, 2006. 384 с. [Primakov E.M. *Middle East on Stage and beyond the Scenes*. Moscow, Rossiiskaya gazeta, 2006. 384 p. (In Russ.)]
12. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem ägyptischen Präsidenten Abd al-Fattah al-Sisi im Bundeskanzleramt. *Die Bundesregierung*, 03.06.2015. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-aegyptischen-praesidenten-abd-al-fattah-al-sisi-844840> (accessed 04.01.2021).
13. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem ägyptischen Präsidenten Al-Sisi. Besuch in der Arabischen Republik Ägypten. *Die Bundesregierung*, 02.03.2017. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-aegyptischen-praesidenten-al-sisi-843004> (accessed 04.01.2021).
14. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem ägyptischen Präsidenten Abdelfattah Al-Sisi in Berlin. *Die Bundesregierung*, 30.10.2018. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-aegyptischen-praesidenten-abdelfattah-al-sisi-1543870> (accessed 08.01.2021).
15. Treffen in Sharm el-Sheikh. EU und Arabische Liga vertiefen Zusammenarbeit. *Die Bundesregierung*, 25.02.2019. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/eu-und-arabische-liga-vertiefen-zusammenarbeit-1583002> (accessed 08.01.2021).
16. Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem ägyptischen Präsidenten Abdel Fattah Al-Sisi. *Die Bundesregierung*, 15.04.2019. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-aegyptischen-praesidenten-abdel-fattah-al-sisi-1601070> (accessed 08.01.2021).
17. Algerien ist Stabilitätsanker in der Region. *Die Bundesregierung*, 12.01.2016. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/algerien-ist-stabilitaetsanker-in-der-region-321054> (accessed 02.01.2021).
18. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem algerischen Premierminister Ahmed Ouyahia in Algier. *Die Bundesregierung*, 17.09.2018. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-algerischen-premierminister-ahmed-ouyahia-1523382> (accessed 08.01.2021).
19. Waffenruhe für Libyen. *Die Bundesregierung*, 19.01.2020. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (accessed 08.01.2021).
20. Waffenembargo gegen Libyen durchsetzen. *Die Bundesregierung*, 22.04.2020. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/operation-irini-1745506> (accessed 05.01.2021).
21. *Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA)*. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1098, 17.03.2018. 12 S.
22. *Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017*. Berlin, 2018. 116 p.
23. *Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019*. Berlin, 2020. 128 p.

**RELATIONS BETWEEN GERMANY AND THE COUNTRIES OF NORTH AFRICA
(Political and Military Aspects)**

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 61–71)

Received 09.01.2021.

Philipp O. TRUNOV (Itrunov@mail.ru),

Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAS), 51/21,
Nakhimovskii Prosp., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article examines the process of the growing German political and military activity in North Africa during the second half of the 2010s. The first key reason of this process was the new awareness of the regional role in the ensuring

of Germany's and the EU security. During and after the "Arab Spring", the interstate "corridor of instability" arose. It went from Mali further to Niger and Libya which has been facing permanent instability after the intervention of the group of Western countries (2011, without German participation). The full-fledged functioning of the "corridor of instability" could cause the worse version of the refugee crisis and growing terrorist activity than it was in the EU in 2015–2016. The second reason was the necessity to ensure Berlin's strong political-military positions in North Africa for the realization of Germany's ambitions as a future world power. The research examines the features and "narrow places" of interstate cooperation in the security sphere between Germany and Tunisia, Egypt, Algeria. Germany became a senior partner for Tunisia in 2015–2017, and positioned these relations as exemplary. Since 2015–2016, Germany and Egypt have been supporting the realization of each other's leadership ambitions. The key elements of this tactic have been the cooperation in Syrian and Libyan armed conflicts regulation and launch of the EU–LAS negotiation format (2019). The article also shows the dynamics of partnership between Germany and Algeria, paying special attention to bilateral cooperation in the sphere of the Mali, Libyan and Western Sahara conflicts regulation. The transition of Germany's bilateral relations with Egypt and Algeria to the level of advanced cooperation in the second half of 2010s caused a powerful growth of the FRG's arms export to these countries. At the beginning of 2020, Germany launched the multilateral Berlin conference for resolution of the Libyan conflict. Germany's late but rather successful involvement in the Libyan conflict management should ensure its efforts to become the external participant of the North African regional security system. The paper concludes about the perspectives of the FRG's political-military line in the region considering the factor of COVID-19 pandemic.

Keywords: Germany, interstate relations, risks of instability, armed conflicts, diplomacy, Tunisia, Egypt, Algeria, Libya, arms export.

About author:

Philipp O. TRUNOV, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-61-71

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ВЫЗОВ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОМУ ЛИДЕРСТВУ В ЕС

© 2021 г. П. Тимофеев, М. Хорольская

*ТИМОФЕЕВ Павел Петрович, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (p.timofeyev@gmail.com).*

*ХОРОЛЬСКАЯ Мария Витальевна, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (khorolskaja.marya@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 15.02.2021.

Пандемия COVID-19 нанесла тяжелый удар экономике ряда членов ЕС. Первая изоляционистская реакция европейцев на пандемию сменилась попытками найти совместный выход из ситуации. Однако поиск путей минимизации финансового ущерба показал, что условные “южные” и “северные” страны имеют разное представление о форме выделения экономической помощи. Статья призвана проанализировать существующие проекты, выявить характер противоречий между различными группами, а также сделать вывод, способен ли франко-германский тандем добиться принятия компромиссного решения и таким образом усилить устойчивость Евросоюза к кризисам.

Ключевые слова: ЕС, COVID-19, коронакризис, Франция, Германия, Европейская комиссия, коронабонды, Европейский стабилизационный механизм, Фонд восстановления.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-72-80

После длительного периода относительно благополучного развития Европейский союз неожиданно столкнулся с целой серией серьезных проблем. Российский политолог Н.К. Арбатова выделяла четыре внешних кризиса ЕС. Первым стал мировой экономический и финансовый кризис, за которым последовал внутренний долговой кризис зоны евро. Вторым стал миграционный кризис, достигший пика в 2015 г. Параллельно с ним развивался украинский кризис, создавший очаг напряженности у восточных границ Евросоюза. Четвертым внешним кризисом Н.К. Арбатова называет кризис евро-атлантических отношений, проявившийся в переориентации США в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона и изоляционистской риторике Д. Трампа [1]. Внешние вызовы стали катализатором для обострения внутренних проблем и привели к системному или экзистенциальному кризису Европейского союза. Последний выразился в снижении доверия к наднациональным элитам, росте популярности евроскептиков и, наконец, итогах референдума о выходе Великобритании из ЕС.

Не успев оправиться от предыдущих потрясений, в 2020 г. Евросоюз столкнулся с новой угрозой – пандемией COVID-19, которая забрала сотни тысяч жизней и нанесла удар экономике. В данной статье мы поставили цель на примере борьбы с коронавирусом проанализировать способность Союза реагировать на кризисы. Акцент в работе ставится на взаимодействии стран – членов ЕС и их способности находить консенсус. Особое внима-

ние уделяется роли франко-германского тандема, который аналитики называют “мотором евроинтеграции”, а именно вопросу, способны ли совместные действия Берлина и Парижа усилить устойчивость Евросоюза к кризисам.

2020 ГОД: И ГРЯНУЛ КРИЗИС...

Выявленный в декабре 2019 г. в Китае вирус COVID-19 в короткий срок распространился на Европу. Уже 24 января 2020 г. он был обнаружен во Франции, а в феврале – у граждан остальных стран ЕС. Лидером по числу заболевших стала Италия, где в середине марта насчитывалось 25 тыс. зараженных и 1800 смертей, на втором месте шла Испания. Система здравоохранения была перегружена, не хватало медицинского оборудования и лекарств. Пугали темпы распространения: 15 апреля в Италии были официально зафиксированы 165 145 случаев заражения и 21 711 летальных исходов [2].

Первые меры Европейского союза по реагированию носили довольно общий характер: 17 января 2020 г. он запустил механизм наблюдения за ситуацией (Комитет по санитарной безопасности ЕС), а позже выделил средства по программе “Горизонт-2020” для исследования вакцины. 10 марта руководители стран-членов по инициативе Франции провели по видеосвязи первый чрезвычайный саммит. На нем было решено координировать национальные меры, чтобы сформировать единый подход. Европейской комиссии поручалось вести

мониторинг ситуации, на разработку вакцины были выделены новые средства (140 млн евро), а страны ЕС, помня об уроках греческого кризиса 2009 г., договорились временно закрыть глаза на рост бюджетных расходов в период пандемии. Еврокомиссия объявила о готовности запросить у Европарламента 7.5 млрд евро для создания “инвестиционного фонда” в помощь предприятиям.

Тем не менее национальные решения не отличались солидарностью. 11 марта Австрия ввела контроль на границе с Италией, вскоре ее примеру последовал ряд других стран. Беспрецедентными мерами стали решения государств – членов ЕС не пускать к себе жителей других стран Союза. В начале марта Франция запретила экспорт средств индивидуальной защиты и медицинского оборудования, затем подобные меры предприняли Бельгия, Германия, Польша, Чехия и др. Иными словами, в начале пандемии возобладал национальный эгоизм и принцип “каждый сам за себя”. Как образно писали о данной ситуации А.А. Дынкин и Е.А. Телегина, “первая реакция многих членов ЕС была абсолютно средневековой, как во время чумы, – запереть ворота и отсидеться” [3, с. 8].

Отсутствие солидарности со стороны стран ЕС вызвало серьезную обиду у Италии и Испании, не справлявшихся с пандемией. Согласно опросам, в апреле 2020 г. 55% итальянцев полагают, что ЕС не помогает стране бороться с COVID-19 в достаточной мере [4]. К тому же поддержку Италии оказали Китай и Россия, что с раздражением было воспринято европейскими странами. После первых потрясений наднациональная элита ЕС и ведущие европейские страны осознали губительность изоляционистской политики и начали корректировку курса. Германия и Франция отменили запрет на экспорт медицинского оборудования. Немецкие больницы начали принимать итальянских и французских пациентов [5, с. 5, 6]. В апреле 2020 г. председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен от лица стран – членов Евросоюза принесла публичные извинения Италии. Рим принял извинения Брюсселя, но дал понять, что слов недостаточно и Италия ожидает экономической поддержки.

ПЕРВЫЕ ПЛАНЫ ЕС: ЕСМ И КОРОНАБОНДЫ

В условиях экономического спада главной задачей для стран – членов Европейского союза стало создание механизма, способного оказать финансовую поддержку. Представления о предпочтительных способах финансовой помощи здесь серьезно разнились. Государства с устойчивой экономикой (так называемые бережливые, или северные, страны – Германия, Австрия, Нидерланды, Швеция и др.) изначально поддерживали формат рабо-

ты через *Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ)*, созданный в 2012 г. для спасения еврозоны. ЕСМ, являясь по сути кредитным фондом объемом 410 млрд евро, мог бы предоставлять займы под процент. При этом большинство из “бережливых” стран, в первую очередь Нидерланды, требовали, чтобы кредиты выделялись лишь при условии проведения экономических реформ и перехода к режиму жесткой экономии. Южные страны ЕС, особенно Италия (при поддержке Испании, Франции и др.), болезненно относились к ЕСМ, опасаясь повторения опыта Греции [6, с. 63]. Рим требовал, чтобы средства фонда выдавались без каких-либо условий и чтобы полученные деньги можно было использовать не только в сфере здравоохранения.

Альтернативой ЕС в глазах “южан” стал проект выпуска *общих долговых облигаций, евробондов или, как их быстро окрестили, “коронабондов”*. Эту идею 17 марта на саммите Евросоюза выдвинул премьер-министр Италии Дж. Конте. Речь шла о выпуске членами ЕС специальных долговых облигаций в евро, которые позволят объединить все долги этих государств, образовавшиеся на время эпидемии. Финансовые средства, полученные от продажи совместных облигаций деловым структурам, должны были пойти на борьбу с пандемией и помощь наиболее пострадавшим членам Союза. Идею Италии поддержали Испания, Греция, Португалия, Франция, Бельгия, Люксембург, Ирландия и Словения – все они подписали 25 марта письмо председателю Евросовета Ш. Мишелю, требуя создания “общего долгового инструмента”. Небогатым странам выпуск коронабондов с совместной ответственностью позволил бы снизить процентную ставку и тем самым сократить издержки на выплату своего долга. К тому же, как иронично отмечала немецкая газета *Sueddeutsche Zeitung*, совместные облигации имеют в глазах Рима ощутимое преимущество, так как ответственность за них несут все выпустившие их государства, а долг ЕСМ Италии придется выплачивать самостоятельно [7]. Франция поддержала эту идею. 16 апреля Э. Макрон отмечал: “Мы переживаем момент истины, который позволит узнать, является ли ЕС политическим или лишь рыночным проектом. Я считаю, – подчеркнул он, – что это политический проект. Если это так, то на первый план выдвигаются человеческие отношения, и в дело вступает такое понятие, как солидарность” [8].

Идея выпуска “евробондов” также не нова: она возникла в период долгового кризиса еврозоны 2009 г., но, как и десятилетие назад, против этого проекта выступили Германия и Нидерланды, поддержанные Австрией и Финляндией. Они относятся к категории “надежных должников” и выпускают облигации под низкие проценты (ФРГ в 2019 г. под отрицательные). Тем самым более вы-

сокие долги по коронабондам не выгодны “богату Северу”. “Северян” также беспокоило, будут ли “южане” платежеспособны, когда настанет срок возвращать долг. Правящие партии Германии ссылались на ст. 125 Договора о функционировании ЕС, в которой говорится, что одно государство — член ЕС не отвечает по обязательствам другого. Блок ХДС/ХСС отмечает, что все федеральные расходы являются зоной ответственности Бундестага, а значит, коронабонды могут подорвать этот принцип. Канцлер ФРГ А. Меркель отмечала, что реализация подобного плана потребует изменения договорной базы ЕС с тем, чтобы “перенести часть бюджетного права на европейский уровень и там демократически контролировать процесс формирования национальных бюджетов. — П.Т., М.Х.)” [9]. Соответственно, этот механизм с точки зрения Германии не подходил для оказания быстрой помощи пострадавшим странам.

Проекты ЕСМ и коронабондов неоднократно обсуждались на саммитах ЕС. 25–26 марта 2020 г. Конте вновь призвал выпустить коронабонды. Франция, несмотря на коллективное письмо девяти стран, уклонилась от обсуждения проекта. Критическое отношение к нему Нидерландов, Австрии и Финляндии при поддержке Германии вызвало такое негодование итальянского лидера, что он даже вначале отказывался подписывать совместное коммюнике саммита, если ЕС не примет предложенную им меру (хотя по требованию Рима упоминание ЕСМ было исключено из текста). Поскольку главы государств не выработали единого решения, Евросовет в заявлении от 26 марта признал тяжесть социально-экономических последствий кризиса, вызванного коронавирусом, пообещал сделать все необходимое, чтобы преодолеть его в духе солидарности, и предложил Еврогруппе (Совет министров финансов стран — членов еврозоны) в течение двух недель разработать меры поддержки экономики в период пандемии. Еврокомиссии и Евросовету поручалось выработать план вывода экономики ЕС из кризиса по согласованию с ЕЦБ. Позже Э. Макрон дал понять, что дискуссии по этой теме еще не завершены, а ряд итальянских политиков со страниц газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung* призвал Берлин изменить свою позицию по коронабондам. Но 2 апреля 2020 г. Германия, Нидерланды, Австрия и Финляндия вновь подтвердили свое отрицательное отношение к ним. Показательно, что различное отношение к теме выразили даже руководители ЕЦБ и Еврокомиссии — французенка К. Лагард и немка У. фон дер Ляйен соответственно. Если первая одобряла эту идею, то вторая назвала ее “лозунгом”, не имеющим гарантии [10].

Последнее обсуждение ЕСМ и коронабондов состоялось 7–9 апреля на расширенной встрече Еврогруппы, на которой присутствовали предста-

вители всех государств ЕС. “Бережливые” страны, включая Германию, вновь отвергли идею коронабондов. Но и вопрос об условиях кредитов ЕСМ также вызвал серьезные противоречия. Нидерланды потребовали привязать распределение кредитов к обязательству проведения экономических реформ. Рим полагал, что эти условия — слишком строгие. В результате единой позиции по коронабондам выработать не удалось, и упоминание о них не вошло в итоговое коммюнике. Однако после долгих дискуссий министры финансов согласовали пакет финансовой помощи в размере 540 млрд евро. Тремя составными частями плана стали: 1) поддержка предприятий — с помощью кредитов от Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) в размере 200 млрд евро; 2) поддержка частично безработных — через механизм *SURE*¹ в размере 100 млрд евро; 3) кредитование наиболее пострадавших стран еврозоны через ЕСМ (2% ВВП страны-получателя) для финансирования здравоохранения (240 млрд евро). Последнее решение вызвало споры: Нидерланды при поддержке Австрии, Дании и Швеции снова требовали прописать взаимосвязь между предоставлением займов и проведением в странах-должниках налоговых или пенсионных реформ. Франция раскритиковала эту позицию, получив неожиданную поддержку Германии. Итоговое решение стало компромиссным: с одной стороны, для государств-реципиентов был отменен строгий контроль за управлением бюджетом и программами структурных реформ, с другой — подчеркивалось, что средства должны быть использованы лишь для покрытия прямых расходов на здравоохранение в связи с *COVID-19*.

Несмотря на то что компромисс был достигнут, практические результаты договоренности о кредитах ЕСМ оказались не настолько впечатляющими. Премьер-министр Италии практически сразу отказался принимать помощь ЕСМ, настаивая на совместных долговых облигациях. И даже спустя время, когда стало ясно, что план выпуска коронабондов не осуществится, Рим, а также другие члены ЕС, пострадавшие от пандемии, не проявили интереса к кредитам ЕСМ в связи с возникновением более выгодного формата — грантов Фонда восстановления, о которых будет сказано ниже. В настоящий момент механизм действует только на бумаге.

ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЙ ТАНДЕМ: ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ ПОЗИЦИИ

Уже накануне саммита ЕС 23 апреля 2020 г. было очевидно, что ни один из двух вариантов решения вопроса — ни коронабонды, ни ЕСМ — не подходит

¹ Полное название программы “*Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency*” (Поддержка посредством смягчения рисков безработицы в чрезвычайных ситуациях).

всем странам Союза. В то же время в “дорожной карте”, совместно подготовленной Еврокомиссией и Евросоветом, государствам ЕС предлагался третий подход – использовать деньги из бюджета Евросоюза, чтобы занять средства на внешних рынках и затем одалживать странам-членам. Эта мера, временная и соответствующая праву ЕС, позволила бы ограничить степень общих рисков и успокоила бы страны “Севера”. Если Макрон выступал 17 апреля за создание Фонда восстановления экономики ЕС, никак не связанного с рамками бюджета Союза, то Меркель 20 апреля поддержала идею У. фон дер Ляйен, которая предложила включить сумму фонда в евробюджет. Это предложение 21 апреля развил премьер Испании П. Санчес, выступивший с инициативой учредить фонд в размере 1000–1500 млрд евро, привязанный к бюджету ЕС, который мог бы подпитываться за счет бессрочных долгов стран-членов [11]. Идею Санчеса поддержала Италия. По итогам обсуждения данного вопроса на саммите ЕС 23 апреля Еврокомиссии поручалось разработать к 6 мая план выхода из коронакризиса, в том числе рассчитать бюджет на период 2021–2027 гг., включающий фонд восстановления экономики. Таким образом, восторжествовал не французский план по созданию независимого инвестиционного фонда, а немецкий – о включении “аварийного фонда” в рамки многолетнего бюджета ЕС. Правда, детали этого плана еще предстояло согласовать. Франция, солидаризируясь с “южанами”, предложила финансировать страны в форме субсидий, не подлежащих возврату с процентами. По мнению Парижа, система не могла основываться лишь на займах, поскольку наиболее нуждающиеся в них страны рисковали заполучить кредиты под слишком высоким процентом. “Северяне” в ответ снова выдвинули идею займов. Размер будущего фонда также был неясен.

В ходе дальнейших переговоров Франция и Германия пришли к новому компромиссу. 18 мая Меркель и Макрон совместно предложили создать Фонд помощи экономикам стран – членов ЕС в размере 500 млрд евро: “Учитывая исключительный характер трудностей, возникающих из-за влияния пандемии COVID-19, Франция и Германия предлагают уполномочить Еврокомиссию профинансировать [фонд] путем получения займов на рынках от имени ЕС” [12]. Этот процент благодаря авторитету Брюсселя должен быть невысоким. Бюджет фонда добавится к ранее выделенным суммам от ЕИБ, SURE и ЕСМ и будет распределяться по странам, регионам и отраслям, наиболее пострадавшим от кризиса, в виде дотаций (субсидий), а не займов. Подчеркивалось, что речь идет об экстраординарной мере сроком на три года [13], увязанной с бюджетом ЕС. Объем этого бюджета на 2021–2027 гг. увеличивался.

СМИ сразу же окрестили этот шаг “мини-революцией”, поскольку Берлин, по сути, нарушил два “табу” со времен Маастрихтского договора: не поддерживать объединение долгов стран ЕС и практику субсидий странам ЕС [14]. Решение А. Меркель выглядит действительно сильным шагом, поскольку канцлер пошла против немецкого общественного мнения, собственной партии ХДС/ХСС и даже Конституционного суда Германии (5 мая последний выступил против выкупа долгов стран Евросоюза ЕЦБ, что могло поставить под сомнение принцип верховенства права ЕС) [15, с. 19]. Можно выделить два фактора, которые скорее всего повлияли на корректировку политики Берлина. Во-первых, немецкая индустрия, работающая на экспорт, объективно заинтересована в том, чтобы избежать серьезного кризиса в еврозоне, в частности в Италии и Франции. Во-вторых, сыграли роль отказ Парижа от объединения долгов и его согласие на то, чтобы финансовая солидарность ЕС обеспечивалась через посредничество Еврокомиссии. Иными словами, Франция окончательно отказывалась от коронабондов.

Франко-германская инициатива вызвала неоднозначную реакцию. Если страны “Юга” приветствовали ее, то “северяне” были настроены скептически. “Наша позиция неизменна. Мы готовы помочь наиболее пострадавшим странам займами”, – подчеркнул канцлер Австрии С. Курц [16]. 23 мая Нидерланды, Австрия, Дания и Швеция обратились в Еврокомиссию со встречной инициативой, предложив создание *Фонда восстановления экономик на основе целевых займов под низкий процент сроком на два года*. Их можно будет расходовать на такие сферы, как научные исследования и инновации, здравоохранение, цифровизация и “зеленая” экономика. “Северяне” снова требовали от стран-должников обязательств провести экономические реформы и отказывались наращивать бюджет ЕС. “Южане” протестовали (табл. 1).

ПЛАН ЕВРОКОМИССИИ

Свежие представленные планы четко указывали на противоположные приоритеты франко-германского тандема (и отчасти стран “Юга”), с одной стороны, и четверки “бережливых”, с другой. Это усложняло задачу Еврокомиссии, которой требовалось учитывать обе точки зрения. Тем не менее 27 мая 2020 г. У. фон дер Ляйен представила свой вариант восстановления экономики ЕС – “Евросоюз нового поколения”, совмещавший в себе идеи двух первых планов. Согласно ему, начальный объем Фонда восстановления экономики ЕС должен составить 750 млрд евро, что в 1.5 раза больше суммы из франко-германского проекта (500 млрд евро). Для получения минимальной процентной

Таблица 1. Сравнение параметров двух планов, выдвинутых в мае 2020 г.

Параметр	План Франции и Германии	План “бережливых”
Общее		
Учреждение временного Фонда для финансирования экономик стран ЕС		
Различное		
Способ финансирования	Дотации	Займы (под низкий процент)
Объединение долгов ЕС	Подразумевается (через общий займ стран ЕС от имени Еврокомиссии)	Не подразумевается
Условия для получения помощи	Расходование средств на поддержку регионов и сфер, наиболее затронутых пандемией	Проведение структурных и налоговых реформ
Срок действия фонда	Три года	Два года
Объем средств	500 млрд евро	Не указан
Судьба бюджета ЕС на 2021–2027 гг.	Должен существенно вырасти	Не должен существенно вырасти

Источник: составлено авторами по: [12, 17, 18].

ставки эту сумму предполагалась занять на финансовых рынках от имени ЕС (идея, заимствованная из франко-германского плана).

В вопросе о форме финансирования Еврокомиссия предложила компромисс: 500 млрд евро из общей суммы предполагалось выдать странам ЕС в форме безвозвратных субсидий, а 250 млрд – в форме займов (табл. 2). При этом размер субсидий также был навеян франко-германским планом – поскольку до 18 мая Еврокомиссия предлагала расчеты в размере до 200 млрд евро [19]. Страны-реципиенты могли получить деньги от ЕС лишь при условии предоставления плана инвестиций и реформ, одобренных Еврокомиссией и другими странами ЕС, – это была уже уступка “бережливым”. Кроме того, в плане была прописана связь между оказанием финансовой помощи и сохранением в стране-реципиенте стандартов правового государства.

Таблица 2. Примерное распределение субсидий и займов по наиболее пострадавшим странам ЕС в плане Еврокомиссии, млрд евро

Страна	Субсидии	Займы
Италия	82	91
Испания	77	63
Франция	39	0
Польша	38	26
Германия	29	0

Источник: составлено авторами по: [19].

Возврат долгов предполагалось произвести в 2028–2058 гг. Для этого планировалось: 1) повысить страновые взносы в бюджет ЕС; 2) сократить расходы бюджета ЕС по ряду программ; 3) увеличить доходы ЕС через введение новых налогов. Дополнительные кредиты предполагалось извлечь из бюджета ЕС на 2014–2020 гг. Новый бюджет Евросоюза на 2021–2027 гг. должен был составить уже 1 трлн 100 млрд евро [20]. Все это означало, что

вопрос о повышении налогов будет решаться уже не странами ЕС, а Еврокомиссией – против чего выступали “бережливые”.

Несмотря на продемонстрированное У. фон дер Ляйен искусство находить компромисс, ее план не примирил две группы стран ЕС. Разногласия – между “Севером”, желающим сохранить скидку на взносы в бюджет ЕС, сократить объем расходов на сельское хозяйство и на помощь бедным регионам через Фонд сплочения ЕС, “Югом”, требующим больше денег, чтобы справиться с рецессией, и странами Центральной и Восточной Европы, которые также претендуют на субсидии, но стремятся не допустить урезания средств из Фонда сплочения ЕС, – таковы, что новые споры по плану Еврокомиссии были неизбежны. С точки зрения ФРГ, занявшей 1 июля пост страны – председателя ЕС, достичь соглашения по будущему бюджету ЕС было “трудно, но возможно”. Германия старалась как можно раньше решить вопрос с Фондом восстановления экономики ЕС, с одной стороны, с целью показать эффективность председательства ФРГ в Евросоюзе, с другой – с расчетом на уход А. Меркель с поста канцлера в 2021 г. на победной ноте. Франция, стремившаяся утвердить субсидии в размере не менее 500 млрд евро и инвестировать общий долг в цифровую сферу и “зеленую” экономику также предполагала трудные переговоры с “бережливыми”.

Первое обсуждение программы от Еврокомиссии прошло на саммите ЕС 19 июня 2020 г. На нем члены ЕС договорились встретиться в июле – уже живую, чтобы детально обсудить разногласия: общую сумму плана и соотношение между займами и субсидиями. “Бережливые” выступали против субсидий как таковых, страны Вишеградской “четверки” – против урезания региональных дотационных программ, опасаясь смещения бюджетных приоритетов Евросоюза к “югу”. Основным препятствием для франко-германского тандема все же виделся квартет “бережливых” во главе с премье-

ром Нидерландов М. Рютте. 22 июня ему нанесла визит А. Меркель, на следующий день – Э. Макрон. Французские дипломаты также провели консультации с коллегами из Австрии, Дании и Швеции, рассчитывая расколоть блок “бережливых”. Постоянные переговоры шли между Францией, ФРГ и Италией. 29 июня канцлер ФРГ впервые с начала пандемии приняла президента Франции в Мезеберге: стороны обсудили координацию шагов на июльском саммите.

ИЮЛЬСКИЙ САММИТ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ

Брюссельский саммит ЕС открылся 17 июля. Этот день пришелся на 66-летие А. Меркель, которая вместе с Макроном повела борьбу за утверждение предложенного Еврокомиссией плана. Основным оппонентом франко-германского тандема, как и ожидалось, стали “бережливые” страны, которые отстаивали кредитную часть программы и требовали от стран “Юга” реформ. Расчет Франции и ФРГ на раскол коалиции “бережливых” в силу ее разнородности² не оправдался. Прежде всего названный новым “мистером Нет” М. Рютте потребовал, чтобы каждый вопрос о финансовых расходах решался странами ЕС единогласием. Это решение позволяло бы голландскому лидеру убить сразу двух зайцев: получить право вето для голосования по вопросам о финансовой помощи, чтобы обусловить нужные ему структурные реформы, и в то же время лишить Еврокомиссию как инстанцию, “слишком близкую” к крупным странам ЕС, контролирующим функции. Он также потребовал, чтобы планы реформ в странах ЕС утверждались единогласием, а не квалифицированным большинством. Против этого выступили “южане” – Италия и Испания, озабоченные своей финансовой самостоятельностью. При обсуждении общей суммы плана “бережливые” заявили, что объем субсидий может быть не больше 200–250 млрд евро. Меркель и Макрон очертили свою границу объема субсидий: не менее 400 млрд [21]. Торг начался.

Другой пункт плана Еврокомиссии – о взаимосвязи между оказанием финансовой помощи и стандартами правового государства – вызвал возражения Польши, Венгрии и Словении. Кроме того, Венгрия, подхватив требования Рютте о единогласии, предложила таким же образом

² В партийно-политическом плане руководители Нидерландов и Австрии представляли либерально-консервативные силы, тогда как Дания, Швеция и Финляндия – социал-демократические. Руководствуясь партийными интересами, премьер Нидерландов М. Рютте стремился остановить скольжение ЕС к федерализации, канцлер Австрии С. Курц использовал ситуацию для утверждения своих позиций на внутривнутриполитической арене страны, Скандинавские страны не желали оплачивать расходы ЕС.

принимать и решения о замораживании европейских фондов. Однако против этого уже выступила Франция.

Принципиальность Рютте принесла свои плоды: 18 июля по инициативе Ш. Мишеля франко-германский тандем и “южане” пошли на уступки. Во-первых, они предложили “бережливому” наделить страны ЕС правом созыва в течение трех дней обсуждения, если их чем-то не устраивает национальный план восстановления экономики другой страны Союза. Во-вторых, предлагаемый франко-германским тандемом объем субсидий было предложено снизить с 500 млрд до 450 млрд евро, а объем займов, наоборот, увеличить с 250 млрд до 300 млрд. В-третьих, “бережливым” предлагалось сократить их взнос в растущий бюджет ЕС. Расходы за них брали бы другие страны ЕС, включая Францию. Но Австрия потребовала большего. На третий день переговоров, 19 июля, “бережливые” высказались за сокращение суммы субсидий с 450 млрд до 350 млрд евро [22]. 20 июля стороны пришли к компромиссу: сумма плана в 750 млрд евро осталась прежней, но сумма субсидий уменьшилась с 500 млрд до 390 млрд а сумма займов, соответственно, возросла с 250 млрд до 360 млрд.

Результаты четырехдневного саммита для франко-германского тандема были неоднозначны. С одной стороны, Франция и ФРГ одержали важную победу, убедив как “южан”, так и “северян” принять план Еврокомиссии, выработанный на основе их общего предложения. Благодаря этому был создан прецедент – учреждение общих долгов и общих выплат Евросоюза, что может рассматриваться как шаг к бюджетной автономии последнего. Нидерланды не добились возможности заблокировать невыгодные им финансовые решения ЕС через единогласие: Евросовет будет утверждать национальные планы квалифицированным большинством.

С другой стороны, переговоры показали, что даже после Брексита одного лишь веса Франции и ФРГ для принятия нужных им решений в ЕС уже не хватает. Коалиция “бережливых” стран добилась важных уступок от франко-германского тандема. Их взносы в бюджет Евросоюза на 2021–2027 гг. сократились (ежегодный взнос Нидерландов уменьшился на 2 млрд евро, Швеции – более чем на 1 млрд, Австрии – на 565 млн, Дании – на 377 млн [23]), а сумма займов для стран-реципиентов возрастала. Страны ЦВЕ со своей стороны добились того, что нарушение стандартов правового государства будет караться не санкциями, а “мерами” (причем лишь “при неисполнении обязательств”), которые должны приниматься квалифицированным большинством. Ради принятия общего плана ЕС частично принес в жертву

ряд программ по поддержке Общей сельскохозяйственной политики, здравоохранения, климатической политики и др.

Оценить реализацию принятого плана пока не представляется возможным, поскольку сейчас он проходит согласование с национальными парламентами. В случае стран ЦВЕ уже возникла необходимость прояснить условия применения санкций за демократические нарушения, поскольку Венгрия и Польша угрожали наложить вето на бюджет Союза. С помощью ФРГ 10 декабря 2020 г. был найден компромисс: если страна ЕС желает оспорить законность санкций, ей необходимо обратиться в Суд ЕС, а Еврокомиссия должна сначала дождаться итогов рассмотрения, а потом уже принимать меры. Учитывая, что первые парламентские выборы в странах ЦВЕ пойдут в 2022 г. — в Венгрии, до этого времени механизм скорее всего не будет применяться. До 30 апреля 2021 г. государства должны сформировать свои национальные планы и передать их окончательную редакцию в Еврокомиссию, у которой есть два месяца для их первичной оценки. По окончании срока Еврокомиссия передаст планы на утверждение Совету ЕС. Начало первых выплат по плану ожидается летом 2021 г.: 70% выплат должно быть произведено в 2021–2022 г., а оставшиеся 30% — в 2023 г. Новые налоги для пополнения бюджета ЕС будут введены в 2023 г., а возврат долга намечен на 2028 г.

* * *

Первая изоляционистская реакция членов ЕС на пандемию сменилась попытками найти совместный выход из ситуации. Поиск путей минимизации экономического ущерба снова подтвердил, что в период кризиса важнейшие решения в Евросоюзе принимаются не на уровне наднациональных институтов, а странами-участницами. Поиски антикризисного плана осложнились разделением стран-членов на противоборствующие лагеря по экономическому принципу и перетасовкой устоявшихся региональных групп. Два первых инструмента — ЕСМ и коронабонды, — выдвинутые успешными странами “Севера” и экономическими аутсайдерами с “Юга”, отражали лишь их узкогрупповые интересы и не были приняты всеми 27 странами. В период сражения за коронабонды к традиционному союзу “южан” примкнули малые западноевропейские государства. Страны Бенилюкса оказались по разные стороны баррикад — Бельгия и Люксембург поддержали требования Италии и Испании, а Нидерланды вместе со скандинавами возглавили оппозицию совместным долговым обязательствам. Страны ЦВЕ, так же, как и “южане”, заинтересованные в субсидиях, в большей мере стремились не упустить финансирование через Фонд сплочения ЕС и ревниво воспринима-

ли попытки “Юга” добиться новых дотаций. Вторым их приоритетом стало недопущение корреляции между стандартами правового государства и уровнем получаемого финансирования.

На этом фоне прорывным стало франко-германское взаимодействие. Если на первом этапе разработки антикризисного плана (март–апрель 2020 г.) Германия и Франция оппонировали друг другу в вопросе о ЕСМ/коронабондах, то после того как в мае они пошли на компромисс и выступили с единой позицией, обсуждение вышло из тупика. Для “бережливых” стран неприятной неожиданностью стала корректировка позиции Берлина, отныне готового выделять деньги для содействия “южанам”, не настаивая на обязательных реформах (Меркель значительно смягчила свой курс по сравнению с политикой 2009 г.), и поддержавшего совместные долговые обязательства, пусть и с привлечением наднациональных структур ЕС. Франция со своей стороны отказалась от поддержки коронабондов и согласилась на посредничество Еврокомиссии. Хотя последняя и ранее стремилась разработать антикризисные меры, второй качественно новый этап в разработке плана по восстановлению экономики ЕС (май–июнь 2020 г.) стартовал лишь после достижения консенсуса Берлином и Парижем и начала их совместной работы с У. фон дер Ляйен. На этом этапе в Евросоюзе произошла перегруппировка стран: “южане”, не сумев отстоять проект коронабондов, поддержали франко-германский план, основанный на субсидиях, тогда как “бережливые” выдвинули альтернативу, основанную на займах. Компромиссный проект Еврокомиссии, в котором были учтены предложения из двух новых планов, стал предметом обсуждения на третьем этапе переговоров в Брюсселе (июль 2020 г.). Здесь франко-германскому тандему при поддержке “южан” пришлось вести трудные дискуссии как с “бережливцами”, так и со странами ЦВЕ. Продвигаемый Меркель и Макроном план Еврокомиссии был принят, но с корректировками, Берлин и Париж пошли на существенные уступки, чтобы получить согласие оппонентов на его утверждение. Хотя франко-германский тандем подтвердил свое лидерство в ЕС, он уже не является безусловным, и Брюсселю следует лучше учитывать интересы сложившихся региональных группировок в дальнейшем.

Анализ трех проектов показал, что первые два, вызвавшие ожесточенные споры, нельзя назвать успешными. Проект коронабондов так и не реализовался, а план ЕСМ был принят, но не заработал по-настоящему. Только третий проект Фонда восстановления имеет потенциал, хотя делать выводы о его результативности пока рано. Это говорит о том, что совместные действия Берлина и Парижа действительно могут усилить устойчивость Евросоюза к кризисам. Франко-германский тандем

является центропритягательной силой ЕС. Умеренная близость Германии к “бережливым” странам, а Франции к “южанам” помогает им совместно искать “золотую середину” между теми или иными радикальными требованиями обеих групп. В то же время политический вес тандема позволяет ему успешно сотрудничать с Еврокомиссией. При этом и Берлин, и Париж осознают, что в условиях меняющегося мира выработка жизнеспособного проекта возможна лишь при условии нахождения

компромисса с остальными странами – членами Евросоюза.

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Арбатова Н. Будущее европейской интеграции в контексте внутренних и внешних кризисов. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 10, сс. 57-65. [Arbatova N. Budushchee evropeiskoi integratsii v kontekste vnutrennikh i vneshnikh krizisov [Future of European Integration in the Context of Internal and External Crises]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 10, pp. 57-65 (In Russ.).] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-57-65>
2. *Worldometer*. Available at: <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/italy/> (accessed 12.01.2021).
3. Дынкин А., Телегина Е. Шок пандемии и посткризисный мир. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 8, сс. 5-16. [Dyngin A., Telegina E. Shok pandemii i postkrizisnyi mir [Pandemic Shock and the World after Crisis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 8, pp. 5-16 (In Russ.).] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16>
4. Fontana O. *Italian Euroscepticism and the COVID-19 Pandemic: Survey Insights*. IAI Commentaries. 20/90. 5 p. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/italian-euroscepticism-and-covid-19-pandemic-survey-insights> (accessed 31.01.2021).
5. Бабынина Л.О. Коронавирус: что может сделать и делает Европейский союз. *Аналитическая записка*, 2020, № 12 (195). 8 с. [Babynina L.O. Coronavirus: what the European Union can do and what it does. *Analiticheskaya zapiska*, 2020, no. 12 (195). 8 p. (In Russ.)] Available at: <http://doi.org/10.15211/analytics122020>
6. Маслова Е.А. Итальянский коронакризис и его последствия: национальное, общеевропейское и глобальное измерения. *Международная аналитика*, 2020, № 11, сс. 58-70. [Maslova E.A. Italian Coronacrisis and its Repercussions: National, European, and Global Dimensions. *Mezhdunarodnaya analitika*, 2020, no. 11, pp. 58-70. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-58-70>
7. Finke V. Wie Italien helfen? *Sueddeutsche Zeitung*, 30.03.2020. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/corona-und-notkredite-wie-italien-helfen-1.4861839> (accessed 12.01.2021).
8. Transcript: “We are at a moment of truth” (French). *Financial Times*, 17.04.2020. Available at: <https://www.ft.com/content/9667bd73-a809-497e-a3ca-8781c0549901> (accessed 20.01.2021).
9. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel. *Die Bundeskanzlerin*, 23.04.2020. Available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/regierungserklaerung-von-bundeskanzlerin-merkel-1746554> (accessed 20.01.2021).
10. Grelier A. Face au Covid-19, l’Union européenne joue son avenir au corona bond. *France Culture*, 02.04.2020. Available at: <https://www.franceculture.fr/economie/face-au-covid-19-lunion-europeenne-joue-son-avenir-au-corona-bond> (accessed 20.01.2021).
11. La Commission veut emprunter pour financer le plan de relance. *Euractiv*, 21.04.2020. Available at: <https://www.euractiv.fr/section/economie/news/eu-commission-will-propose-borrowing-to-finance-recovery-plan-dombrovskis/> (accessed 20.01.2021).
12. Initiative franco-allemande pour la relance européenne face à la crise du coronavirus. *Elysée*, 18.05.2020. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/05/18/initiative-franco-allemande-pour-la-relance-europeenne-face-a-la-crise-du-coronavirus> (accessed 22.01.2021).
13. Les “quatre frugaux” présentent un contre-projet au plan de relance Merkel-Macron. *Euractiv*, 25.05.2020. Available at: <https://www.euractiv.fr/section/economie/news/frugal-four-present-counter-plan-to-macron-merkel-eu-recovery-programme/> (accessed 22.01.2021).
14. La France et l’Allemagne proposent un plan de relance européen de 500 milliards d’euros. *Le Monde*, 18.05.2020. Available at: https://www.lemonde.fr/economie/article/2020/05/18/la-france-et-l-allemande-proposent-un-plan-de-relance-europeen-de-500-milliards-d-euros_6040040_3234.html (accessed 22.01.2021)
15. Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем перед лицом коронакризиса. *Современная Европа*, 2020, № 4, сс. 16-24. [Rubinskii Yu.I., Sindeev A.A. Franco-German tandem face to face with coronacrisis. *Contemporary Europe*, 2020, no. 4, pp. 16-24. (In Russ.)] Available at: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420201624>
16. Europe: pourquoi le plan de relance franco-allemand est historique. *L’Express*, 19.05.2020. Available at: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/dette-europeenne-pourquoi-le-plan-de-relance-franco-allemand-est-inedit_2126312.html (accessed 25.01.2021).

17. Plan de relance européen: les pays du Nord rejettent la proposition franco-allemande. *Le Figaro*, 23.05.2020. Available at: <https://www.lefigaro.fr/international/plan-de-relance-europeen-les-pays-du-nord-rejettent-la-proposition-franco-allemande-20200523> (accessed 25.01.2021).
18. Coronavirus: la guerre des plans a commence. *Taurillon*, 25.05.2020. Available at: <https://www.taurillon.org/coronavirus-la-guerre-des-plans-a-commence?lang=fr> (accessed 25.01.2021).
19. La Commission européenne propose un plan de relance de 750 milliards, empruntés en commun. *Le Monde*, 27.05.2020. Available at: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/05/27/la-commission-europeenne-propose-un-plan-de-relance-de-750-milliards-empruntes-en-commun_6040931_3210.html (accessed 25.01.2021).
20. *Discours de la Présidente von der Leyen lors de la session plénière du Parlement européen sur le train de mesures de relance de l'UE*. European Commission. 27.05.2020. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/fr/SPEECH_20_941 (accessed 25.01.2021).
21. Sommet européen: un coup de grippe-sous. *Libération*, 20.07.2020. Available at: https://www.liberation.fr/planete/2020/07/19/sommet-europeen-un-coup-de-grippe-sous_1794717 (accessed 30.01.2021).
22. Macron sort de ses gonds face au blocage du plan de relance de l'Union européenne. *Le Figaro*, 20.07.2020. Available at: <https://www.lefigaro.fr/politique/macron-sort-de-ses-gonds-face-au-blocage-du-plan-de-relance-de-l-union-europeenne-20200720> (accessed 25.01.2021).
23. UE: les détails d'un accord "historique" qui satisfait presque tout le monde. *Le Temps*, 20.07.2020. Available at: <https://www.letemps.ch/monde/ue-details-dun-accord-historique-satisfait-presque-monde> (accessed 27.01.2021).

COVID-19 PANDEMIC AS A CHALLENGE TO FRANCO-GERMAN LEADERSHIP IN THE EU

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 72-80)

Received 15.02.2021.

Pavel P. TIMOFEEV (p.timofeyev@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Maria V. KHOROLSKAYA (khorolskaja.marya@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgments. The article was prepared within the project "Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

The study is focused on the COVID-19 pandemic as a challenge for Franco-German leadership in the European Union. The authors investigate whether joint actions by Berlin and Paris can strengthen the EU's resilience to crises. As it is shown, the first isolationist reaction of the EU states to pandemic was followed by their attempts to find a common decision. The negotiations on an anti-crisis plan were complicated by the division of the European Union states into opposing camps. Two projects proposed by them – the European Stability Mechanism (ESM) and the "coronabonds" – reflected the narrow interests of rich, frugal "Northern" and economically modest "Southern" groups, and failed. In contrast, the Franco-German cooperation became a breakthrough. In March-April 2020, Germany and France opposed each other, supporting ESM and coronabonds, respectfully. In May-June 2020, A. Merkel and E. Macron agreed to a compromise and came up with a unified position. While Germany left "frugal" group by agreeing to allocate money to support the "South" without insisting on mandatory reforms, and endorsed the idea of joint debt obligations, France refused to support the "Southern" coronabond project and agreed to the mediation of the EU Commission. That gave new breath to negotiations where a new regrouping of countries took place: the "South" states failing to defend coronabonds supported the Franco-German plan based on subsidies, while the "frugals" put forward an alternative based on loans. The EU Commission's project which included both proposals was discussed in July 2020: at that moment, the Franco-German tandem backed by the "South" states had to persuade both the "frugal" and the East-European states. Finally, the EU Commission's plan promoted by Merkel and Macron was adopted, though with serious adjustments. The authors conclude that the Franco-German alliance has confirmed its capability to strengthen the European Union resilience, but its leadership is no longer unconditional, and in the future, they should take into account the interests of the EU regional groups.

Keywords: EU, COVID-19, Coronacrisis, France, Germany, European Commission, coronabonds, European Stabilization Mechanism, Recovery Fund.

About authors:

Pavel P. TIMOFEEV, Candidate of Political Sciences, Head of Sector for Regional Issues and Conflicts.

Maria V. KHOROLSKAYA, Candidate of Political Sciences, Research Associate.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-72-80

**КИТАЙ:
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

КИТАЙ НА МИРОВЫХ РЫНКАХ КАПИТАЛА

© 2021 г. М. Потапов, Н. Котляров

*ПОТАПОВ Максим Александрович, доктор экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (mpotapov2@yandex.ru).*

*КОТЛЯРОВ Николай Николаевич, доктор экономических наук, профессор,
Межрегиональная общественная организация «Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова»,
РФ, 119019 Москва, ул. Моховая, 10, стр. 2 (kotlyarov_nn@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 04.02.2021.

Анализируются прямые и портфельные инвестиции Китая на мировых рынках капитала и определяющие их динамику факторы. Рассмотрены тенденции и проблемы интернационализации юаня. Выравнивание прав зарубежных и национальных предпринимателей в КНР, оптимизация внутренней структуры инвестиций способствуют поддержанию притока предпринимательского капитала в китайскую экономику. Экспорт китайских прямых инвестиций определяется динамикой внешней торговли, национальными ограничениями, реализацией инициативы “Один пояс, один путь”, позицией стран-партнеров, прежде всего США. Реальный выход Китая в лидеры среди экспортеров капитала требует формирования постиндустриальной структуры экономики, основанной на знаниях и технологиях.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, экономика, рынок капиталов, интернационализация юаня, прямые инвестиции, портфельные инвестиции, фондовый рынок, валютный рынок, валютное регулирование, Китай.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-81-89

Тема изменения позиций Китая на рынках капитала приобрела актуальность в связи с выходом страны во втором десятилетии XXI в. на лидирующие позиции в мировой экономике и международной торговле и усилением конкуренции с США. КНР прочно занимает второе место в мире по размеру ВВП по текущему обменному курсу и первое – по показателю ВВП на основе паритета покупательной способности валют с мировой долей 16.8% (2019 г.) [1, р. 32].

По прогнозам экспертов Всемирного банка, в то время как темпы роста мировой экономики должны упасть на 5.2%, китайская экономика единственная в мире в 2020 г. демонстрирует положительную динамику [2]. Отметим, что ход восстановления китайской экономики в 2020 г. показывает реальную возможность превышения 2%-го показателя прироста ВВП.

Став мировым лидером во внешней торговле и экспорте, к 2019 г. Китай достиг объема внешнего товарооборота 4.6 трлн долл., его удельный вес в мировом товарном экспорте и импорте составил 13.6 и 11% соответственно [3, р. 15, 80]. Накопление крупных финансовых средств в результате масштабного экспорта продукции обрабатывающей промышленности позволило Китаю не только импортировать необходимую готовую продукцию, детали и комплектующие для экспортной сборки, но и осуществлять капиталовложения за рубежом.

Проанализируем место и роль китайской экономики на мировых рынках капитала, включая:

– рынок предпринимательского капитала в форме прямых инвестиций, как привлекаемых в КНР, так и направляемых за рубеж;

– рынок портфельных инвестиций в форме операций с ценными бумагами в Китае, включая Гонконг¹;

– валютный рынок КНР с точки зрения процесса интернационализации юаня и эволюции валютного регулирования.

**ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ
ИНВЕСТИЦИИ В КИТАЕ**

С 90-х годов XX в. ПИИ стали основным источником привлечения зарубежных капиталовложений в китайскую экономику. Их накопленный объем на конец 2019 г. достиг 1769.5 млрд долл., что составило 4.85% мирового объема. По этому показателю Китай занимал четвертое место в мире, значительно уступая США (9465.8 млрд долл.) и незначительно – Великобритании (2075.2 млрд долл.) и Гонконгу (1867.9 млрд долл.) [4, pp. 240–241].

Ежегодный объем использованных в Китае ПИИ стабилизировался на уровне 130–140 млрд долл. (табл. 1). Сокращение в последние годы при-

¹ Как специальный административный район КНР, Гонконг в качестве отдельной таможенной зоны имеет особый режим в сфере торгово-экономических связей с зарубежными странами и, как правило, учитывается китайской и международной статистикой отдельно.

Таблица 1. Китай в международном движении прямых иностранных инвестиций (ПИИ), 2014–2019 гг.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Объем ПИИ, привлеченных в КНР, млрд долл.	128.5	135.6	133.7	136.3	141.2	138.3
Доля КНР в общемировом объеме импорта ПИИ, %	9.2	6.7	6.8	8.0	9.2	9.1
Объем ПИИ, вывезенных из КНР, млрд долл.	123.1	145.6	196.1	158.2	143.0	117.1
Доля КНР в общемировом объеме экспорта ПИИ, %	9.0	8.5	12.7	9.9	14.5	8.9

Составлено по: [4, pp. 238–239].

Примечание. В таблице приведены данные ежегодного Доклада ЮНКТАД о международных инвестициях. Аналогичные показатели официальной китайской статистики по ПИИ за эти годы, следуя в целом той же динамике, меньше на 5–8 млрд долл., что объясняется, по нашим оценкам, фактором Гонконга в методике подсчета зарубежных инвестиций международными организациями и статистическими ведомствами КНР.

тока из США на фоне объявленной администрацией бывшего президента Д. Трампа торговой войны с КНР компенсируется прямыми вложениями из Республики Корея, Сингапура, Нидерландов. Около двух третей привлеченных зарубежных инвестиций в материковый Китай приходится на капиталовложения из Гонконга, а также офшоров Виргинских и Каймановых островов. Фактически это инвестиции китайских компаний, получавших таким образом льготы, предназначавшиеся для иностранных инвесторов. В целом ПИИ в Китае не играют существенной роли в качестве источника капиталовложений, составляя в них не более 6% [5, сс. 179–184].

Китайские власти все шире открывают внутренний рынок для иностранных инвесторов. Выступая на XIX съезде КПК в октябре 2017 г., руководитель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что “Китай будет и дальше проводить линию на существенное облегчение допуска на китайский рынок, дальнейшее открытие сектора услуг, защиту законных прав и интересов иностранных инвесторов” [6].

Вместе с тем политика, направленная на привлечение зарубежных инвестиций на льготных условиях, в Китае прекращена. До последнего времени в отношении современных технологичных и экологически чистых производств (электроника, энергетика, телекоммуникации, фармацевтика, биотехнологии и др.) действовали разнообразные преференции (освобождение от ряда налогов и таможенных пошлин), закрепленные в “Перечне отраслей для иностранных инвесторов”. С ростом объема привлекаемых ПИИ в эти сферы и укреплением позиций китайских предприятий на внутреннем рынке необходимость в таких мерах отпала.

В марте 2019 г. был принят Закон КНР об иностранных инвестициях (вступил в силу с 2020 г.). Он признал утратившими силу ранее действовавшие законы о трех видах совместных предприятий в КНР: совместных (паевых) предприятиях с участием иностранного капитала; предприятиях, полностью принадлежащих иностранному капиталу; и контрактных (договорных) предприятиях с участием иностранного капитала. Теперь все они

получили равные права с предприятиями китайского капитала на основе национального режима инвестиционной деятельности, за исключением небольшого так называемого негативного списка отраслей, закрытых для иностранного капитала, связанных с защитой национальной безопасности, стратегическими сырьевыми ресурсами, загрязнением окружающей среды. В июле 2020 г. список сократился до 33 позиций. Существенная либерализация коснулась сферы услуг, включая финансовый сектор [7].

ПРЯМЫЕ КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ ЗА РУБЕЖОМ

С начала XXI в. по мере накопления финансовых средств Китай активно инвестирует капитал в зарубежные страны в соответствии со стратегией “выхода вовне” в целях обеспечения доступа к источникам сырья, рынкам сбыта и современным технологиям. Поначалу инвестиции направлялись в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. В последнем десятилетии активно осваивались рынки капиталов США и стран ЕС в форме слияний и поглощений компаний. С этой целью была запущена широкомасштабная стратегическая программа Сухопутного и Морского шелковых путей (“Один пояс, один путь”). При этом Пекин не только выступает в качестве организатора проекта, но и обеспечивает основные объемы финансирования посредством созданных Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с уставным капиталом 100 млрд долл. и Фонда Шелкового пути (ФШП) с уставным капиталом 40 млрд долл.

Выделенные средства позволяют решать задачи, связанные с реализацией инвестиционных инфраструктурных проектов на территории стран – участниц инициативы “Один пояс, один путь”. Финансовые ресурсы АБИИ предназначены для инфраструктурных проектов на территории Азии, а ресурсы ФШП предполагается направлять на строительство объектов, расположенных в странах, находящихся вдоль сухопутных маршрутов

Шелкового пути. В ходе реализации сухопутных маршрутов должно быть создано “семь поясов”: транспортный, торговый, энергетический, научно-технический, аграрный, туристический и информационный. Предполагается, что на выполнение основных задач по созданию инфраструктуры “Пояса и Пути” потребуется 30 лет. Инвестиционные проекты на период до 2027 г. оцениваются в 1 трлн долл. Ряд задач по строительству инфраструктурных объектов в рамках практической реализации “Пояса и Пути” были заложены в плане на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.). В заданиях по разработке 14-го пятилетнего плана (2021–2025 гг.) отмечена необходимость создания условий для глобальной экономической кооперации, активизации инвестиционного взаимодействия и торговли [8].

Все финансируемые в настоящее время в рамках данной инициативы объекты находятся на территории Азии и включают проекты в области транспортной и энергетической инфраструктуры. Часть из них финансируется совместно с международными финансовыми институтами, такими как АзБР, Всемирный банк, ЕБРР. Одновременно Китай стремится реализовать проекты в рамках “Одного пояса, одного пути” на территории европейских стран, однако в ряде случаев наталкивается на противодействие со стороны Еврокомиссии [9, сс. 391-393].

Общий объем накопленных за рубежом прямых инвестиций КНР на конец 2019 г. составил 2099.4 млрд долл. (6.1% мировой доли). По этому показателю он уступает лишь США и Нидерландам [4, pp. 240-241]. Основные вложения были осуществлены за последние 10–12 лет. Максимальный их объем (196.1 млрд долл.) был достигнут в 2016 г. С 2017 г. экспорт капитала стал ограничиваться в целях предотвращения его незаконного вывоза в рамках борьбы с коррупцией, а также поддержания валютных резервов на уровне 3 трлн долл. и стабильного курса юаня. В результате объем китайских ПИИ снизился до 117.1 млрд долл. (табл. 1).

Гонконг сохранил за собой место ведущей территории привлечения китайских инвестиций с материка (более половины их объема). В последние годы отношение к ним в мире заметно ужесточилось: многие сделки по слияниям и поглощениям в США и государствах ЕС были отклонены, а в некоторых развивающихся странах (Малайзии, Шри-Ланке) реализуемые инвестиционные соглашения были пересмотрены по требованию местных властей.

Сроки снятия ограничений на вывоз капитала, прежде всего на трансграничный поток краткосрочных портфельных инвестиций, отодвигаются. В Китае хотят быть уверенными в обеспечении стабильности экономики при неконтролируемых перетоках капитала. Текущий циклический кризис

мировой экономики, совпавший с распространением пандемии коронавируса, пока не дает возможность провести либерализацию в этой сфере.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОРТФЕЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В КИТАЕ

Данная форма привлечения иностранного капитала развивалась в КНР достаточно медленно, объемы иностранного участия и набор инструментов ограничивались. Вместе с тем в последние годы последовательно осуществляется процесс либерализации рынка ценных бумаг. Иностранцам предоставляется возможность активнее участвовать в операциях с китайскими долговыми инструментами. Регулятором операций на фондовом рынке страны выступает Комиссия по регулированию рынка ценных бумаг КНР, подчиненная Госсовету.

Важным инструментом регулирования служит система квалифицированных зарубежных институциональных инвесторов (*Qualified Foreign Institutional Investor, QFII*), которая позволяет им размещать средства на фондовых биржах Китая в соответствии с определенными правилами и квотами. Одновременно действует система, разрешающая иностранным инвесторам осуществлять вложения в юанях на китайском фондовом рынке (*Renminbi Qualified Foreign Institutional Investor, RQFII*), что также регулируется определенными правилами и квотами. Помимо этого, функционирует специальный механизм квалифицированных отечественных инвесторов (*Qualified Domestic Institutional Investor, QDII*), посредством которого им предоставляется право осуществлять операции на фондовых рынках других стран. На конец 2018 г. на фондовом рынке Китая действовало 309 иностранных институциональных инвесторов категории *QFII*, а также 231 инвестор категории *RQFII* [10, p. 72].

По объему капитализации фондового рынка (10.4 трлн долл. в 2020 г.) Китай занимает второе место в мире после США (табл. 2). Это стало возможным благодаря развитию инфраструктуры рынка ценных бумаг и последовательной либерализации его деятельности для иностранных инвесторов. Китайские фондовые биржи Шанхая и Шэньчжэня вошли в десятку ведущих фондовых бирж мира, занимая четвертое (с объемом капитализации 3.9 трлн долл.) и восьмое (с объемом капитализации 2.4 трлн долл.) места соответственно [10, p. 28].

Важной мерой расширения международного сотрудничества на финансовом рынке Китая стала организация в 2014 г. совместных торговых площадок на фондовых биржах Шанхая/Гонкон-

Таблица 2. Ведущие страны и территории мира по капитализации фондового рынка, 2018 и 2020 гг.

Место	Страна	Регион	Рыночная капитализация, трлн долл.	
			2018	2020
1	США	Северная Америка	30.4	38.3
2	КНР (без Гонконга)	Азия	6.3	10.4
3	Япония	Азия	5.3	6.2
4	Гонконг	Азия	3.8	5.9
5	Франция	Европа	3.7	
6	Великобритания	Европа	3.6	2.8

Источники: [10, p. 28] и *Bloomberg News*, 13.10.2020.

га и Шэньчжэня/Гонконга посредством механизма программ взаимного доступа Шанхай/Гонконг и Шэньчжэнь/Гонконг *Stock Connect*. Данный механизм позволяет участвовать в торгах широкому кругу национальных и зарубежных инвесторов и торговать китайскими ценными бумагами (акциями класса А, номинированными в юанях). С 2019 г. на Шанхайской фондовой бирже функционирует специальная площадка для высокотехнологичных компаний, предназначенная для облегчения их выхода на фондовый рынок.

Говоря о зарубежных портфельных инвестициях в КНР, нельзя не упомянуть приобретение Китаем иностранных ценных бумаг. Так, страна выступает крупнейшим мировым держателем американских ценных бумаг на сумму около 1 трлн долл. Этот актив служит весомым аргументом в торговых спорах с США, в том числе по укреплению статуса КНР в международных финансовых и экономических организациях (МВФ, ВТО). Вместе с тем действующая в Китае финансовая система ограничивает приток зарубежных портфельных инвестиций на фондовый рынок со стороны нерезидентов, не давая возможности американским ценным бумагам котироваться на фондовом рынке КНР.

РОЛЬ ГОНКОНГА

В последние десятилетия Гонконг последовательно выступал финансовым посредником между мировой финансовой системой и материковым Китаем, превратившись в один из ведущих финансовых центров мира. В 2020 г. по объему капитализации фондового рынка (5.9 трлн долл.) он уступил лишь США, материковому Китаю и Японии.

Однако в последние годы усиливаются риски снижения роли Гонконга на мировом финансовом рынке. Как считается, стремление центральных властей КНР изменить существующую в Гонконге систему управления противоречит базовым принципам объединения Гонконга с материковым Китаем, заложенным в концепции “одна страна – две системы”, предполагающим сохранение высокой степени автономии территории в течение 50 лет после воссоединения с КНР в 1997 г. [11].

В таких условиях наиболее вероятным сценарием развития событий становится углубление интеграции анклава с материковым Китаем, что, с одной стороны, усилит контроль над островом со стороны китайских властей, но с другой – приведет к постепенному упадку Гонконга как одного из ведущих мировых финансовых центров. В этом случае он станет более контролируемым, но менее эффективным финансовым рынком, на котором существенно возрастет стоимость капитала для китайских компаний и будут сокращаться объемы трансграничных операций, составляющие в настоящее время 10 трлн долл. ежегодно [11].

2019 г. принес серьезные испытания для гонконгской экономики. Из-за политических беспорядков и сокращения числа туристов с материкового Китая резко упали доходы территории от сферы услуг. Дополнительный удар в 2020 г. нанесла пандемия коронавируса.

В целом следует признать, что за последние годы намечилось снижение финансово-экономического значения Гонконга для материкового Китая. Ранее он играл незаменимую роль в качестве посредника между КНР и странами Запада, был удобным каналом инвестирования и торговли с ведущими странами. С развитием экономики КНР, ее вхождением в ВТО, созданием множества зон свободной торговли и высоких технологий Гонконг теряет свою незаменимость для Китая. Вместе с тем по крайней мере одну нишу в ближайшее время он может занять. Она связана с его функцией в качестве мирового центра валютных операций с офшорным юанем в контексте политики интернационализации денежной единицы КНР.

ВАЛЮТНЫЙ РЫНОК КИТАЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЮАНЯ

Регулирование валютного рынка за последние 40 лет реформ в Китае претерпело значительную эволюцию. Сохраняя режим привязки к американскому доллару, Китай постепенно переходил к единому рыночному валютному курсу. В 1996 г. китайский юань стал конвертируемым в торговых

операциях. Стабильное состояние счета текущих операций в платежном балансе и масштабный объем ПИИ в экономику позволили Китаю успешно противостоять азиатскому финансовому кризису 1997–1998 гг. Показательно, что понижение НБК учетной ставки для стимулирования внутреннего потребления, инвестиций и экономического роста не сопровождалось девальвацией юаня и ее сдерживающим влиянием на динамику роста [12]. В 2005 г. юань перестал быть привязанным к американскому доллару и с тех пор привязан к корзине мировых валют, находясь в “управляемом плавающим режиме”². Несмотря на недостаточный масштаб использования в международных расчетах и резервах, в октябре 2016 г. решением МВФ юань был включен в состав корзины СДР³.

Характеризуя динамику курса юаня за последние три десятилетия (табл. 3), отметим, что в 1980-х – первой половине 1990-х годов его курс к американскому доллару постепенно снижался (в 1994 г. – 8.6 юан./долл.), затем слегка укрепился и стабилизировался в течение 1998–2004 гг. на уровне 8.3, после чего началась постепенная ревальвация юаня до 6.1 юан./долл. к 2014 г. [13, сс. 94–95].

Таблица 3. Динамика среднегодового курса юаня к доллару США, 1987–2020 гг.

Год	Курс, юаней за 100 долл.	Год	Курс, юаней за 100 долл.
1987	372.21	2004	827.68
1988	372.21	2005	819.17
1989	376.51	2006	797.18
1990	478.32	2007	760.40
1991	532.33	2008	694.51
1992	551.46	2009	683.10
1993	576.20	2010	676.95
1994	861.87	2011	645.88
1995	835.10	2012	631.25
1996	831.42	2013	619.32
1997	828.98	2014	614.28
1998	827.91	2015	622.84
1999	827.83	2016	664.23
2000	827.84	2017	675.18
2001	827.70	2018	661.74
2002	827.70	2019	690.80
2003	827.70	2020	690.10

Составлено авторами на основе статистики КНР и ОЭСР.

В августе 2015 г. НБК объявил о реформе механизма формирования обменного курса юаня в сто-

² В 2008–2010 гг. на фоне мирового финансово-экономического кризиса была временно восстановлена привязка юаня к американскому доллару в рамках национальной антикризисной политики.

³ Доля юаня в корзине СДР (10.92%) стала третьей после американского доллара и евро.

рону усиления рыночного фактора. Был определен 2%-й коридор колебаний курса вокруг паритетного уровня, рассчитываемого как средневзвешенный по объему операций с учетом значений биржевых котировок предыдущего торгового дня и изменений весов корзины ряда мировых валют. В ходе торговой войны с США в августе 2019 г. впервые за последние 10 лет был снижен курс юаня до 7 юан./долл. В 2020 г. произошла его постепенная девальвация до 6.9 юан./долл. Однако нет оснований обвинять Китай в манипулировании курсом и намеренной девальвации юаня. В основе его динамики лежат прежде всего экономические факторы.

В ближайший период не стоит ожидать резкой девальвации юаня, этому будут противодействовать профицит торгового и платежного балансов, а также задача удержания низкой инфляции. К тому же по торгово-экономическому соглашению с США в январе 2020 г. Пекин взял обязательство придерживаться рыночной системы валютных курсов и избегать манипулирования ими.

Интересным представляется анализ режима валютного курса юаня (фиксированного или плавающего) в рамках так называемой триллемы монетарной политики в открытой экономике. Классическая теоретическая модель Манделла–Флеминга характеризует невозможность одновременного достижения трех целей: проведения эффективной⁴ национальной денежно-кредитной политики, поддержания стабильного (фиксированного) обменного курса национальной валюты и использования преимуществ свободного движения капитала. В соответствии с моделью (табл. 4), можно достичь лишь две из трех целей, а оставшейся приходится жертвовать [14].

Оптимальным сочетанием считается обеспечение эффективной монетарной политики в условиях свободного движения капитала при плавающем валютном курсе (вариант № 1). Крупные экономики выбирают эффективную денежно-кредитную политику, отпуская в свободное плавание обменный курс. Фиксирование последнего предполагает привязку к валюте и денежной политике другой страны, что ограничивает эффективность собственной монетарной политики.

Китайские специалисты, рассматривая триллему с использованием трехмерной модели, сделали вывод, что “любая страна может найти точку равновесия и понести при этом минимальные потери, если частично откажется от стабильности курса и взамен обеспечит эффективность монетарной политики”, используя инструменты бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики [15, сс. 314–315].

⁴ С точки зрения обеспечения равновесия в национальной экономике, включая платежный баланс, стабильную низкую инфляцию, экономический рост и полную занятость.

Таблица 4. Возможные сочетания инструментов макроэкономической монетарной политики в открытой экономике

	Денежно-кредитная (монетарная) политика	Политика регулирования обменного курса национальной валюты	Политика регулирования движения капитала
1	эффективный характер	гибкий (плавающий) курс	полная мобильность капитала
2	ограниченная эффективность (в краткосрочном плане)	фиксированный курс	отсутствие мобильности капитала
3	неэффективный характер	фиксированный курс	полная мобильность капитала
4	неэффективный характер	гибкий (плавающий) курс	отсутствие мобильности капитала

Составлено авторами.

Отметим, что на практике режим обменного курса национальной валюты зачастую имеет промежуточный характер между фиксированным и плавающим курсами. Так, нынешний режим валютного курса юаня можно расценить как ограниченно плавающий, ближе к варианту № 2. Судя по всему, для перехода к варианту № 1, предполагающему свободное движение капитала, Китаю потребуется еще немало времени.

Процесс интернационализации юаня в последние годы характеризовался рядом особенностей. Несмотря на замедление роста китайской и мировой экономики, использование юаня в трансграничных операциях возрастало, чему способствовало увеличение портфельных инвестиций. Совершенствуется система регулирования международных платежей в юанях, увеличивается число банков, осуществляющих клиринговые операции с юанями. В 2015 г. Китай запустил собственную платежную систему межбанковских переводов в юанях *CIPS (Cross-border Interbank Payment System, или China International Payment System)*, позволяющую увеличить международное использование юаня при одновременном снижении зависимости от контролируемой США системы *SWIFT*. В 2019 г. через *CIPS* было осуществлено 1.2 млрд международных транзакций на общую сумму 33.9 трлн юаней, что больше аналогичных показателей предыдущего года на 31 и 28% соответственно [16, р. 77].

Создание системы *CIPS* изначально рассматривалось в контексте возможных антикитайских санкций со стороны США. Американские власти дважды использовали свое влияние на *SWIFT*, чтобы отключить от этой системы Иран в 2012 и 2018 гг. В 2017 г. от нее была отключена КНДР, в том же году американские власти угрожали предпринять аналогичные меры в отношении Китая и России. Хотя *CIPS* пока нельзя считать альтернативой *SWIFT*, менеджмент последней обеспокоен перспективами развития *CIPS* и убеждает китайскую сторону сосредоточить усилия на развитии системы клиринга трансграничных платежей в юанях, а не на системе обмена информационными данными [17].

Масштабы деятельности *CIPS* возрастают. К середине 2020 г. в числе ее участников было уже 984 финансовых института из 97 стран и регионов мира. В Китае звучат призывы более широко использовать эту систему из-за возрастающих опасений применения властями США финансовых санкций [18].

Трансграничные расчеты Китая в юанях в 2019 г. составили 38.1% общих международных расчетов страны, продемонстрировав рост в 5.5% по сравнению с предыдущим годом [16, р. 57]. Ведущими центрами международных операций с юанем стали биржи Шанхая, Пекина и Шэньчжэня (табл. 5). Важно отметить, что уже целый ряд других регионов Китая осуществляет трансграничные операции

Таблица 5. Место регионов Китая в международных расчетах в юанях, млрд юаней

Место	Регион	Операции по текущим счетам	Операции по счетам капиталов	Общий объем операций	Доля региона, %
1	Шанхай	1353.22	8504.45	9857.67	50.1
2	Пекин	701.09	2113.22	2814.31	14.3
3	Шэньчжэнь	915.96	769.55	1685.51	8.6
4	Гуандун	967.27	609.16	1576.43	8.0
5	Цзянсу	463.38	270.39	733.77	3.7
6	Чжэцзян	405.19	280.48	685.67	3.5
7	Шаньдунь	143.76	135.75	279.52	1.4
8	Другие регионы	1087.58	949.77	2037.34	10.4
	Всего	6037.45	13 632.77	19 670.22	100.0

Источник: [16, р. 59].

в китайской валюте. Крупнейшие центры, осуществляющие международные операции с юанем, расположены в экономически более развитых провинциях на востоке и юго-востоке страны.

Ведущим зарубежным центром международной торговли юанями остается Гонконг, на долю которого приходится 45% операций. Свою роль играют также Сингапур (10%) и другие восточно-азиатские страны, которые в последние годы увеличивали международные расчеты в китайской валюте [16, р. 59]. За период 2008–2019 гг. Китай подписал целый ряд двусторонних соглашений об осуществлении платежей в национальных валютах, в том числе с РФ, Казахстаном, Вьетнамом, а также двусторонние соглашения о валютных свопах с 33 странами, включая Россию.

Власти КНР стремятся создать условия для продвижения юаня на мировом финансовом рынке, что нашло отражение в государственном плане на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.). В нем была подчеркнута задача глобального продвижения интернационализации национальной валюты в качестве составной части фундаментальной экономической реформ [19]. Увеличился объем расчетов КНР в юанях со странами – участниками китайского проекта “Пояса и Пути”. В 2019 г. он вырос на 32%, до 2.73 трлн юаней [16, р. 60].

Усиление позиций Китая в мировой экономике подрывает доминирование США, обостряет противоречия между странами, усиливает двустороннюю конфронтацию. Неудивительно, что в сфере финансов Китай неуклонно осуществляет меры по снижению зависимости от американского доллара. Еще на саммите G20 в 2009 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао призывал реформировать основанную на долларе мировую финансовую систему [20]. Официальные представители Китая постоянно призывают к реформе МВФ, диверсификации валютных ресурсов, повышению роли СДР. Однако пока доллар сохраняет свои позиции в мировых расчетах. По доле в международных платежах юань все еще существенно уступает доллару, евро, фунту стерлингов и находится на одном уровне с иеной (2–3% общего объема) [15, сс. 326–327]. Для превращения юаня в полноценную мировую валюту необходимо обеспечить свободную конвертируемость юаня, в том числе по счетам движения капиталов, сроки чего все еще не ясны.

Обострившаяся конкуренция международных финансовых центров не дает вырваться в число лидеров Гонконгу, Шэньчжэню и Шанхаю, которые уступают Лондону, Нью-Йорку и Сингапуру. Для использования юаня в качестве международного средства платежа Китаю требуется создавать продукцию на основе собственных технологий. На это нацелена провозглашенная в 2015 г. програм-

ма “*Made in China 2025*”. Поскольку рассчитывать на свободный доступ к зарубежным технологиям Китаю не приходится, предпринимаются усилия по развитию собственной технологической базы. В докладе премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна на 4-й сессии ВСНП 13-го созыва в марте 2021 г. в качестве важнейшего направления плана социально-экономического развития КНР на период 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) выделена задача снижения зависимости от иностранных технологий и осуществления прорыва в ключевых областях научно-технического прогресса. Расходы на НИОКР в годы предстоящей пятилетки предполагается ежегодно увеличивать на 7% [21].

Особенностью предстоящего периода развития будет усиление экономического противостояния с США. По словам заместителя председателя Государственного комитета КНР по развитию и реформам Нин Цзижэ, страна стоит перед лицом значительного ухудшения внешних условий развития, поскольку США стремятся нанести ущерб Китаю по целому ряду направлений, включая торговлю, технологии и финансы [22]. В области международного экономического сотрудничества в годы предстоящей пятилетки КНР предполагает сконцентрировать свои усилия на продвижении двух интеграционных проектов – Всестороннего регионального экономического партнерства и инициативы “Пояса и Пути”. Их реализация позволит Пекину сформировать свой макроэкономический регион из числа дружественных стран, что будет способствовать укреплению и последовательному открытию финансовых рынков, а также противостоянию основанной на американском долларе мировой финансовой системе.

* * *

Оценивая перспективы изменения позиций Китая на мировых рынках капитала, следует исходить из того, что темпы роста его экономики будут оставаться выше среднемировых и показателей развитых стран. Продолжение либерализации внутреннего рынка капиталов, выравнивание прав зарубежных и национальных предпринимателей в Китае, оптимизация структуры ПИИ способствуют дальнейшему притоку иностранного предпринимательского капитала в страну. Вывоз китайских прямых инвестиций за рубеж будет в значительной степени определяться динамикой внешней торговли страны, национальными ограничениями, задачами реализации инициативы “Один пояс, один путь”, отношением к инвестициям из Китая со стороны его крупнейших экономических партнеров, прежде всего США.

Усиление геополитических и страновых политических рисков предопределяет изменение

географической структуры инвестиционного взаимодействия Китая в сторону большего сотрудничества с азиатскими странами, расположенными вдоль Шелкового пути, сокращения использования доллара в расчетах с партнерами и увеличения расчетов в юанях. Дальнейшее снятие ограничений на трансграничное перемещение портфельных инвестиций в КНР связано с необходимостью обеспечения макроэкономической стабильности, укреплении финансовой системы, низкой инфляцией, доступным кредитом, устойчивым пла-

тежным балансом, достаточными валютными резервами. В долгосрочной перспективе обретение Китаем лидерства на мировых рынках капитала может быть обеспечено созданием национальной технологической базы, собственных научно-технических кадров, переходом к постиндустриальной (то есть энергосберегающей, экологической и, главное, основанной на знаниях) структуре экономики, выравниванием уровней развития регионов страны, повышением среднедушевых показателей доходов ее граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *World Economic Outlook 2020*. Washington, IMF, 2020. 204 p.
2. *Global Economic Prospects. June 2020*. Washington, The World Bank, 2020. 238 p.
3. *World Trade Statistical Review 2020*. Geneva, WTO, 2020. 156 p.
4. *World Investment Report 2020*. New York, Geneva, UNCTAD, 2020. 268 p.
5. Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. *Экономика современной Азии*. Москва, Международные отношения, 2011. 264 с. [Potapov M.A., Salitskii A.I., Shakhmatov A.V. *Economy of modern Asia*. Moscow, International Relations, 2011. 264 p. (In Russ.)]
6. 习近平代表第十八届中央委员会向大会作报告. 人民日报, 2017年10月19日. [Xi Jinping Delivered the Report of the 18th CPC Central Committee at the CPC Congress. *People's Daily*, 19.10.2017. (In Chin.)]
7. *China Releases New Negative Lists for Foreign Investment*. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2020-06/24/c_139164447.htm (accessed 09.11.2020).
8. *Xi Expounds on CPC Proposals for China's New Development Plan*. Available at: http://www.china.org.cn/china/2020-11/04/content_76873478.htm?f=pad&a=true (accessed 09.11.2020).
9. Островский А.В. *Китай становится экономической сверхдержавой*. Москва, Издательство МБА, 2020. 496 с. [Ostrovskii A.V. *China is on its path to economic superpower*. Moscow, MBA Publ., 2020. 496 p. (In Russ.)]
10. *China Securities Regulatory Commission 2018 Annual Report*. Beijing, CSRC. 161 p.
11. Can Hong Kong Remain a Global Financial Centre? *The Economist*, 06.06.2020. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/06/06/can-hong-kong-remain-a-global-financial-centre> (accessed 09.11.2020).
12. Потапов М.А. К вопросу о причинах и уроках азиатского финансового кризиса. *Проблемы Дальнего Востока*, 1998, № 5, сс. 71-78. [Potapov M.A. Asian financial crisis: its causes and lessons. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1998, no. 5, pp. 71-78. (In Russ.)]
13. Потапов М.А. К вопросу об устойчивости китайской экономики в период мировых и региональных кризисов. *Проблемы Дальнего Востока*, 2013, № 3, сс. 90-96. [Potapov M.A. On sustainability of the Chinese economy in the period of world and regional crises. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2013, no. 3, pp. 90-96. (In Russ.)]
14. Mundell R. The Monetary Dynamics of International Adjustment under Fixed and Flexible Exchange Rates. *Quarterly Journal of Economics*, May 1960, vol. 74 (2), pp. 227-257.
15. Селищев А.С., Селищев Н.А., Селищев А.А. *Китайский юань: на пути к глобальному статусу*. Москва, ИНФРА-М, 2018. 352 с. [Selishchev A.S., Selishchev N.A., Selishchev A.A. *Chinese yuan: on the way to global status*. Moscow, INFRA-M, 2018. 352 p. (In Russ.)]
16. *2020 RMB Internationalization Report*. Beijing, The People's Bank of China, 2020. 141 p.
17. Doshi R. China's Ten-year Struggle against U.S. Financial Power. *The National Bureau of Asian Research*, 06.01.2020. Available at: <https://www.nbr.org/publication/chinas-ten-year-struggle-against-u-s-financial-power/> (accessed 09.11.2020).
18. Over 1000 Financial Institutions Expected to Join China's Renminbi Cross-border Payments System by End of 2020. *China Banking News*, 07.09.2020. Available at: <https://www.chinabankingnews.com/2020/09/07/over-1000-financial-institutions-expected-to-join-chinas-renminbi-cross-border-payments-system-by-end-of-2020/> (accessed 09.11.2020).
19. *The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020)*. Available at: https://www.un-page.org/files/public/china_five_year_plan.pdf (accessed 09.11.2020).
20. *Выступление Ху Цзиньтао на 3-м финансовом саммите "Группы 20"*. [Speech by Hu Jintao at the 3rd G20 Financial Summit (In Russ.)] Available at: <http://russian.people.com.cn/31520/6768525.html> (accessed 09.11.2020).
21. *Доклад о работе правительства КНР в 2020 году*. [Report on the work of the government of PRC in 2020. (In Russ.)] Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0316/c31521-9829090.html> (accessed 16.03.2021).
22. *China's 5-year Plan to Lead Global Recover*. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1217749.shtml> (accessed 16.03.2021).

CHINA IN GLOBAL CAPITAL MARKETS*(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 81-89)**Received 04.02.2021.**Maxim A. ПОТАПОВ (mpotapov2@yandex.ru),**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.**Nikolay N. KOTLYAROV (kotlyarov_nn@mail.ru),**Interregional Public Organization "Scientific and Technical Society named after Academician S. Vavilov", 10-2, Mohovaya Str., Moscow, 119019, Russian Federation.*

The article is analyzing the positions of China in global capital markets, and the factors that determine them. It shows the trends and features of attracting foreign direct investment in China, exporting Chinese capital abroad, attracting portfolio investments to China. The investment aspects of the Chinese Belt and Road Initiative and the role of Hong Kong as an international financial center are also considered. The evolution of the currency market regulation in China and the dynamics of the Yuan exchange rate, as well as the internationalizing of the Chinese currency and its use in cross-border operations are also discussed. The authors believe that the prospects for strengthening China's position in the global capital markets will be determined by a number of circumstances, including the dynamics of the world economy, the growth rate of the Chinese economy, and the consistent liberalization of conditions for cross-border capital movement in China. The maintaining of higher growth rates of the Chinese economy in the context of the global recession and the coronavirus pandemic, as well as the ongoing liberalization of the domestic capital markets, suggest that the Chinese economy will remain attractive for foreign investors. The export of Chinese direct investment abroad will be largely determined by the dynamics of the country's foreign trade, national restrictions on the export of capital, the implementing the Belt and Road Initiative and the position of China's leading economic partners, primarily the United States, towards Chinese investment. At the same time, increased geopolitical and country risks will affect the geographical structure of China's investment abroad in the direction of enhancing cooperation with Asian countries and participants of the Belt and Road Project. In the context of aggravated relations with the United States, China will make efforts to reduce dependence on the US dollar in settlements. Further steps will also be taken to internationalize the Chinese national currency and to achieve an increase in the use of RMB in payments. The lifting of restrictions on cross-border portfolio investments in the PRC is predetermined by ensuring the domestic macroeconomic stability, strengthening the financial system, low inflation, affordable credit, a stable balance of payments, and sufficient foreign exchange reserves. China's real entry into the world's leaders, both in the global commodity and capital markets, requires the creation of its own technological base, the transition to a new energy-saving, environmental-friendly national economic structure based on knowledge and new technologies, balancing the development levels of the country's regions, and increasing the average per capita income of people.

Keywords: China, economy, foreign investment, capital market, internationalization of yuan, direct investment, portfolio investment, stock market, forex market, currency regulation.

About authors:

Maxim A. ПОТАПОВ, Dr. Sci. (Econ.), Principal Researcher.

Nikolay N. KOTLYAROV, Dr. Sci. (Econ.), Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-81-89

**АРКТИКА:
НОВЫЙ РЕГИОН МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

**ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В АРКТИКЕ
(эволюция и перспективные направления)**

© 2021 г. Х.-Г. Со, Ч.-К. Пак, И. Чистов

*СО Хён Гё, кандидат политических наук,
Корейский полярный научно-исследовательский институт, Республика Корея, 21990, Инчхон, Ёнгу-гу,
Сонгдомире-ро, 26 (shkshk@kopri.re.kr).*

*ПАК Чжон Кван, кандидат политических наук,
Кёнбукский государственный университет, Республика Корея, 41566, Тегу, Бук-гу, Дэхаг-ро 80
(parkjk1028@gmail.com).*

*ЧИСТОВ Игорь Игоревич, кандидат политических наук,
МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ломоносовский пр-т, 27, к. 4 (chistov_igor@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 16.12.2020.

Анализ основных нормативных документов (Основного плана политики в Арктике на 2013–2017 гг. и Основного плана развития арктической деятельности на 2018–2022 гг.) демонстрирует рост значимости экономического сотрудничества в Арктике в качестве приоритета политики Республики Корея (РК) до 2022 г. При этом результаты опроса, проведенного в рамках исследования, свидетельствуют, что экспертное сообщество Кореи в качестве ключевых рассматривает задачи по защите окружающей среды и реагированию на изменения климата.

Ключевые слова: Арктика, Корея, полярное сотрудничество, арктическая политика, Корейский полярный научно-исследовательский институт, арктические исследования.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-90-96

До конца 1990-х годов Арктика была в первую очередь пространством научных изысканий. Суровые природные условия в отсутствие современных технологий препятствовали экономической деятельности в регионе. В годы холодной войны возможности ведения исследовательской работы снизились, Арктика стала зоной стратегической безопасности и военно-политического противостояния западного и восточного блоков [1, р. 54]. В своей исторической речи в 1987 г. в Мурманске президент Советского Союза Михаил Горбачев призвал к снижению стратегической напряженности и укреплению мира в Арктике, выступив с предложениями, позднее получившими название “Мурманские инициативы”. Он призвал международное сообщество к сотрудничеству в области охраны окружающей среды, рациональному освоению природных ресурсов и открытию Северного морского пути. Эта декларация повысила внимание к арктическим вопросам в международной повестке. Во многом благодаря “Мурманским инициативам” стали возможными встречи представителей восьми арктических стран в 1989 г. в Рованиemi (Финляндия) и обсуждение вопросов, связанных с защитой окружающей среды Арктики. Учреждение ряда международных экологических программ способствовало институционализации сотрудничества приполярных государств, разви-

тием которого в 1996 г. стало учреждение межгосударственного форума – Арктического совета (АС). В рамках форума были развернуты полномасштабное взаимодействие [2] и обсуждение общих интересов в области охраны окружающей среды Арктики, биоразнообразия, защиты и сохранения коренных народов региона.

Арктический совет открыл возможность участия для неарктических стран, предоставив им статус наблюдателя. Благодаря этому страны Северо-Восточной Азии (Корея, Китай и Япония – в 2013 г.), заинтересованные возможностью научных исследований, вопросами глобального сотрудничества и экономической деятельности в Арктике, получили такую возможность. В том же году Корея объявила о принятии “Основного плана политики в Арктике на 2013–2017 гг.”, разработанного Министерством океанов и рыболовства совместно со смежными министерствами, в том числе Министерством науки, информационно-коммуникационных технологий и будущего планирования, Министерством иностранных дел, Министерством торговли, промышленности и энергетики, Министерством окружающей среды, Министерством землепользования, инфраструктуры и транспорта и Корейским метеорологическим управлением. В 2018 г. на следующем этапе реализации плана политики в Арктике был утвержден “Основной план

развития арктической деятельности” на 2018–2022 гг. Кроме того, в декабре 2018 г. Министерство океанов и рыболовства представило долгосрочное направление пятилетнего арктического базового плана, объявив о создании “Полярной перспективы – 2050”. Чтобы сформировать концепцию политики Кореи в Арктике, были проведены различные исследования в области арктической политики как внутри страны, так и за рубежом.

Эти исследования можно разделить на две группы: охватывающие содержание арктической политики в целом и анализирующие ее конкретные области.

К первой группе относятся, в частности, работы двух авторских коллективов: Чжин Дон Мин и др. [3] и Мун Джин Ён и др. [4], которые сфокусировали свое внимание на деятельности Арктического совета. Кроме того, авторы отметили приоритетные направления политики РК, учитывающие деятельность арктических стран в регионе. Ким Юн Ок [5] анализирует международные проблемы, связанные с Северным Ледовитым океаном (СЛО), отношение ведущих азиатских стран к вопросам арктической политики, а также предлагает перспективные направления арктической политики Республики Корея. Пак Ён Гиль [6] соотносит интересы Кореи в Арктике с текущей деятельностью РК в области науки, судостроения и судоходства, выявляя соответствующие приоритетные задачи. Миа М. Беннетт [7], основываясь на корейских экономических интересах, экономической и научной деятельности страны и ее вкладе в освоение Арктики, делает прогноз, согласно которому в будущем деятельность в этом регионе будет усилена поддержкой правительства РК, корпорациями и научным сообществом. Ким Чжон Док [8] разделяет проблематику на глобальные проблемы и территориальные вопросы между арктическими державами и подчеркивает, что указанные проблемы взаимосвязаны. Он и Ким Хён Чжон [9] проанализировали также общее содержание “Основного плана политики в Арктике на 2013–2017 гг.” и перспективы дальнейшей деятельности в этой области. Аки Тонами и Со Хён Гё [10, 11] осветили предысторию формирования арктической политики Кореи и основные задачи страны в данной сфере. Валерий Журавель [12] проводит сравнение арктической политики Кореи, Китая и Японии, а также рассматривает содержание и статус реализации каждого из направлений “Основного плана... (2013–2017)”.

Ко второй группе относятся работы по конкретным направлениям арктической политики РК. Ким Гён Син [13] обращается к вопросам определения внешних границ континентальных шельфов, призывая налаживать сотрудничество в научной

сфере с приполярными странами. Кроме прочего, автор отмечает значительный потенциал Северного морского пути (СМП) в качестве драйвера экономики Кореи и призывает научное сообщество страны направить силы на изучение морских путей в Арктике. Следует отметить, что экспедиция “Арктика–2007” способствовала мобилизации корейского научного сообщества на изучение арктической тематики, пик публикационной активности пришелся на 2008 г., Ким Ки Сун [14] строит свое исследование на изучении таких документов, как Договор об Антарктике (1959 г.), Конвенция о сохранении тюленей Антарктики (1972 г.), Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики (1980 г. АНТКОМ) и Протокол об охране окружающей среды к договору об Антарктике (1991 г.). По его мнению, в отношении Арктики не сформировалось всеобъемлющей и обязательной для исполнения правовой системы, позволяющей решать проблемы региона. Труды Ом Сон Хи, Ким Нам Иль и др. [15, 16] посвящены текущему состоянию международных норм, связанных с промыслом в Арктике, и развитию арктических маршрутов, энергетики, спросу на суда и судоремонтные заводы, безопасности транспортировки энергоносителей, а также состоянию внутренних логистических центров. Пак Чжон Кван [1] анализирует стратегию транспортной логистики России в Арктическом регионе, а Иэн Уотсон [17] – деятельность Кореи в АС в качестве наблюдателя (*Arctic Observer*) и политику РК как усиливающегося регионального центра влияния, отмечая возрастание в Арктическом совете роли средних (*middle powers*) по влиятельности государств.

Таким образом, данная статья отражает историю становления и развития приоритетов арктической политики Кореи от начала их оформления до современных тенденций. Авторами была проанализирована связь положений долгосрочного проекта корейской политики в Арктике “Полярная перспектива 2050” и двух “Основных планов...” (2013–2017 и 2018–2022). Значимость настоящей работы в первую очередь связана с презентацией и изучением результатов опроса корейских экспертов, посвященного перспективному направлению деятельности РК в Арктике. На базе полученных данных был подготовлен рейтинг приоритетов арктической политики Кореи и предложены возможные направления будущего развития ее государственной политики в сфере освоения Арктики.

МОДЕЛЬ КОРЕЙСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Становление арктической политики Кореи началось после того, как два эксперта из Корейского института науки и технологий океана (*The Korea*

Institute of Ocean Science and Technology, KIOST), предшественника Корейского морского института (*Korea Maritime Institute, KMI*), провели первые исследования в Арктике на ледоколе КНР “Сюздун” (“Снежный Дракон”) в 1999 и 2000-х годах. В 2000 г. Корейский полярный научно-исследовательский институт (*Korea Polar Research Institute, KOPRI*) открыл на Шпицбергене научную базу под названием “Арктическая станция Дасан”, осуществляющую экологический и климатический мониторинг, а также изыскания в области морской биологии и геологоразведки. Это дало возможность *KOPRI* самостоятельно получать комплексные научные результаты [11, с. 498]. После постройки ледокольного исследовательского судна “Араон” в 2009 г. *KOPRI* каждое лето начиная с 2010 г. направляет экспедиции по изучению Северного Ледовитого океана, что помогло Корею вдвое увеличить объем материалов, связанных с Арктическим регионом [11, с. 500]. Министерство иностранных дел РК, опираясь на данные, собранные *KOPRI*, и будущие планы института по содействию международной исследовательской деятельности в Арктике, в мае 2008 г. направило запрос на получение статуса наблюдателя в АС [4, pp. 16-19], который был принят и одобрен в ноябре того же года [11, с. 501].

На встрече министров иностранных дел Арктического совета в Кируне (Швеция) в мае 2013 г. представители Кореи участвовали в заседаниях рабочих групп в рамках АС. По итогам встречи статус наблюдателя Кореи был подтвержден [2, р. 122]. В декабре того же года Министерство океанов и рыболовства разработало “Основной план политики в Арктике”, который базируется на положении о “средней арктической державе, создающей условия для устойчивого развития Арктики в будущем”.

В дальнейшем авторы статьи постараются проследить динамику установления приоритетов политики Кореи в Арктике через анализ содержания ключевых корейских нормативных документов, посвященных арктической повестке. Особое внимание уделяется порядку, в котором *национальные приоритеты* заявляются в нормативных документах. По мнению авторов, порядок, в котором они были заявлены в первом и втором “Основных планах...”, напрямую отражает динамику смены приоритетов государственной арктической политики страны.

“Основной план политики в Арктике на 2013–2017 гг.”:

- установление арктических партнерств, способствующих развитию международных связей;
- развитие научных исследований, способствующих решению глобальных проблем;
- участие корейского бизнеса в арктических проектах и создании инфраструктуры для изучения Арктики.

В июне 2018 г. Министерство океанов и рыболовства с учетом первого “Основного плана политики в Арктике на 2013–2017 гг.” создало второй “Основной план развития арктической деятельности на 2018–2022 гг.”, включающий как нерешенные, так и новые задачи.

Ключевым отличием действующей версии “Основного плана...” от предыдущей стало выдвижение на первое место положения о поддержке корейского бизнеса в арктических проектах. Можно предположить, что смена приоритета государственной политики Республики Корея связана с успешной деятельностью корейских компаний на арктическом направлении, например строительством кораблей ледового класса.

“Основной план политики в Арктике на 2018–2022 гг.”:

- участие корейского бизнеса в арктических проектах и создании арктической инфраструктуры;
- укрепление арктических партнерств, расширение международного сотрудничества;
- расширение научных исследований, способствующих решению глобальных проблем.

Кроме того, в документе указана системная стратегическая задача — *создание исследовательской инфраструктуры для изучения Арктики*. Ее реализация, по замыслу авторов документа, будет способствовать достижению заявленных приоритетов.

“ПОЛЯРНОЕ ВИДЕНИЕ — 2050”

В 2018 г. Министерство океанов и рыболовства создало концептуальный документ “Полярное видение — 2050” в качестве признания того факта, что пятилетний проект “Основной план развития арктической деятельности на 2018–2022 гг.” должен разрабатываться и продвигаться в соответствии с долгосрочным политическим видением и национальными приоритетами.

Семь направлений корейской политики, заявленных в “Полярном видении — 2050”, основаны на четырех стратегических задачах двух “Основных планов...” (табл. 1).

БУДУЩЕЕ ПРИОРИТЕТОВ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КОРЕИ

Для того чтобы спрогнозировать приоритеты арктической политики РК в будущем, среди корейских экспертов был проведен опрос. Его разработка осуществлялась в соответствии с задачами Министерства океанов и рыболовства Кореи, которое в 2018 г. в рамках научного сопровождения “Полярного видения — 2050” дало задание Полярному

Таблица 1. Соотношение семи направлений политики “Полярного видения – 2050” со стратегическими задачами “Основных планов...” (2013–2017 и 2018–2022 гг.)

Стратегические задачи	Семь основных направлений политики “Полярного видения – 2050”
Участие корейского бизнеса в арктических проектах и создании арктической инфраструктуры	<ul style="list-style-type: none"> • устойчивое развитие полярных регионов; • рациональное использование ресурсов; • содействие созданию новых отраслей промышленности в полярных регионах
Укрепление арктических партнерств, расширение международного сотрудничества	<ul style="list-style-type: none"> • участие в деятельности международного сообщества по защите окружающей среды в Арктике; • расширение диалога и укрепление доверия с местными сообществами, такими как коренные народы
Расширение научных исследований, способствующих решению глобальных проблем	<ul style="list-style-type: none"> • проактивный ответ на изменение климата в Арктике; • создание инноваций и практическое использование результатов полярных исследований
Создание исследовательской инфраструктуры для изучения Арктики	<ul style="list-style-type: none"> • расширение исследовательской инфраструктуры; • развитие профессиональных кадров

Примечание. Здесь и далее табл. 2, 3 составлены авторами.

исследовательскому институту и Корейскому морскому институту провести данное исследование.

При формулировании вопросов были выбраны 20 перспективных задач полярной зоны. Далее респонденты из 20 проблем, представленных в табл. 3, выбирали пять самых значимых для полярного региона к 2050 г. и ставили оценку от одного до пяти. В течение ноября 2018 г. опрос проводился среди 91 корейского эксперта, которые являются членами Арктического исследовательского консорциума и государственных учреждений, связанных с полярными зонами. Следует подчеркнуть, что приглашенные к участию эксперты непосредственно связаны с определением и реализацией арктической политики РК. Доли экспертов, принявших участие в опросе, соотнесены с типом организации, в которой они работают и показаны в табл. 2.

Таблица 2. Количество респондентов по типу организации и доле участия в экспертном опросе

Сфера деятельности	Респондентов, человек	Доля, %
Научно-исследовательские институты, которые финансируются правительством	40	43.9
Университеты	24	26.4
Национальные исследовательские и управленческие (организаторы науки) учреждения (<i>think tanks</i>)	12	13.2
Компании	11	12.1
Правительство	4	4.4
Всего	91	100

Подсчет результатов опроса проводился следующим образом: эксперт выбирал пять наиболее значимых задач рейтинговым голосованием, распределяя места с 1-го по 5-е. Затем начислялось 5 баллов за 1-е место, 4 – за 2-е, 3 – за 3-е, 2 – за 4-е, 1 – за 5-е место, остальные позиции – 0 баллов.

Результаты подсчета ответов респондентов были соотнесены с каждой из 20 задач с рейтинговыми оценками от 5 до 0 баллов. Выбиралось 5 из 20 задач на человека и подсчитывалось распределение 15 баллов (1 балл + 2 балла + 3 балла + 4 балла + 5 баллов). Общая сумма составила 1365 баллов на 91 эксперта (91 человек × 15 баллов). Поэтому результаты ответов 91 респондента по каждой из 20 задач суммированы и поделены на 1365 баллов по следующей формуле: значимость “задачи А” (%) = сумма рейтинговых баллов 91 эксперта по задаче А/1366 баллов × 100. В соответствии с этими расчетами в табл. 3 приведена значимость 20 задач в процентах.

Результаты опроса, представленные в табл. 3, демонстрируют, что эксперты выбрали наиболее значимой задачей в Арктике “реагирование на изменение климата и прогноз климатических изменений”. Ее доля составила 25.1% от общего числа всех оценок. На основании приведенных выше результатов опроса можно сделать предположение, что в ходе реализации фактическая приоритетность задач “Основного плана развития арктической деятельности на 2018–2022 гг.” будет меняться.

Ниже представлены стратегические задачи (2018–2022 гг.) в порядке, соответствующем мнению экспертов о степени их приоритетности.

1. Укрепление арктических партнерств, расширение международного сотрудничества.
2. Расширение научных исследований, способствующих решению глобальных проблем.
3. Участие корейского бизнеса в арктических проектах и создании арктической инфраструктуры.
4. Создание исследовательской инфраструктуры для изучения Арктики.

Согласно результатам экспертного опроса, в арктической политике РК будет расти приоритет задачи “Укрепление арктических партнерств, рас-

Таблица 3. Рейтинг значимости перспективных задач полярной зоны

Задача	Значимость, %	Рейтинг, место
Реагирование на изменение климата и прогноз климатических изменений	25.1	1
Защита морской среды и биоресурсов	13.6	2
Сохранение экосистем	10.5	3
Выполнение и развитие полярных научных исследований	10.3	4
Расширение полярной исследовательской инфраструктуры и мониторинга	7.1	5
Безопасность навигации	4.8	6
Расширение и укрепление сотрудничества в области использования ресурсов	4.4	7
Расширение совместных международных исследований	4.0	8
Долгосрочное устойчивое управление рыбными ресурсами	3.6	9
Полярные технологические инновации	3.3	10
Укрепление международного полярного кодекса	3.0	11
Вопросы развития полярной безопасности	2.3	12
Создание в стране системы для продвижения полярной политики	1.7	13
Строительство арктической промышленности и социальной инфраструктуры	1.5	14
Подготовка следующего поколения специалистов для работы в полярной зоне	1.2	15
Содействие экономическому, гуманитарному и социальному обмену	1.1	16–17
Расширение полярного туризма	1.1	16–17
Сохранение численности и культуры коренных народов Арктики	0.7	18–19
Арктические коммуникации и связь	0.7	18–19
Полярное здравоохранение и проблемы со здоровьем	0.1	20

ширение международного сотрудничества”, которая базируется на совместном с международным сообществом реагировании на глобальные проблемы в Арктике.

При этом результаты опроса экспертов свидетельствуют о росте значимости направления научных исследований; приоритетность участия корейского бизнеса в арктических проектах, согласно оценкам экспертов, может быть снижена в пользу научных и международных политических проектов. Таким образом, можно констатировать, что эксперты, фактически реализующие арктическую политику Кореи, склоняются к порядку приоритетов, заявленных в первом “Основном плане...”.

* * *

В ближайшие годы международная конкуренция в Арктике существенно обострится. Наибольшую интенсивность она наберет по линии Восток–Запад. Основным игроком в полярном регионе со

стороны западных стран выступают США, которые с высокой вероятностью будут нагнетать обстановку в высоких широтах всеми доступными средствами, усиливать свое присутствие в Арктике и укреплять контроль над своими союзниками.

В то же время возрастет роль КНР, с которой в Арктическом регионе активно взаимодействует Россия. При этом в формирующемся тандеме КНР–РФ есть риск закрепления за последней роли младшего партнера ввиду значительного превосходства экономических и технологических ресурсов Китая. В связи с этим особенно актуальна диверсификация сотрудничества России на восточном направлении, тем более что Корея стремится к ведению независимой арктической политики, участником которой может выступать Российская Федерация [18].

Статья подготовлена при поддержке Корейского полярного научно-исследовательского института (KOPRI) (PE19460).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. 박종관, 러시아 교통물류 발전전략: 북극 지역을 중심으로, 슬라브학보, 2016, 제31-1, 호 29-62. [Park Jong-Kwan. Russian Transport Logistics Development Strategy: Focusing on the Arctic Region. *The Journal of Slavic Studies*, 2017, no. 31–1, pp. 29-62. (In Kor.)]
2. 서현교, 중국과 일본의 북극정책 비교연구, 한국-시베리아센터, 한국 시베리아연구, 22 (1), pp. 119-151. [Seo Hyun-Kyo. Research on the Comparison between China's and Japan's Arctic Policy. *Korean Journal of Siberian Studies*, 2018, no. 22 (1), pp. 119-151. (In Kor.)]
3. 진동민·서현교·최선웅, 북극의 관리체제와 국제기구: 북극이사회 (Arctic Council) 를 중심으로. *Ocean and Polar Research*, 2010, no. 32 (1), pp. 85-95. [Jin Dong-Min, Seo Hyun-Kyo, Choi Shoun-Woong. Arctic Governance and International Organization: A Focus on the Arctic Council. *Ocean and Polar Research*, 2010, no. 32 (1), pp. 85-95. (In Kor.)] DOI: 10.4217/OPR.2010.32.1.085

4. 문진영·김윤옥·서현교, 북극이사회 정책동향과 시사점, 대외경제정책 연구원 (KIEP), 연구자료 14-06, 2014. 133 p. [Moon Jin-Young, Kim Yun-Ok, Seo Hyun-Kyo. *A Study on the Governance of Arctic Council and Its Implications for Korea. Korea Institute for International Economic Policy (KIEP)*, Research material 14-06, 2014. 133 p. (In Kor.)] Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2636657 (accessed 17.01.2021).
5. 김윤옥, 북극해 이슈의 최근 동향과 시사점, KIEP 지역 경제포커스, 2012, vol. 6, no. 40, pp. 32-37. [Kim Yoon-Ok. Recent Trends and Implications of Arctic Ocean Issues. *KIEP Regional Economic Focus*, 2012, vol. 6, no. 40, pp. 32-37 (In Kor.)]
6. Park Young-Kil. Arctic Prospects and Challenges from Korean Perspective. *East Asia-Arctic Relation: Boundary, security and international politics*, 2013, Paper no.3, pp. 1-8.
7. Mia M. Bennett. The Maritime Tiger: Exploring South Korea's Interests and Role in the Arctic. *Strategic Analysis*, 2014, vol. 38, no. 6, pp. 886-903.
8. Kim Jong-Deog. Overview of Korea's Arctic Policy Development. *Strategic Analysis*, 2014, vol. 38, no. 6, pp. 927-923.
9. Kim Hyun-Jung. Success in heading north?: South Korea's master plan for Arctic policy. *Marine Policy*, 2015, vol. 61, pp. 264-272.
10. Aki Tonami. *Asian Foreign Policy in a Changing Arctic: The Diplomacy of Economy and Science at New Frontier*. London, Palgrave Macmillan Publ., 2016. 153 p.
11. 서현교, 우리나라의 북극정책역사성찰과발전방향, 김정훈외, 러시아북극공간의 이해: 서북극권과 서시베리아의 지정, 지경 및 지문화적 접근, (학연문화사), 2018, pp. 497-507. [Seo Hyun-Kyo. *Reflecting on the Arctic Policy in Korea and Direction of Development. Understanding the Russian Arctic Space: Geopolitical and Fingerprinting Approach in the Northwestern Arctic and West Siberia*. Kim Jeong-Hun, ed. Seoul, Hag-Yeonmunhwasa, 2018, pp. 497-507. (In Kor.)]
12. Журавель В. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность. *Арктика и Север*, 2016, № 24, сс. 112-144. [Zhuravel V. China, Republic of Korea and Japan in the Arctic: politics, economy, security. *Arctic and North*, 2016, no. 24, pp. 112-144. (In Russ.)] DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112
13. 김경신, 북극의 상업적 이용과 정책 시사점, 한국해양수산개발원, 월간해양수산, 2008, (285), pp. 22-36. [Kim Gyeong-Sin. Policy Implication and Commercial Perspective in the Arctic. *Monthly marine fisheries*, 2008, no. 285, pp. 22-36. (In Kor.)]
14. 김기순, 남극과 북극의 법제도에 대한 비교법적 고찰, 國際法學會論叢第2010, 55卷第1號(通卷第116號), pp. 13-53. [Kim Ki-Sun. A Comparative Study of the Legal Regimes of the Antarctic and Arctic. *The Korean journal international law*, 2010, vol. 55, no.1, pp. 13-53. (In Kor.)]
15. 엄선희, “북극해 어업자원의 보존과 이용을 위한 국제 거버넌스 고찰과 정책적 시사점, 한국해양수산개발원, 『수산정책연구, 2010, 제 8권, pp. 34-64. [Um Seon-Hui. International Governance Review and Policy Implications for the Conservation and Use of Arctic Fisheries. *Fisheries Policy Research*, 2010, no. 8, pp. 34-64. (In Kor.)]
16. 김남일·이현주·정육상, 북극해 항로 개발의 자원개발 및 에너지 안보적 시사점, 에너지경제연구원, 수시연구보고서, 2011. 77 p. [Kim Nam-Il, Lee Hyeon-Ju, Jeong Yug-Sang. *Resource Development and Energy Security Implications of Arctic Sea Route Development*. Korea Energy Economics Institute, Occasional Research Report, 2011. 77 p. (In Kor.)] Available at: <https://scienceon.kisti.re.kr/srch/selectPORSrchReport.do?cn=TRKO201300026417> (accessed 17.01.2021).
17. Watson Iain. From Middle Power to Pivot Power: Korea as an Arctic Observer in the Age of Eurasia. *Pacific Focus*, 2016, vol. 31, no. 3, pp. 333-356.
18. Пак Чжон-Кван, Чистов И.И. Стратегия развития арктических регионов России и приоритеты политики Республики Корея в Арктике: возможности международного сотрудничества. *Korean Journal of Siberian Studies*, 2020, no. 24 (2), pp. 37-66. [Park Jong-Kwan, Chistov I.I. The Development Strategy of the Arctic Regions of Russia and Policy Priorities of the Republic of Korea in the Arctic: International Cooperation Opportunities. *Korean Journal of Siberian Studies*, 2020, no. 24 (2), pp. 37-66. (In Russ.)]

GOALS AND OBJECTIVES OF THE STATE POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA IN THE ARCTIC

(Evolution and promising directions)

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 90-96)

Received 16.12.2020.

H.-K. SEO (shkshk@kopri.re.kr),

Korea Arctic Research Consortium (KoARC), Korea Polar Research Institute (KOPRI), 26, Songdomirae-ro, Yeonsu-gu, Incheon, 21990, Republic of Korea.

J.-K. PAK (parkjk1028@gmail.com),

Kyungpook National University, 80, Daehak-ro, Buk-gu, Daegu, 41566, Republic of Korea.

Igor I. CHISTOV (chistov_igor@mail.ru),

Lomonosov Moscow State University, 49, Lomonosovskii Prosp., Moscow, 119991, Russian Federation.

Acknowledgements. This article has been supported by the Korea Polar Research Institute (KOPRI) (PE19460).

The article compares the provisions of normative documents that determine the Arctic policy of Korea and the results of a survey by Korean experts dealing with Arctic issues. The presented study examines the issues of transforming

the priorities of the ROK state policy in the Arctic and promising areas of Seoul's activity in the Arctic region. An analysis of the main regulatory documents that determine the priorities of the Republic of Korea in the Arctic (the Arctic Policy Basic Plan for 2013–2017 and the Arctic Development Basic Plan for 2018–2022) demonstrates the growing importance of economic cooperation in the Arctic as a priority for Korean policy. The results of the expert survey conducted as part of the study demonstrate that the Korean expert community considers environmental protection and response to climate change a paramount for the country's policy in the Arctic region. According to the study, the experts have chosen the following most important tasks in the Arctic: "responding to climate change and forecasting climate change"; "protection of the marine environment and biological resources"; "conservation of ecosystems"; "the introduction and development of polar scientific research"; "expansion of polar research and monitoring infrastructure". The survey results indicate that the key direction of the Arctic policy for the Republic of Korea, is the development of international relations within the framework of the Arctic Council, the main subject of which is scientific research in the field of climate and ecology. Thus, despite the priorities formulated in the General Plan for the Development of Arctic Activities for 2018–2022, Arctic experts consider the establishment of international partnerships to be a more important task than the participation of Korean business in Arctic projects and the creation of Arctic infrastructure.

Keywords: Arctic, Korea, polar cooperation, Arctic policy, KOPRI, Arctic Research.

About authors:

H.-K. SEO, PhD in Political Sciences, Secretary General Korea Arctic Research Consortium (KoARC), Policy Researcher & Adviser Korea Polar Research Institute (KOPRI).

J.-K. PAK, PhD in Political Sciences, Research Professor Institute of Russia & Eurasian Studies, Dept. of Russian Language & Literature Kyungpook National University.

Igor I. CHISTOV, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Faculty of Philosophy, Moscow State University.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-90-96

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕРКВИ И АНТИИДЕНТИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

© 2021 г. Р. Лункин, С. Филатов

*ЛУНКИН Роман Николаевич, доктор политических наук, кандидат философских наук,
Институт Европы РАН, РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3 (romanlunkin@gmail.com).*

*ФИЛАТОВ Сергей Борисович, кандидат исторических наук,
Институт востоковедения РАН, РФ, Москва 107031, ул. Рождественка, 12 (sfilatov2006@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 10.01.2021.

В статье проанализированы идейные противоречия либеральной демократии, или неолиберализма (антиидентизма), и традиционализма (идентистов) на примере христианских церквей. Антиидентизм считает традиционную религиозность враждебной, она должна быть реформирована для соответствия неолиберальным ценностям. В статье рассмотрены антихристианские движения, а также консервативные и либеральные течения внутри различных конфессий. В статье предложена классификация конфессий по направлениям и по территориальному признаку в зависимости от специфики разделений на основе отношения к антиидентизму. Сделан вывод, что христианские церкви, несмотря на существование либеральных фракций в современной политике, – традиционалистская сила.

Ключевые слова: либеральная демократия, традиционализм, антитрадиционализм, проблемы идентичности, христианство, сексуальная мораль, гендерная политика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108

Современная идеология либеральной демократии отождествляет себя с демократическими ценностями, представляет себя идеалом свободы и высочайшим достижением человечества. Внутренние и внешние кризисы, которые касаются стран либеральной демократии (США и Евросоюза), воспринимаются ими как прямая угроза “правильному” развитию общества. Подобные алармистские высказывания звучали в ходе миграционного кризиса, борьбы с популизмом и пандемией, противостояния сторонников и противников Трампа в США. С одной стороны, кризисы вызывают рост ксенофобии, расизма, антисемитизма, приводят к ограничениям прав личности. С другой стороны, идеологи либеральной демократии обеспокоены тем, что кризисы возвращают утерянную под давлением цензуры политкорректности свободу слова и ставят их программу под вопрос.

Либеральная демократия, или неолиберализм (новый либерализм, в отличие от классического), как всякая молодая идеология, провозгласившая себя единственно верной, не терпит, когда ей противоречат. Это касается понимания того, как в обществе должны воплощаться права и свободы человека в самых разных сферах. И тут возникают противоречия. Лучше всего существо этих противоречий можно проследить на примере религии и ее взаимоотношений с неолиберальным порядком.

БОРЬБА С РЕЛИГИЕЙ?

Религия стала полем боя, на котором идет борьба за формирование революционной идеологии антиидентизма – ключевого элемента нового либерализма. Антиидентизм не может принять традиционную религиозность – она ему враждебна. Среди приверженцев антиидентизма заметно шумное антирелигиозное, антихристианское течение. Сильнее всего оно проявило себя, осуждая миссионерскую деятельность христиан в Америке. К примеру, президент Мексики Андрес Мануэль Лопес Обрадор направил Папе Римскому письмо с призывом к Римско-католической церкви принести извинения за угнетение и истребление коренных народов в период завоевания Мексики испанцами в начале XVI в. Письмо было опубликовано в *Twitter* Обрадора 10 октября 2020 г. и в бумажном виде было передано Папе Римскому супругой президента Мексики в ходе личной встречи. В этот же день власти Мехико приняли решение о демонтаже

¹ Данная статья является продолжением исследования авторами влияния нового идеологического противостояния антиидентизма и традиционализма на мировые процессы. См. Лункин Р., Филатов С. Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 4, сс. 5-14. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-5-14>; Лункин Р., Филатов С. Борьба “за” и “против” идентичности во внутриполитических процессах. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 9, сс. 50-60. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60>; Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния. *Современная Европа*, 2018, № 3, сс. 102-114. DOI: 10.15211/soveurope32018102114

памятника Христофору Колумбу. Президент отметил, что католическая церковь, испанская монархия и правительство Мексики должны принести публичные извинения за те кровавые бесчинства, жертвами которых стали коренные народы Мексики 500 лет назад: “Они заслуживают не только великодушного отношения с нашей стороны, но также искренних обязательств, что никогда больше неуважительные деяния не будут совершаться в отношении их верований и культуры” [1]. Таким образом, руководство страны выразило сожаление, что народы Мексики более не разделяют языческих верований с их массовыми человеческими жертвоприношениями и освящением рабовладения. Еще раньше, весной 2020 г., движение *BLM* (*Black Lives Matter*) в Калифорнии начало сносить памятники апостолу Калифорнии святому Хуниперо Серра. 27 июня 2020 г. активисты в США напали и избili палками католиков, которые собрались на молитву, чтобы защитить памятник королю святому Людовика IX в Форест-парке г. Сент-Луис, шт. Миссури (Сент-Луис был основан французами и назван в честь св. Луи). Зачинщиком этой акции стал политический активист Умар Ли, который опубликовал в своем *Twitter* призыв прийти к памятнику, чтобы “остановить ненависть и расизм в Форест-парке” [2]. С середины лета 2020 г. начались уничтожения не только памятников святым, но и статуй Богородице и Иисусу, поджоги и погромы церквей.

Антихристианские настроения, которые в последнее время демонстрирует в Америке в первую очередь движение *BLM*, докатились и до Франции. Местный аналог *BLM* “Лига защиты Черной Африки” (*La Ligue de défense noire africaine, LDNA*) потребовала роспуска католической церкви. Правда, самоликвидироваться католическому сообществу предлагают только после того, как святой престол выплатит “компенсацию за рабство и колонизации”. В *Twitter* Лиги опубликованы антицерковные призывы и фотографии, на которых люди в масках разоряют католические храмы и выносят из соборов обезглавленные статуи Христа, Девы Марии и святых.

Среди антиидентистов есть люди, участвовавшие в поджогах и погромах и желающие уничтожения христианства. Более терпимые неолбералы могут добиваться от власти принятия законов и решений, ограничивающих права и интересы как верующих, так и религиозных организаций. Это и ограничения свободы слова в угоду политкорректности, запреты на какие-либо обряды (крестные ходы, жертвоприношение животных у мусульман, обрезания у иудеев), и ношение определенной одежды (хиджабов), контроль традиционного религиозного образа жизни с помощью семейного законодательства (под предлогом борьбы с семейным насилием, что, безусловно, является злом).

Однако дело не совсем в противостоянии атеистов и верующих, так как среди политиков, законодателей, деятелей культуры, требующих от религиозных активистов “правильного поведения”, достаточно и членов церквей, и людей, принадлежащих к христианской традиции, *субъективно считающих себя верующими*.

Воинствующий атеизм все же — периферия движения. Антиидентизм борется с христианством, и в то же время он не может принципиально отвергнуть религиозность. Она необходима ему в силу некоторых его основополагающих идеологем. Антиидентизм стремится не отменить идентичности, но подчинить их воле человека — свободный человек может быть мужчиной или женщиной, как пожелает; может быть американцем или китайцем, как пожелает; гетеросексуалом или гомосексуалистом, как пожелает; христианином или мусульманином, как пожелает.

С одной стороны, из всех выборов, которые ставит перед человеком антиидентизм, выбор религии — самый простой (менять пол или национальность — более хлопотное дело). Это даже признанное гражданское право. С другой стороны, принципы антиидентизма требуют от религии, чтобы она признала свою подчиненность воле свободного человека, признала идентичность (в том числе религиозную) чему-то, чем можно управлять и что можно по своей прихоти менять. В конце концов любая религия с точки зрения антиидентизма должна примириться с его основными принципами (а значит, адаптироваться к толерантности к гомосексуализму, однополым бракам, принципам современного феминизма и космополитизма). Мало того, от религии ждут, что принципы антиидентизма станут частью ее мировоззрения, будут освящены и сакрализованы.

Сама идеология антиидентизма носит некоторые черты религии. Идея вины за грехи далеких предков, не только участвовавших в рабовладении, но и получавших выгоды от того, что их страны участвовали в рабовладении или работорговле, не только не юридическая, ее трудно признать и этической, если не принадлежать к людям, погруженным в идеологию нового либерализма. Это карикатурный двойник идеи первородного греха. Жесткие цензурные запреты, в том числе и на научные исследования об особенностях опекаемых меньшинств — чернокожих, женщин, гомосексуалистов, по своему накалу и непримиримости выходят за рамки политкорректности и носят характер борьбы с кощунством и осквернением святынь. Наиболее яркий пример — обожествление Джорджа Флойда как мессии, жертвы борьбы с расизмом в рамках движения *BLM*. Преклонение колена — не просто флешмоб, это молитва и особый

обряд покаяния “за грехи белых людей”: “Господь, прости нас за нашу агрессию. Господь, прими наше покаяние за нашу гордость, за то, что мы, белые люди, думали, что мы лучше, выше остальных”. Сложилась также иконография Флойда: в модной бейсболке и с нимбом вокруг головы, в простой футболке и растущими из-за плеч крыльями. Рядом — изречения, произнесенные им в последние минуты жизни: “Я не могу дышать!”, “Все болит!”, “Они хотят убить меня!” [3].

Тот факт, что не то пророком, не то мессией нового религиозного движения провозглашен рецидивист и наркоман Флойд, не случаен. Движения антиидентизма, а *BLM* — лишь одно из его крайних проявлений, направлены на тотальное отрицание западной цивилизации. Кто может служить лучшим ее отрицанием, чем черный наркоман и преступник, манкирующий своими обязанностями перед родными детьми? Столь яркие религиозные проявления неолиберального движения присущи американскому обществу. Среди более секуляризованных европейцев религиозная составляющая новой идеологии менее проявлена, но, чуть копнув, ее можно найти и в Европе. Например, еще в 2009 г. Городской совет Женевы постановил перезахоронить недалеко от могилы Жана Кальвина останки Гризельдис Реаль, женщины, которая в течение многих лет зарабатывала на жизнь проституцией и была активисткой движения проституток. По существу, это была религиозная демонстрация отказа от традиционной сексуальной морали, которую насаждал в Женеве Кальвин. Как отмечал один из идеологов акции, “блудницы войдут в Царство Небесное впереди законников” [4].

Религия, не подчиняющаяся антиидентистской идеологии, вызывает у неолибералов естественную неприязнь, и даже ненависть. Конфликты антиидентизма с непослушной религией могут развиваться до высокого уровня накала. Тогда антиидентисты могут начать борьбу с религией как таковой. Но это уж, сердцу не прикажешь, выходит за рамки идеологического мейнстрима. Основное направление политики и органичный элемент идеологии антиидентизма — это не уничтожение, а приручение религии.

ВОСПИТАНИЕ РЕЛИГИИ

Для того чтобы воспитать церковь в неолиберальном духе, неотъемлемые демократические нормы используются специфическим образом. Одними из бесспорных завоеваний человечества в последние 100 лет являются религиозная свобода и веротерпимость — даже те государства, которые не следуют этим нормам, не в силах их отрицать и осуждать. Однако христианские церкви, прежде всего в Европе, столкнулись с положением, когда

свобода совести может трактоваться в ограниченном духе, а это утверждение направлено на подрыв исключительности “традиционных религий”.

Религию нужно не только приручить, но и добиться максимального многообразия религий. Многообразие не только предоставляет широкий выбор идентичностей, но и способствует демонтажу “угнетательных” ценностей и стереотипов, выработанных христианской религией и закрепленных в традиционной культуре. Ислам или буддизм могут быть консервативны и враждебны ценностям антиидентизма, но само их присутствие размывает представление об уникальности и незаменимости христианства и созданной им культуры, консервативной культуры. Символы, святыни и предания христианства становятся относительными, ситуативными и заменимыми. Религия релятивизируется. Она — одна из многих. Ее демонстрация “может обидеть” мусульман, индуистов, язычников, иудаистов, атеистов, поэтому *она должна быть реформирована для соответствия антиидентистским ценностям. Она должна быть изгнана из публичного пространства не только потому, что дискриминирует инаковерующих, но и потому, что проявлений христианской веры слишком много в окружающей культуре, это выглядит как “нечестная конкуренция” и навязывание.*

Наибольшей поддержкой среди религиозных меньшинств у новых либералов пользуется ислам. Во многих государствах существуют государственные институты и формы финансирования борьбы с исламофобией. При этом трудно представить существование аналогичных органов борьбы не только с христианофобией, но и буддизмо- или индуизмофобией. Мигрантов мусульман предпочитают не только христианам, но и, например, буддистам. Казалось бы, это странно: ислам — более догматичная, консервативная и воинственная идеология. Но именно эти черты милы антиидентистам — благодаря им ислам стал политической силой, разрушительной для главного врага — европейского консерватизма, в том числе и религиозного. В обществе звучат требования отказа от христианских символов, праздников, культурного доминирования (и более того — публичного присутствия) христианства.

Общие принципы отношений антиидентизма и христианской религии своеобразно проявляют себя в разных странах, культурах, политических системах и конкретных религиозно-общественных конфликтах.

Если во второй половине XX в. процессы взаимодействия с антиидентизмом шли внутри христианства, теперь они идут в христианстве наряду с исламом, буддизмом, иудаизмом, атеизмом. Антиидентизму противостоят различные политические и общественные силы. Консервативные

христиане – авангард сопротивления. Различия между светским и религиозным антиидентизмом: 1) главным образом против мигрантов, отказ от патриотических ценностей, традиционной национальной культуры и феминизма; 2) за поддержку традиционной семьи, против абортот и гомосексуализма (сейчас последний редут – однополые браки). У антиидентистов очень быстро исчезли в этой сфере общественно-политические оппоненты, кроме самых консервативных церквей.

Осуждению подвергнута, как правило, защищаемая религией традиционная семья и распределение ролей в ней между мужчиной и женщиной. В Британии движение “традиционных домохозяек” (“*tradwives*”) обвинили в экстремизме, в предательстве феминизма и даже в фашизме. Члены этого движения заявили лишь о том, что женщины имеют право довольствоваться ролью жены и матери [5].

Вокруг феминизма также развернулись споры, где представлены радикально противоположные точки зрения. Один из американских баптистских пасторов назвал феминизм чумой, а его представительниц – “дочерьми дьявола” [6]. В одной из брошюр для духовенства, написанных в начале 2004 г. будущим папой кардиналом Й. Ратцингером, феминизм был назван угрозой для семьи и путем к содомии [7]. В самых католических в прошлом странах проводятся большие феминистские марши, направленные в том числе и против церкви. В Аргентине участники такого марша требовали исключить влияние церкви в системе образования и обществе в целом, они назвали сексуальное образование, основанное на религиозных нормах, “сексуальным подавлением” [8]. Такого рода демонстрации в разных странах мира имеют стандартный набор требований: легализация абортот, гендерное равенство, преодоление мужского шовинизма в культуре и общественных отношениях. Наглядным проявлением такого противостояния стал женский марш феминисток – “розовые шапочки” и марш католических активистов и движения “Пролайф” (*Pro-life*, “в защиту жизни”) в Вашингтоне в 2017 г. после инаугурации президента США Д. Трампа.

Одной из самых острых тем стало право на аборт. Во многих странах позиция католической церкви, которая призывала запретить абортот, была названа архаичной [9]. В Канаде, например, одна из активисток движения “Пролайф” Мэри Вагнер в общей сложности отсидела более шести лет в тюрьме (с 1999 по 2017 г.) за то, что в больницах и частных клиниках дарила цветы беременным женщинам и отговаривала их от абортот [10]. В 2020 г. антицерковные протесты феминисток прошли по всей Польше из-за намерения правительства ввести фактический запрет абортот.

ЛГБТ-тематика стала в значительной степени запретной для критики со стороны религиозных деятелей. Известны случаи, когда священников и епископов осуждали и пытались привлечь к ответственности в европейских странах за цитирование Нового завета с осуждением однополых отношений [11]. В одном из оплотов либерализма Университете Флориды в США в 2020 г. глава Студенческой ассоциации был уволен за то, что в приватном чате в Интернете высказал свою точку зрения в качестве католика на вопросы ЛГБТ, в частности о греховности гомосексуализма [12].

Борьба антиидентистов с присутствием традиционного христианства в политической и общественной жизни привела к целому ряду нелепых в недалеком прошлом и даже абсурдных ситуаций. Например, в 2012 г. Европейский банк первоначально запретил Банку Словакии в интересах “религиозного многообразия” изображать крест на юбилейной монете, которую предполагалось выпустить в ознаменование крещения Словакии, но монета была выпущена [13]. Известно также “Дело Лаутси и другие” в Европейском суде по правам человека, в рамках которого церковь Европы и правительство Италии несколько лет боролись против решения об изъятии распятий из школ и выиграли. В 2011 г. заявило о себе секуляристское движение “Религия – частное дело” в Австрии. Оно инициировало судебный процесс об изъятии крестов из детских садов, а также проведение референдума “Против привилегий Церкви” [14]. Выступления атеистов с различными требованиями (убрать кресты, не носить нательный крест, прекратить колокольный звон и т.д.) по отношению к церквям стали обычным делом. В частности, в Базеле в 2014 г. Ассоциация вольнодумцев Швейцарии потребовала убрать подсветку с католического храма, так как это “дерзость” для религии, которая была причиной многих войн и конфликтов [15].

Несмотря на то что формально представители Евросоюза заявляют о диалоге с верующими и неверующими, в реальности это означает также стремление избавить публичное пространство от религиозных проявлений. Директор венского Центра по нетерпимости и дискриминации против христиан Г. Кюглер так описала сложившуюся ситуацию: «Существует общее подозрение по поводу всего религиозного, представление, что вера должна быть подальше от общественной сферы. Сейчас очень силен радикальный секуляризм. Это касается всех религий, но особенно христианства, потому что оно “несправедливо доминировало многие века” и его надо поставить на место» [16]. Из европейских стран в наибольшей степени от актов вандализма агрессивных секуляристов в отношении католических храмов в 2018–2019 гг. пострадала Франция [17].

Тем не менее даже на фоне такого противостояния мировоззрение значительного числа христианских церквей так или иначе оказалось встроенным в антиидентистскую идеологию. Часть конфессий ради этого скорректировала свое богословие, чтобы женщины могли быть священнослужителями, чтобы в храмах благословлять однополые браки и т. д. С одной стороны, мотивы религиозных деятелей, ставших частью неолиберального порядка, понятны. В основе требований антиидентистов стояли христианские ценности уважения к любой личности, к женщинам и мужчинам независимо ни от чего, к гуманным методам воспитания детей, милосердия к любым категориям людей независимо от их сексуальной ориентации и т. д. С другой стороны, требования антиидентистов вышли далеко за пределы христианских заповедей и даже здравого смысла (не цитировать неудобные места Библии, изменить правила церковной жизни и назначение духовенства). А те, кто не принял абсолютно все требования антиидентистов, стали восприниматься как “изгой” неолиберального общества, атавизм прошлого, фундаменталисты на грани экстремизма. Господство подобного восприятия религиозной жизни сильно упрощает понимание роли христианства и разных церквей в развитии общества, создает оптическую иллюзию умирания религии, особенно ее консервативной части. Более сложную картину взаимоотношений религии и неолиберализма помогает увидеть распределение церквей на несколько категорий как по конфессиональному, так и территориальному признаку.

АНТИИДЕНТИЗМ И БОРЬБА С НИМ В КОНФЕССИЯХ

В США взаимоотношения религии и антиидентизма в самом общем виде подчинены логике секуляризации американского общества и протестантских деноминаций, проанализированной еще Д. Е. Фурманом [18]. Исторически наиболее ранние деноминации оказывались наверху социальной лестницы. Образованные и богатые приверженцы этих церквей избавлялись от догматической и консервативной веры предков. Их вера становилась все либеральнее, но при этом теряла *raison d'être*. В них происходили расколы на консерваторов и либералов, причем после раскола консерваторы обычно начинали расти, а либералы численно уменьшались. Многие верующие этих церквей переставали вовсе быть практикующими христианами. Так, некоторые влиятельные и многочисленные церкви в начале XIX в., вставшие в авангарде церковного либерализма, сейчас обладают микроскопической численностью, например конгрегационалисты, основные пресвитерианские объединения, тринитари. Вторая половина XX — начало XXI в. стали

временем драматических конфликтов внутри епископалов и методистов [19]. В то же время консервативные евангелические церкви пятидесятников, баптистов и евангеликов растут, тогда как либеральные церкви умирают [20]. Именно они стали наиболее многочисленной и организованной силой, противостоящей антиидентизму.

Анализ политической борьбы антиидентистов (в том числе либеральных церквей) с идентистами — протестантами и католиками в США последние 40 лет показывает весь драматизм внутрицерковных расколов. В течение XX в. лютеранские церкви раскалывались на либеральные и консервативные крылья. Аналогичные процессы постоянно происходят среди баптистов и евангелистов. Последнюю волну конфликтов и разделений среди церквей вызвало решение Верховного суда США в 2015 г. о легализации однополых браков. В начале 2020 г. Объединенная методистская церковь США заявила о разделении на две части — традиционалистов и тех, кто принимает однополые браки и ЛГБТ-духовенство [21]. Более четко распределение консерваторов и либералов можно увидеть на примере отношения верующих к Д. Трампу, который стал символом традиционализма, “врагом либералов”. Согласно опросам Центра Пью, за Трампа выступают консервативные белые протестанты и латиноамериканцы-католики, а против Трампа — либеральные церкви, в том числе афроамериканские, а также либерально настроенные католики. Исследования Центра Пью показывают планомерное разделение (поляризацию) американского общества и отдельных церквей на консерваторов и либералов в последние 10–15 лет. Борьба между католиками-традиционалистами и либералами обострилась в Соединенных Штатах также в зависимости от их отношения к курсу папы Франциска [22].

Расколы среди баптистов начались еще в 1980-е годы, появились Американская баптистская церковь и Объединенная баптистская церковь, которые являются более умеренными по отношению к женскому пасторству и к гомосексуализму по сравнению с Южной баптистской конвенцией — самой консервативной структурой. Однако в 2007 г. была сделана масштабная попытка создать альтернативу консервативным южным баптистам. В Атланте было объявлено о создании Новой баптистской конвенции для смены консервативного имиджа баптистов. Эту инициативу поддержали два бывших президента США Джимми Картер и Билл Клинтон, а также супруга последнего Хиллари Клинтон [23]. Президент Южной конвенции Фрэнк Пейдж осудил эту инициативу, отметив, что новая конвенция пропагандирует левую либеральную повестку, которая “отрицает необходимость показывать погибшим путь к вечной жизни через Иисуса” [24].

По вопросам миграции, отношения к героям-конфедератам консервативные церкви в основном молчали. Хотя представители Южной баптистской конвенции все же делали заявления в пользу демонтажа памятников героям-конфедератам и призывали прекратить использовать флаг конфедератов как символ единства во Христе, “Тело которого включает также афроамериканцев” [25]. Либеральные силы старались полностью отражать программу антиидентизма. Представители Епископальной церкви с 2017 г. выражали свое недовольство политикой Трампа в сфере иммиграции, называя его “человеком с маленьким сердцем, который дегуманизирует нас, божьих детей” [26].

В нескольких странах, в которых всегда отсутствовали государственные (и шире — национальные, то есть такие, которые охватывают громадное большинство населения и которые для этой страны являются важным элементом национальной идентичности) церкви, основные закономерности участия религии в борьбе идентизма с антиидентизмом аналогичны американским — в Канаде, Австралии, Новой Зеландии; до некоторой степени в Нидерландах. К этой американской модели на всех парах движутся отдельные латиноамериканские страны, где евангелическое движение растет не по дням, а по часам за счет традиционных для этих стран католиков. Символической в этом отношении стала победа на президентских выборах в Бразилии Жаира Болсонару, преисполненного мессианского духа евангелика, известного тем, что он отказался вводить жесткие меры во время пандемии. Для Болсонару и других евангеликов строгий карантин — это “тактика сатаны”, поэтому приостанавливать богослужения не надо (при этом Федеральный суд Бразилии выступил с радикально секуляристских позиций, исключив церкви из перечня необходимых видов деятельности) [27].

В Европе можно выделить две группы стран исходя из различий в логике взаимодействия антиидентистов и религии. Первая группа — это страны лютеранской традиции (Скандинавские страны и Германия). В этих странах в соответствии с учением Мартина Лютера светская власть — это и есть власть прихожан в светских вопросах, это участие мирян в церковной жизни. Лютеранская традиция церковно-государственных отношений (которая так нравилась Петру Великому, что он взял ее за образец для России) всегда доверяла политику светской власти, всегда была пассивна перед кесарем. Соответственно, по мере того как светская власть в Германии и Скандинавских странах переходила в руки антиидентистов, власти давили на официальные государственные церкви с тем, чтобы они следовали курсу правительств. Но не только от светской власти зависимо лютеранство, оно сильно зависит, будучи крепко повязано с власт-

ной и академической элитой, от общественного мнения, в наши дни — от светского общественного мнения. Само духовенство находится под сильным влиянием антиидентистских идей и разделяет их вполне искренне. Сопrotивление этому давлению если и было, то очень слабым. В лютеранских церквях этих стран есть группы диссидентов — например, лестадианство (консервативное направление в лютеранстве) в Скандинавии². Но они малочисленны и при столкновении с либеральной бюрократией трусливы. К настоящему моменту без заметной борьбы официально эти церкви полностью (или почти полностью) разделяют идеологию господствующих антиидентистских сил.

Характерен случай, произошедший в Швеции в 2015 г. Епископ-лесбиянка Церкви Швеции Ева Брунне решила убрать кресты с “церкви моряков” в Стокгольме ради соблюдения религиозного плюрализма и чтобы не оскорблять чувства мусульман. В церкви была также оборудована моленная комната для мусульман без каких-либо символов. Наряду с этим, Ева Брунне живет в однополем браке, благословленном лютеранской церковью [28].

Идентистское религиозное движение в этих странах стало в первую очередь делом растущего, но все равно малочисленного евангелического пятидесятнического движения. Идентистское политическое движение, по преимуществу светское, в этих странах в первую очередь ориентировано против иммиграции и носит светский характер (этим критериям отвечает партия “Альтернатива для Германии”, хотя в ней есть консервативное христианское крыло, в Швеции — Шведская народная партия, в Финляндии — “Истинные финны”).

Вторая группа стран — страны католические. Официальная доктрина католической церкви до сих пор остается полностью консервативной по вопросам аборт, семьи и секса. Большинство современных радикальных требований феминистов также не разделяется католической церковью.

Однако в вопросах миграции и патриотизма традиция католической церкви двойственна. Католическая церковь была и есть в основе национальных культур многих государств. В прошлом Франции, Италии, Испании, Польши, Австро-Венгрии и других стран полно историй, когда народы шли на войну за родину и короля, воспламененные католической верой. Несмотря на это, католическая церковь космополитична и интернациональна. Это единая церковь под руководством самодержавного руководителя — папы, чьи “подданные” живут во всех странах мира. Государственные границы для руководства и для самого мировоззрения такой церкви относительны, а ценности и принципы аб-

² Движение получило свое название от имени шведского проповедника Ларса Леви Лестадиуса (1800–1861).

солютны и неизменны для любой страны. Католическое духовенство осознает себя более независимым от светской власти и общественного мнения, чем духовенство лютеранское.

Высшее руководство католической церкви в лице нынешнего папы Франциска и ватиканской бюрократии занимает несколько лукавую позицию. Не отказываясь от традиционного морального учения, во главу угла они ставят поддержку неконтролируемой миграции, преодоление эгоизма богатых стран, заботу о бедных и страждущих. Некоторые заявления и действия папы Франциска дают основания полагать, что он стремится к либерализации церковного учения в вопросах семьи и секса. Однако в этом отношении его шаги были слишком недалекими и робкими, чтобы утверждать это однозначно.

Тем не менее возникло заметное публичное сопротивление внутри духовенства, включающее кардиналов. В качестве постоянных критиков курса папы Франциска выступают, в частности, бывший префект Конгрегации вероучения кардинал Герхард Мюллер и бывший апостольский нунций Ватикана в США архиепископ Карло Мария Вигано, американский кардинал Реймонд Лео Берк. Периодически появляются отдельные яркие критики папы. Ян Павел Ленга, бывший архиепископ Карагандинский на покое, отказался признавать “еретика” Франциска законным понтификом, а признает только Бенедикта XVI. Основные обвинения в адрес Франциска: либеральные реформы церкви, смягчение церковных правил – возможность причастия для второбрачных (в рамках послания Франциска “*Amoris Laetitia*” (“Радость любви”) в 2016 г.), обсуждение вопросов об отмене целибата на Амазонском синоде 2019 г. С вопросами к папе по поводу “*Amoris Laetitia*” и либерализации отношения к браку обратились кардиналы Карло Кэффарра, Реймонд Берк, Вальтер Брандмюллер и Йоахим Майснер в официальном послании “*Dubia*” (папа на него не ответил). Авторы письма, 19 священников и богословов, в 2019 г. обвинили папу в том, что он терпимо относится к геям, протестантам и мусульманам [29]. Противники Франциска также опубликовали в мае 2020 г. письмо “Призыв к церкви и миру – к католикам и людям доброй воли”, в котором призвали государства не вмешиваться в суверенитет церкви под предлогом борьбы с коронавирусом и карантинном (сам папа выразил сожаление по поводу этого обращения) [30].

Католическая церковь объединяет людей с очень разными взглядами, но сохранение единства и формальная верность папе – для них одни из высших ценностей. Поэтому очень часто несогласные сохраняют верность папе, но декларируют нечто, что диаметрально противоречит позиции пон-

тифика. Папа в таком случае обычно “не замечает” различий. Можно набрать заметное число католических иерархов, которые ни в чем не упрекают папу, но выступают вразрез с папской линией. Это и архиепископ Триеста Джампаоло Крепальди, не стесняющийся в выражениях в нападках на ЛГБТ (за это его дом осаждали демонстрации борцов за права ЛГБТ), и архиепископ Страсбурга Люк Равель, резко критикующий допуск мусульманских мигрантов в Европу и предрекающий “великое замешение” французов приезжими.

Епископаты Польши, Венгрии, Словакии, очевидно, консервативнее папы и нынешней курии, но никогда папу ни за что не осуждают. Тем не менее подобные национальные католические церкви, придерживающиеся консервативных взглядов по всем вопросам, оказываются существенным фактором в общественно-политической борьбе. Примеры Польши и Венгрии показательны [31].

Широкие слои верующих католиков далеко не всегда и не во всем следуют в своих взглядах и своем поведении за церковным начальством. Лица, называющие себя “католиками”, но не являющиеся практикующими верующими, мало отличаются, если вообще отличаются, от безразличных к религии сограждан. Практикующие же католики могут по своим взглядам не только отличаться от своих сограждан-некатоликов, но и от позиции руководства католической церкви. Например, американские практикующие белые католики в большинстве поддерживают Трампа из-за позиции по абортам, семейной политике и гомосексуальным бракам, в то время как Ватикан резко осуждает Д. Трампа из-за позиции по мигрантам (папа Франциск даже фактически заявил, что Трамп – не христианин, если строит стены [32]) и явно предпочитает Джо Байдена.

Иногда складывается ситуация действительно парадоксальная – людей церковных, таких как итальянский политик Маттео Сальвини, Ватикан объявляет плохими католиками. Лояльность церковное начальство (конференция епископов Италии) проявляет по отношению в основном к безрелигиозным левым силам, призывая голосовать против “Лиги” Сальвини из-за его антииммигрантской политики [33].

В католической среде существует критика папы не только с идентистских позиций, но и с позиций антиидентистских, за недостаточный либерализм. Центр этой либеральной оппозиции – Германия и Австрия. Конференция католических епископов Германии в 2019 г. объявила о начале “синодального процесса” (или “синодального пути”), в рамках которого было предложено фактически продолжить либерализацию учения церкви, начатую Франциском. Кардинал Рейнхард Маркс, глава архидиоце-

за Мюнхена и Фрайзинга, в 2014–2020 гг. – глава Конференции немецких епископов, объяснил, что необходимо изменить учение церкви о сексуальной морали, надо обсуждать вопрос безбрачия духовенства, а также ограничить власть клириков во избежание злоупотреблений. “Синодальный процесс” был запущен совместно с крупнейшей общественной организацией “Центральный комитет немецких католиков” [34]. Новый глава Конференции немецких епископов (с 2020 г.) епископ Лимбургский Георг Батцинг призвал постепенно признать однополые браки нормой, хотя это противоречит положениям Катехизиса католической церкви. Именно Батцинг отвечал за рабочий документ о сексуальной морали в рамках “синодального процесса”, где, в частности, защищалось использование контрацепции, а мораль в отношениях полов рассматривалась как “жизненный опыт любящих людей”. Батцинг допустил брак для духовенства и преподание причастия для христиан всех конфессий на мессе. В интервью после назначения главой Конференции единственным пунктом, по которому Батцинг проявил твердость, оказалась невозможность женского священства, поскольку папы римские, и в частности Иоанн Павел II, слишком определенно высказывались по этому поводу.

Феминистское движение либерального толка также существует внутри католицизма. Так, в 2020 г. во Франции женщина-теолог Анна Супа даже представила свою кандидатуру на пост архиепископа Лионского, понимая, что ее утверждение невозможно и что сама новость лишь привлечет внимание к правам женщин в церкви. Всемирная организация ординации женщин периодически устраивает демонстрации в Риме с требованием рукоположения женщин. В США Конференция за ординацию женщин заявляла о том, что папа Франциск справедливо уделяет большое внимание экологии, но недооценивает женский вопрос [35, 36, 37, 38].

В результате внутренних противостояний католическая церковь, несмотря на до сих пор сохраняющуюся идейную мощь, при папе Франциске очень часто оказывается неспособной на успешное политическое лоббирование во многих странах, если не в большинстве.

Наконец, третья группа – православные церкви и Англиканская церковь в Англии в какой-то степени близки лютеранским странам Северной Европы, а в какой-то – католической церкви. Православные церкви в большей степени, чем католические, зависят от светских властей и, шире, доминирующих в обществе элит. Однако эволюция позиции православных церквей в 2010-е годы показывает, что на практике они более свободны

в своей политической деятельности, чем государственные лютеранские церкви Северной Европы.

Аналогично положение Англиканской церкви. Она и создана была как плод компромисса между сторонниками высокой и низкой церкви. На протяжении веков какие только течения и фракции в нее не входили, долгое время, например, методисты. Англичане видят в своей церкви скрепу национального единства и символ национальной идентичности. В ней полноправно присутствуют люди, открыто заявляющие, что они не верят в Бога, и люди, считающие истинным каждое слово Библии. Несмотря на то что “либералы” в настоящее время господствуют в церкви Англии, либеральное большинство сохраняет за консерваторами право публично отстаивать свою позицию, оставаясь в лоне церкви. К примеру, в 2019 г. более 400 священников и епископов обратились с письмом к руководству церкви Англии, в котором высказали сожаление по поводу того, что оно недостаточно отстаивает позицию церкви против абортот. Консервативное духовенство в противовес руководству церкви Англии призвало выступить против лейбористов и либеральных демократов, которые планируют легализовать аборт [39].

В направлении становления таких же общенациональных церквей движутся и православные церкви. Церковное руководство постепенно смиряется, а власти привыкают к тому, что церковь – это собрание людей с очень разными взглядами и на вероисповедные, и на политические проблемы. Причем преобладающие убеждения в православных церквях очень заметно различаются.

Церкви России, Сербии, Молдавии, Белоруссии консервативны, церкви Румынии, Финляндии значительно либеральнее.

В Румынии, например, с 2000-х годов стал широко обсуждаться вопрос о повторной женитьбе для священников после развода, если он был по инициативе супруги. В отдельных случаях это священникам позволяли епископы, а от консервативных архиереев, которые лишали таких клириков прихода, второбрачных священников защищали их прихожане [40]. В Финляндии в рамках православной церкви существует ряд движений, которые выступают за диалог с ЛГБТ-сообществом и возможность принятия гомосексуалистов в общины. Это движения “Единение” и “Общество радуги”, созданные в 2003 г. [41]. Их поддерживает либеральное крыло Финской православной церкви, которое терпимо относится к легализации однополых браков. Им противостоят консерваторы в лице финского “Братства святого Космы Этолийского” и фонда “Всех святых, на Святой горе Афон просиявших” [42].

Константинопольский патриархат имеет основную массу прихожан в США и Австралии, куда

от консервативной королевской власти и хунты черных полковников в первую очередь бежали греческие мигранты левых взглядов в прошлом веке. Политические и общественные лидеры греческой общины США с середины XX в. накрепко связали себя с Демократической партией — партией этнических меньшинств. Соответственно, и церковное руководство — архиепископия, объединяющая греческие православные епархии США, ориентируется на либеральную политическую программу Демократической партии. Архиепископ Нью-Йорка Елпидофор, глава архиепископии, выступил в августе 2020 г. на съезде Демократической партии в поддержку Байдена, по факту таким образом, он солидаризировался с антиидентистским курсом.

Одним из популярных на Западе и на постсоветском пространстве центров либеральной теологии в православии является Центр по изучению православного христианства Университета Фордхэма в Нью-Йорке и созданный им портал “Публичное православие”. Основателями центра являются греческие богословы Аристотель Папаниколау и Джордж Демакопулос [43]. Под эгидой Центра в 2019 г. в Оксфорде была проведена конференция о гендере и сексуальности в православии с участием ЛГБТ-активистов. Самые острые вопросы об однополых браках, сексуальной морали в целом, “теологии эротики” широко обсуждаются на портале [44]. Сайт “Публичное православие” также поддержал сербского священника Вукасина Миличевича, запрещенного в служении в марте 2020 г. за критику действий Сербской патриархии в ходе борьбы с пандемией коронавируса (Миличевич выступал против проведения Евхаристии и заявлял о возможности заразиться через причастие). В связи с коронакризисом в архаичности авторы сайта обвиняют и Русскую православную церковь, многие клирики которой также не стали полностью исполнять правила карантина [45]. После убийства Дж. Флойда в мае 2020 г. в США основатели Центра в Фордхэме А. Папаниколау и Д. Демакопулос призвали православных поддержать возникшее движение “Черные жизни имеют значение”, приветствовали участие в бруклинской манифестации *BLM* архиепископа Елпидофора, главы греческой епархии в Нью-Йорке. По мнению Папаниколау и Демакопулоса, православные не до конца понимают моральное значение движения за права человека — «нашим внукам не должно быть стыдно, что мы оказались на неправильной стороне и не приняли дух морально и богословски убедительного движения “Черные жизни имеют значение”» [46]. Соответственно, греческие богословы также выступают против Д. Трампа. Советуя, как христианам жить во времена Трампа, А. Папаниколау подчеркивает: “Трамп делал конкретные заявления, которые пугают многих людей. Христиане не могут

просто игнорировать эти заявления как пустую риторику. Христиане должны использовать свой пророческий голос. Если они этого не делают, то они замешаны в расизме, сексизме, женоненавистничестве, антисемитизме, гомофобии и издевательствах над людьми. Без пророчества христианское свидетельство — неудача” [47].

В самой Греции церковь заметно консервативнее. Тем не менее в отношениях Греческой и Константинопольской церквей, как и во многих других случаях, главную роль играет стремление к церковному и этническому единству, а не единству взглядов.

В общественном мнении широко распространено представление о том, что православные церкви среди всех христианских церквей самые бесправные и послушные светской власти. В последнее время было достаточно фактов, которые убеждают, что эта послушность довольно относительна. Яркий пример — Украина. Несмотря на грубое давление президента П. Порошенко, его попытки создать карманную Православную церковь фактически окончились провалом. В созданную украинскими властями “церковь” вошла малочисленная группа националистов. Аналогичным образом попытки властей Черногории и Северной Македонии создать послушные себе церкви, представляющие собой религиозную идеологическую службу правящей элиты, напоролась на ожесточенное сопротивление верующих [48]. Практически во всех православных странах видные представители духовенства, а часто и руководство выступают с осуждением социально-экономической политики правительства. Отказ заметного числа верующих практически во всех странах, где православие — основная национальная церковь, следовать запрету на участие в богослужениях из-за принципа самоизоляции от коронавируса [49] — еще один существенный пример самостоятельности православных и потенциала их критического отношения к власти.

Христианские церкви, несмотря на существование либеральных фракций, по преимуществу в современной политике — традиционалистская сила. Из-за принципиальных идейных различий консолидация разнородных христианских сил — сложная задача. Однако определенное движение в этом направлении существует. Евангелики, традиционные католики, все-таки составляющие в католической церкви большинство, а также большинство православных — серьезная политическая и, что, может быть, важнее, идейная сила.

Анализ роли христианства в контексте трансформации неолиберального порядка позволяет поставить жизненно важные вопросы, касающиеся и других религий, уже выходящие за рамки на-

шего исследования. Связана ли популярность буддизма и индуизма в Европе или ее отсутствие с их адаптацией к антиидентизму? С противостоянием каким “западным ценностям” связан исламский фундаментализм и что стоит за отсутствием адаптации ислама к “либеральной демократии”, то есть к антиидентизму (хотя рыночные нормы и демократические институты в исламских странах вполне присутствуют)? Все это позволяет по-новому

взглянуть на роль религии и традиционализма в современном обществе. Противостояние религии с антиидентизмом показало, что ее не так просто переделать в угоду одной идеологии. Христианство как один из источников либеральных ценностей вполне способно сыграть одну из ключевых ролей в формировании более сбалансированного понимания либерализма, форм и пределов ограничения свободы и демократии в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Мексика потребовала извинений у католической церкви за ее роль в завоевании региона 500 лет назад. *Коммерсант*, 11.10.2020. [Mexico has demanded an apology from the Catholic Church for its role in conquering the region 500 years ago. *Kommersant*, 11.10.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4528943> (accessed 10.01.2021).
2. Фаустова М. Борьба с расизмом превращается в борьбу с христианством. *НГ-Религии*, 04.08.2020. [Faustova M. The fight against racism turns into a fight against Christianity. *NG-Religii*, 04.08.2020. (In Russ.)] Available at: https://www.ng.ru/ng_religii/2020-08-04/11_491_racism.html (accessed 10.01.2021).
3. Скрипунов А. “Ненависть ко всему чужому”. Миллионы людей примыкают к новой религии. *РИА Новости*, 15.07.2020. [Skripunov A. “Hatred of everything alien”. Millions of people join the new religion. *RIA News*, 15.07.2020. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20200715/1574358380.html> (accessed 10.01.2021).
4. Женева: рядом с могилой Жана Кальвина перезахоронят тело проститутки. *Благовест*, 03.03.2009. [Geneva: next to the grave of Jean Calvin, the body of a prostitute will be reburied. *Blagovest*, 03.03.2009. (In Russ.)] Available at: <http://blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=26046> (accessed 10.01.2021).
5. Freeman H. “Tradwives”: the new trend for submissive women has a dark heart and history. *The Guardian*, 27.01.2020. Available at: <https://www.theguardian.com/fashion/2020/jan/27/tradwives-new-trend-submissive-women-dark-heart-history> (accessed 10.01.2021).
6. Baptist Hate-Preacher Spends Mother’s Day Preaching That “Feminism is a Plague”. *Friendly Atheist*, 11.05.2020. Available at: <https://friendlyatheist.patheos.com/2020/05/11/baptist-hate-preacher-spends-mothers-day-preaching-that-feminism-is-a-plague/> (accessed 10.01.2021).
7. Феминизм опасен для семьи и создает условия для содомии, считают в Ватикане. *Седмица.RU*, 02.08.2004. [Feminism is dangerous for the family and creates conditions for sodomy, according to the Vatican. *Sedmitsa.RU*, 02.08.2004. (In Russ.)] Available at: <https://sedmitza.ru/text/310205.html> (accessed 10.01.2021).
8. Thousands rally to demand gender equality in National Feminist Strike. *Buenos Aires Nimes*, 09.03.2020. Available at: <https://www.batimes.com.ar/news/argentina/thousands-gather-for-national-feminist-strike-to-demand-equality.phtml> (accessed 10.01.2021).
9. Феминистки в Северной Ирландии требуют легализации абортов. *Седмица.RU*, 25.05.2016. [Feminists in Northern Ireland demand legalisation of abortion. *Sedmitsa.RU*, 25.05.2016. (In Russ.)] Available at: <http://www.sedmitza.ru/text/6329886.html> (accessed 10.01.2021).
10. Тюрьма за цветы и добрые слова: канадку судят за мирную борьбу с абортами. *Седмица.RU*, 13.06.2017. [Prison for flowers and kind words: Canadian woman is tried for peaceful fight against abortion. *Sedmitsa.RU*, 13.06.2017. (In Russ.)] Available at: <http://www.sedmitza.ru/text/7269161.html> (accessed 10.01.2021).
11. “Если не гей – в тюрьму”. Христиан в США и Европе преследуют за проповеди. *РИА Новости*, 28.03.2018. [“If you’re not gay, go to jail”. Christians in the United States and Europe are persecuted for preaching. *RIA News*, 28.03.2018. (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20180328/1517405504.html> (accessed 10.01.2021).
12. Florida State student government removes president for privately stating Catholic teaching on LGBT issues. *The College Fix*, 08.06.2020. Available at: <https://www.thecollegefix.com/florida-state-student-government-removes-president-for-privately-stating-catholic-teaching-on-lgbt-issues/> (accessed 10.01.2021).
13. A More Secular Europe, Divided by the Cross. *The New York Times*, 17.06.2013. Available at: <https://www.nytimes.com/2013/06/18/world/europe/a-more-secular-europe-divided-by-the-cross.html> (accessed 10.01.2021).
14. Европейский суд по правам человека разбирает дело об изъятии Распятый из детских садов Австрии. *Седмица.RU*, 25.10.2011. [European Court of Human Rights hears case on removal of Crucifixes from kindergartens in Austria. *Sedmitsa.RU*, 25.10.2011. (In Russ.)] Available at: <http://www.sedmitza.ru/text/2551996.html> (accessed 10.01.2021).
15. В Базеле атеисты требуют убрать подсветку католической церкви. *Седмица.RU*, 15.09.2014. [In Basel, atheists demand to remove the lighting of the Catholic Church. *Sedmitsa.RU*, 15.09.2014. (In Russ.)] Available at: <http://www.sedmitza.ru/text/5073381.html> (accessed 10.01.2021).
16. A More Secular Europe, Divided by the Cross. *The New York Times*, 17.06.2013. Available at: <https://www.nytimes.com/2013/06/18/world/europe/a-more-secular-europe-divided-by-the-cross.html> (accessed 10.01.2021).
17. Luxmoore J. Anti-Catholic climate worsens in France. *The Tablet*, 21.03.2019. Available at: <https://www.thetablet.co.uk/news/11475/anti-catholic-climate-worsens-in-france-> (accessed 10.01.2021).

18. Фурман Д.Е. *Религия и социальные конфликты в США*. Москва, Наука, 1981. 256 с. [Furman D.E. *Religion and social conflicts in USA*. Moscow, Nauka, 1981. 256 p. (In Russ.)]
19. Douthat R. Can Liberal Christianity Be Saved? *The New York Times*, 14.07.2012. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/07/15/opinion/sunday/douthat-can-liberal-christianity-be-saved.html> (accessed 10.01.2021).
20. Haskell D. Liberal churches are dying. But conservative churches are thriving. *The Washington Post*, 04.01.2017. Available at: <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2017/01/04/liberal-churches-are-dying-but-conservative-churches-are-thriving/> (accessed 10.01.2021).
21. Burke D. The Methodist Church will probably split in two over homosexuality, and that's bad for all of us. *CNN*, 17.01.2020. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/01/17/us/united-methodist-church-split-hristianity/index.html> (accessed 10.01.2021).
22. The Catholic church in America is as politically divided as the country. *The Economist*, 08.09.2018. Available at: <https://www.economist.com/united-states/2018/09/06/the-catholic-church-in-america-is-as-politically-divided-as-the-country> (accessed 10.01.2021).
23. North American Baptist Covenant. *Guided Bible Studies for Hungry Christians*, 25.04.2015. Available at: <https://guidedbiblestudies.com/?p=2765> (accessed 10.01.2021).
24. Liberal Baptists unite to change conservative image. *East Bay Times*, 30.06.2007. Available at: <https://www.eastbaytimes.com/2007/06/30/liberal-baptists-unite-to-change-conservative-image/> (accessed 10.01.2021).
25. Confederate monuments' removal praised by Southern Baptists. *Baptist Press*, 08.06.2020. Available at: <https://www.brnow.org/news/confederate-monuments-removal-praised-by-southern-baptists/> (accessed 10.01.2021).
26. McCaughan P. Episcopalians say Trump's DACA decision is not the last word. *Episcopal News Service (ENS)*, 05.09.2017. Available at: <https://www.episcopalnewsservice.org/2017/09/05/episcopalians-say-trumps-daca-decision-is-not-the-last-word/> (accessed 10.01.2021).
27. Евангелическая церковь Бразилии назвала панику из-за коронавируса "тактикой сатаны" и выступила против самоизоляции. *TV BRICS*, 19.05.2020. [The Evangelical Church of Brazil called the coronavirus scare "Satan's tactics" and opposed self-isolation. *TV BRICS*, 19.05.2020. (In Russ.)] Available at: <https://tvbrics.com/shows/brics-doma-evangelicheskaya-tserkov-brazilii-nazvala-paniku-iz-za-koronavirusa-taktikoy-satany-i-vys/> (accessed 10.01.2021).
28. В Швеции епископ-лесбиянка призвала убрать кресты с церквей, чтоб не обижать мусульман. *Седмица.RU*, 08.10.2015. [In Sweden, a lesbian bishop called for the removal of crosses from churches so as not to offend Muslims. *Sedmitsa.RU*, 08.10.2015. (In Russ.)] Available at: <http://www.sedmitza.ru/text/5926673.html> (accessed 10.01.2021).
29. Молчание пастырей. *Der Spiegel*, 27.09.2018. [Silence of the pastors. *Der Spiegel*, 27.09.2018. (In Russ.)] Available at: <https://inosmi.ru/longread/20180927/243342357.html> (accessed 10.01.2021).
30. Фаустова М. Папа Франциск пресек заговор кардиналов против "мирового правительства". *Независимая газета*, 19.05.2020. [Faustova M. Pope Francis has stopped the cardinals 'plot against the "world government"'. *Nezavisimaya gazeta*, 19.05.2020. (In Russ.)] Available at: http://www.ng.ru/facts/2020-05-19/9_486_conspiracy.html (accessed 10.01.2021).
31. Поляки могут оказаться слишком консервативными для папы римского. *Коммерсантъ*, 30.07.2016. [Poles may be too conservative for the pope. *Kommersant*], 30.07.2016. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3052497> (accessed 10.01.2021).
32. Pope Francis questions Donald Trump's Christianity. *BBC NEWS*, 18.02.2016. Available at: <https://www.bbc.com/news/election-us-2016-35607597> (accessed 10.01.2021).
33. Гуркин С. Епископы против Сальвини. Предвыборные споры о христианстве в ЕС. *REGNUM*, 21.05.2019. [Gurkin S. Bishops against Salvini. Pre-election debate about Christianity in the EU. *REGNUM*, 21.05.2019. (In Russ.)] Available at: <https://regnum.ru/news/society/2632727.html> (accessed 10.01.2021).
34. Немецкие епископы объявили о начале "синодального процесса" по вопросам безбрачия и сексуальной морали. *Седмица.RU*, 16.03.2019. [German bishops have announced the start of a "synodal process" on celibacy and sexual morality. *Sedmitsa.RU*, 16.03.2019. (In Russ.)] Available at: <https://www.sedmitza.ru/text/8780505.html> (accessed 10.01.2021).
35. Новый глава католического епископата Германии выступает за признание гомосексуализма нормой. *Седмица.RU*, 23.04.2020. [The new head of the Catholic Episcopate of Germany supports the recognition of homosexuality as the norm. *Sedmitsa.RU*, 23.04.2020. (In Russ.)] Available at: <http://www.sedmitza.ru/text/9727848.html> (accessed 10.01.2021).
36. La Croix (Франция): теолог Анн Супа претендует на пост архиепископа Лионского. *La Croix*, 26.05.2020. [La Croix (France): theologian Anne Soupa claims to be Archbishop of Lyon. *La Croix*, 26.05.2020. (In Russ.)] Available at: <https://inosmi.ru/social/20200526/247493928.html> (accessed 10.01.2021).
37. "Save Catholic church" by lifting ban on female priests, activists say. *The Guardian*, 22.10.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/22/catholic-church-lift-ban-on-female-priests-activists-say> (accessed 10.01.2021).
38. White Ch. Protestors seek female ordination during Women's Day march in New York. *CRUX*, 10.03.2020. Available at: <https://cruxnow.com/church-in-the-usa/2020/03/protestors-see-female-ordination-during-womens-day-march-in-new-york/> (accessed 10.01.2021).
39. Church of England under pressure to publicly oppose Labour and Lib Dem plans to liberalise abortion laws. *The Telegraph*, 12.07.2019. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/12/07/church-england-pressure-publicly-oppose-labour-lib-dem-plans/> (accessed 10.01.2021).
40. Turcescu L., Stan L. Religion, Politics and Sexuality in Romania. *Europe-Asia Studies*, 2005, vol. 57 no. 2, pp. 291-310. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668130500051924>

41. A Report on the Homosexuality Debate in the Orthodox Church of Finland. *Антимодернизм.ру*, 15.01.2010. Available at: <https://antimodern.wordpress.com/2010/01/15/finn-2/> (accessed 10.01.2021).
42. Немного Афона в финском лесу. *Водаживая*, 10.07.2015 [A little Athos in the Finnish forest. *Vodazhivaya*, 10.07.2015. (In Russ.)] Available at: <http://aquaviva.ru/journal/nemnogo-afona-v-finskom-lesu> (accessed 10.01.2021).
43. *About the Orthodox Christian Studies Center*. Fordham University, 10.01.2020. Available at: https://www.fordham.edu/info/23002/about_the_orthodox_christian_studies_center (accessed 10.01.2021).
44. Papanikolaou A. "Orthodox morality" on sex or an ethics of sex? Part two: a theology of the erotic. *Public Orthodoxy*, 20.09.2018. Available at: <https://publicorthodoxy.org/2019/11/06/theology-of-the-erotic/> (accessed 10.01.2021).
45. Elsner R. The Russian Orthodox Church and coronavirus rethinking the question of "relevance to the system". *Public Orthodoxy*, 05.11.2020. Available at: <https://publicorthodoxy.org/2020/05/11/russian-orthodox-church-and-coronavirus/> (accessed 10.01.2021).
46. Papanikolaou A., Demacopoulos G. Orthodox Christianity, systematic racism and the wrong side of history. *Public Orthodoxy*, 06.04.2020. Available at: <https://publicorthodoxy.org/2020/06/04/orthodox-christianity-systemic-racism-and-the-wrong-side-of-history/#more-6998> (accessed 10.01.2021).
47. Papanikolaou A. Being christian during a Trump presidency. *Public Orthodoxy*, 11.11.2016. Available at: <https://publicorthodoxy.org/2016/11/11/christian-during-trump-presidency/> (accessed 10.01.2021).
48. Лункин Р.Н. Борьба церкви и власти в Черногории: игры авторитарного национализма. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2020, № 1, сс. 100-107. [Lunkin R.N. The struggle between Church and government in Montenegro: Games of authoritarian nationalism. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2020, no. 1, pp. 100-107. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12020100107>
49. Лункин Р.Н. Механизмы религиозной реакции на пандемию коронавируса. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2020, № 2, сс. 104-109. [Lunkin R.N. Mechanisms of religious response to the coronavirus pandemic. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2020, no. 2, pp. 104-109. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22020104109>

CHRISTIAN CHURCHES AND THE ANTIIDENTIST REVOLUTION

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 97-108)

Received 10.01.2021.

Roman N. LUNKIN (romanlunkin@gmail.com),

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IE RAS), 11/3, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation.

Sergei B. FILATOV (sfilatov2006@yandex.ru),

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IOS RAS), 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation.

The article analyzes the ideological contradictions of liberal democracy, or neoliberalism (antiidentism), and traditionalism (identism) on the example of Christian churches. Antiidentism considers traditional religiosity to be hostile: it should be reformed to conform to neoliberal values, and it should be banished from public space. At the same time, antiidentism does not want to eliminate religion, because it is one of the identities that have to be redone like other human identities. The article examines anti-Christian movements (like the "Black Lives Matter") as well as conservative and liberal movements within various confessions. The authors emphasize that the antiidentist demands are based on the Christian values of respect for any person, for women and men, regardless of anything, for humane methods of raising children, mercy for any categories of people, regardless of their sexual orientation, etc. On the other hand, the demands of antiidentists go far beyond Christian principles and even common sense (not to quote inconvenient passages of the Bible, to change the rules of church life and the appointment of clergy). The article proposes a classification of confessions by direction and by territorial feature, depending on specifics of divisions based on the attitude to antiidentism (American Churches, the Catholic Church, Lutherans and Anglicans as well as diversity of Orthodox churches that are also touched by the antiidentist wave). The authors conclude that the Christian churches, despite the existence of liberal factions, are primarily a traditionalist force in modern politics. Because of fundamental ideological differences, the consolidation of diverse Christian forces is a difficult task. However, there is some progress in this direction. Evangelicals, traditional Catholics, who make up the majority of the Catholic Church, as well as the majority of Orthodox Christians, are a serious political and, what perhaps more important, ideological force.

Keywords: liberal democracy, traditionalism, antitraditionalism, problems of identity, Christianity, sexual morality, gender policy.

About authors:

Roman N. LUNKIN, Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Head of the Center for Religious Studies; Editor-in-Chief of the "Contemporary Europe" journal.

Sergei B. FILATOV, Candidate of History, Senior Researcher, Head of the project "Encyclopedia of Religious Life in Russia Today".

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108

АВТОРИТАРИЗМ XXI ВЕКА: АНАЛИЗ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ЦЕЛЕВОЙ ПАРАДИГМЕ

© 2021 г. Ю. Нисневич

*НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич, доктор политических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101100 Москва, ул. Мясницкая, 20
(jnisnevich@hse.ru).*

Статья поступила в редакцию 15.01.2021.

Статья посвящена исследованию современного авторитаризма в институционально-целевой парадигме. Представлен типологический анализ современных авторитарных режимов с выделением четырех категориальных групп – авторитарные монархии, коммунистические режимы, постколониальные диктаторы и неоавторитарные режимы. Последняя группа разделена на две подгруппы: трансформационные и постсоветские режимы. В качестве актуального направления исследований предлагается анализ современных практик авторитарного правления с учетом политико-исторической динамики влияющих на них эндо- и экзогенных факторов, обусловленных постиндустриальным цивилизационным транзитом.

Ключевые слова: авторитаризм, институционально-целевая парадигма, авторитарная монархия, коммунистический режим, диктатура, неоавторитарный режим.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-109-119

В политической науке авторитаризм стал самостоятельным значимым объектом исследования со второй половины XX в. Первоначально он получил концептуальную интерпретацию как категория между тоталитаризмом и демократией, что нашло отражение в предложенной в 1975 г. Х. Линцем классификации политических режимов [1], которая в дальнейшем обрела широкое признание в форме классической классификации Линца–Степана [2].

При этом с начала в 1974 г. третьей волны демократизации [3] и практически до конца XX в. в политической науке основное внимание уделялось демократии в парадигме демократического транзита. В этой парадигме рассматривались и отличные от демократических режимы нового типа, которые стали возникать в ряде стран после падения тоталитарных режимов и диктатур, что привело к появлению феномена “демократия с прилагательными” [4]. Однако по мере того как становилось понятно, что парадигма демократического транзита не вполне адекватна политическим реалиям [5], в частности, что сущностью проявившихся режимов нового типа выступает не демократия, а авторитаризм, исследовательский интерес к авторитаризму стал заметно возрастать. Об этом наглядно свидетельствует динамика нарастания количества ежегодных публикаций, посвященных проблематике авторитаризма, которая представлена на рис. 1. При этом общее количество таких публикаций начиная с 2001 г. составило более 110 тыс.

Еще одним фактором возрастания исследовательского интереса к авторитаризму стало то,

что третья волна демократизации к концу XX в. явно пошла на спад [6]. По версии *Freedom House* к началу XXI в. процесс демократизации достиг своеобразного насыщения, вышел на плато по количеству электоральных демократий – государств, правящие режимы в которых удовлетворяют минималистскому пониманию демократии И. Шумпетера, и далее приобрел характер расходящихся колебаний, что может свидетельствовать о неустойчивости этого процесса на текущем этапе политико-исторического развития (рис. 2).

При этом по состоянию на 2019 г. недемократические политические режимы остаются правящими в 80 (41.5%) из 193 суверенных государств – членов ООН, в которых, по данным Всемирного банка, проживает 3854.581 млн человек, что составляет 50.2% всего населения планеты.

Принципиально важное значение имеет и тот факт, что в условиях начавшегося с конца XX в. постиндустриального цивилизационного транзита [7] правящие авторитарные режимы постоянно мимикрируют, прежде всего под воздействием интенсивно изменяющихся экзогенных факторов, обусловленных кардинальными трансформациями поля мировой политики, и поэтому требуют особого внимания и новых подходов к их исследованию.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В качестве основных направлений в современных исследованиях авторитаризма выделяются совершенствование классификации и измерения

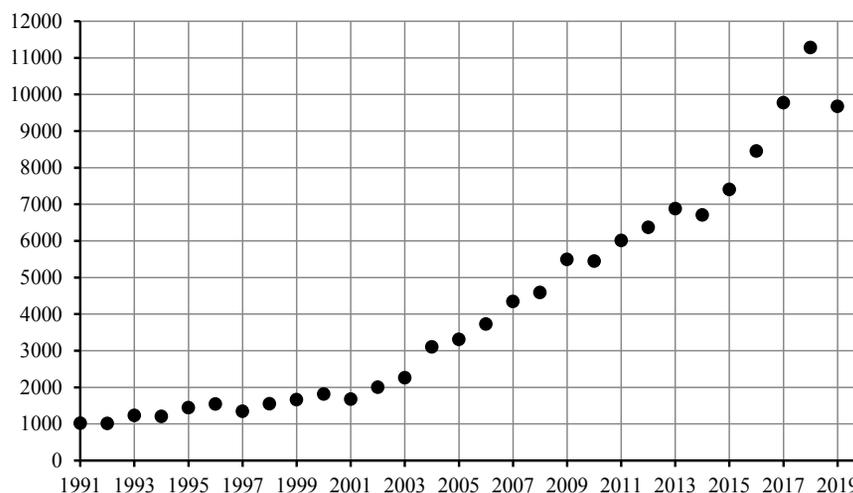

Рис. 1. Количества ежегодных публикаций, посвященных проблематике авторитаризма, 1991–2019 гг.

Составлено автором на базе электронного каталога библиотеки НИУ ВШЭ.

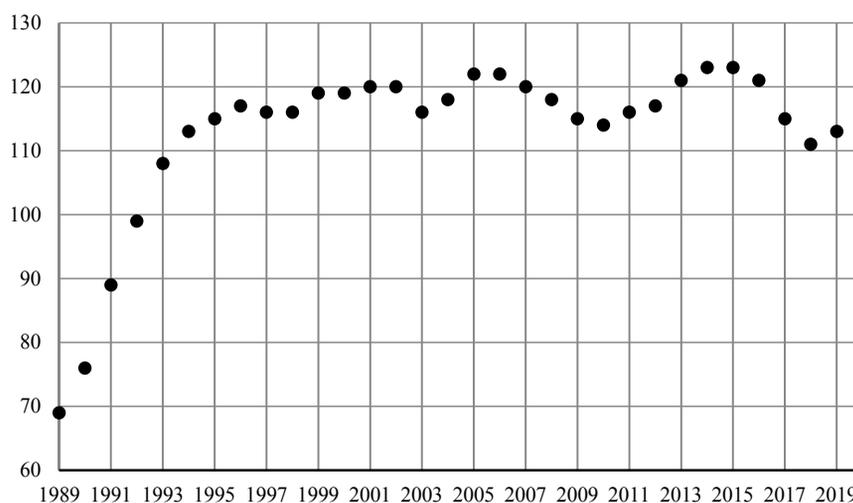

Рис. 2. Процесс изменения количества электоральных демократий, 1989–2019 гг.

Составлено автором по данным *Freedom House*.

авторитарных режимов, а также анализ факторов, влияющих на их устойчивость и выживаемость [8, 9]. При этом открытым остается вопрос о концептуализации и определении в рамках различных исследовательских парадигм того, что есть авторитаризм в его современной ипостаси.

Для классификации и измерения авторитарных и в целом политических режимов используются два подхода: непрерывный и категориальный [10].

При непрерывном подходе авторитарные режимы рассматриваются в линейной концепции и размещаются на непрерывной шкале от тоталитарного/полностью авторитарного режима до режима полной демократии [9]. Достаточно широкий спектр таких классификаций опирается на понятие “серая зона” (*gray zone*) [5, 11] между однозначно

авторитарными диктаторскими режимами и режимами электоральной (минимальной) демократии. Для описания режимов в этой зоне используются понятия “гибридный режим” [12], “соревновательный авторитаризм” [13], “электоральный авторитаризм” [14] и им подобные, что порождает феномен “авторитаризм с прилагательными”, подобный феномену “демократия с прилагательными”. Линейная концепция является наиболее распространенной и используется для оценки (измерения) политических режимов на основе комбинированных индексов, в частности таких как *Polity 5* [15] и Индекс демократии *The Economist Intelligence Unit* [16], комбинации индексов гражданских свобод и политических прав (свободные, частично свободные, несвободные страны) *Freedom House* [17], а также в рамках классификации “Режимы мира” (*RoW*),

опирающейся на самую масштабную по временному охвату базу данных политических режимов “Варианты демократии” (*V-Dem*), которая включает данные для 197 государств с 1900 по 2016 г. [18]¹.

Категориальный подход основан на дихотомической классификации режимов — демократические и недемократические [19, 20]. При этом все авторитарные режимы рассматриваются как имеющие равный уровень “авторитарности” [21], поэтому их различают только по обобщенным моделям — типам режимов.

Наиболее широкое распространение имеет предложенный Б. Геддес акторный подход, при котором типология определяется тем, кто правит, то есть типом правящего политического актора [8, 9]. Геддес упрощает типологию авторитарных режимов и выделяет четыре типа диктатур: персоналистскую, партийную, военную и монархическую. Разработчики базы данных политических режимов “Демократия—Диктатура” (*Democracy—Dictatorship*) к признаку типологизации авторитарных режимов, предложенному Геддес, добавляют еще и такой признак, как институт, в котором сосредоточено руководство правящим режимом — политическое святилище (*inner sanctums*) [22]. При этом они еще больше упрощают типологизацию авторитарных режимов и выделяют всего три типа диктатур: монархическую, военную и гражданскую. Развитием предложенной Геддес категориальной классификации посредством добавления институционального компонента является и классификация авторитарных режимов, используемая в “Базе данных авторитарных режимов” (*Authoritarian Regimes Dataset, ARD*) [23]. В этой классификации выделяются также три основных типа авторитарных режимов: монархический, военный и электоральный, который в свою очередь подразделяется на непартийный, однопартийный и многопартийный. Вместе с тем в обеих классификациях, развивающих классификацию Геддес, персоналистский тип режима отсутствует, так как авторы этих классификаций полагают, что персонализация в том или ином виде характерна для всех типов авторитарных режимов.

Упрощенная (огрубленная) категориальная классификация авторитарных режимов используется их авторами для расширения временных (включая ретроспективные) и пространственно-географических границ поля исследования устойчивости и выживаемости таких режимов. При этом применяются количественные, в том числе математико-статистические, методы анализа без погружения в специфику политических практик

¹ По последней информации, база *V-Dem* включает данные для 202 государств за период 1789–2019 гг. Available at: <https://www.v-dem.net/en/data/data-version-10/> (accessed 10.12.2020).

и механизмов функционирования авторитарных режимов. Одновременно концептуализация понятия авторитарного режима также упрощается до его интерпретации как “основных неформальных и формальных правил, которые определяют, какие интересы представлены в авторитарной группе лидеров и могут ли эти интересы ограничивать диктатора” [21, p. 314].

Адекватность такой исследовательской стратегии для анализа авторитаризма XXI в. вызывает определенные сомнения. Насколько правомерным является включение в исследования (и прежде всего количественно) сопоставимых и равнозначных авторитарных режимов, даже относящихся к одному из указанных выше категориальных типов и правящих в одном государстве, но в разные политико-исторические периоды, без учета происходящих под воздействием эндо- и экзогенных факторов трансформаций политических институтов и практик, обеспечивающих функционирование режима.

СОВРЕМЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ЦЕЛЕВОЙ ПАРАДИГМЕ

В рамках институционально-целевой парадигмы современный авторитаризм может быть определен как форма организации политических и государственных порядков, основанная на использовании неформальных практик ради сохранения власти правящего политического актора (индивидуального или коллективного) и перераспределения общенациональных ресурсов в его интересах. В то же время авторитарный режим — это режим, реализующий в политическом и государственном управлении те или иные неформальные практики, в том числе искажающие смысл и содержание формальных институтов, для достижения своих замыслов.

Исторически основным механизмом авторитарного правления было и остается государственно-властное принуждение вплоть до прямого физического насилия. При этом современные авторитарные режимы осуществляют политический мотивированное принуждение как путем непосредственно неформальных практик запугивания, физического насилия (от избиений до убийств) и выдворения за границу оппозиционных деятелей и журналистов, так и используя формальные институты — органы правоохранительной системы, надзорные и контрольные органы государства в политических целях для преследования оппонентов правящего режима и подавления акций протеста против его решений и действий.

Современный авторитаризм наряду с государственно-властным принуждением применяет в по-

литическом и государственном управлении и другие механизмы, а также в ограниченных пределах конкуренцию в определенных секторах экономики.

Авторитарному правлению всегда сопутствовала и сопутствует коррупция во всех ее экономических и политических проявлениях. В исторических автократиях коррупция существовала как в форме фаворитизма — неформальной практики “политического управления” в непосредственном окружении правителя, так и в форме взяточничества на различных уровнях власти, но играла лишь дополняющую властное принуждение роль в поддержке и укреплении власти правителей.

Коррупция как один из неотъемлемых атрибутов и ключевых механизмов современных авторитарных режимов [24] стала отчетливо проявляться в политологических исследованиях с конца 1960-х годов и полностью “вышла из тени” дипломатии холодной войны как общемировая проблема в середине 1990-х. При этом стало понятно, что коррупция как неформальная политическая практика имеет широкое распространение и носит системный характер. Сегодня коррупционные практики применяются в авторитарной политике не только для реализации стратегии “разделяй и властвуй” с целью удержания власти [25, р. 164], но и более масштабно. Политическая коррупция (в англоязычной терминологии *political corruption*) в таких ее проявлениях, как электоральная коррупция и политический nepotизм, широко используется для целенаправленной деформации политических и государственных институтов, в частности института выборов, парламента и др., а государственно-политическая коррупция (в англоязычной терминологии *state policy corruption*) — для деформации в интересах правящего политического актора государственной политики в смысле стратегии, курса развития общества и государства [26].

Еще один механизм, свойственный современному авторитаризму, — манипулирование общественным мнением посредством воздействия на массовое сознание с целью обеспечения поддержки правящего режима. Его “прародительница” очевидна — это государственная идеологическая пропаганда, органически присущая тоталитаризму. Действительно и сегодня основой воздействия на массовое сознание служат описанные еще в 1936 г. классические методы и приемы такой пропаганды, включая целенаправленное искажение событийной информации и цензурирование сообщений СМИ [27].

Манипулирование общественным мнением как неформальная политическая практика проектируется “черными” информационно-политическими технологиями [28] и реализуется посредством как традиционных медиа (телевидение,

радио, печатные издания), так и постоянно увеличивающихся в масштабах современных средств медиакоммуникаций в сети Интернет (социальные сети, сетевые медиа, блоги, мессенджеры и др.), а также специально организованных для этого публичных провластных мероприятий.

В современных авторитарных режимах использование механизма манипулирования общественным мнением может до возникновения критических для сохранения власти ситуаций снижать потребность в применении и уровень политически мотивированного насилия, что позволяет интерпретировать авторитарный режим, использующий такое частичное замещение, как “информационную диктатуру” [29].

Здесь принципиально важно отметить, что постиндустриальный цивилизационный транзит, который представляет собой экзогенный фактор, влияющий на характер и свойства современных авторитарных режимов, является во многом результатом революционных изменений в сфере информационно-коммуникационных технологий, включая создание сети Интернет, что породило принципиально новые инфокоммуникационные угрозы и вызовы, в частности “открывает новые, ранее недостижимые возможности для манипулирования общественным мнением” [7, с. 93]. Между тем, если демократические режимы стремятся противодействовать и купировать эти и иные вновь возникающие угрозы и вызовы постиндустриального транзита, то авторитарные режимы, наоборот, стремятся использовать их в своих интересах, приобретая при этом новые свойства, отличающие их от авторитарных режимов предыдущих политико-исторических периодов.

В рамках институционально-целевой парадигмы правящие в XXI в. авторитарные режимы можно разделить на два подвида в зависимости от доминирующего механизма их функционирования. К первому относятся традиционные авторитарные режимы, в которых доминирующим механизмом служит принуждение. Ко второму относятся авторитарные режимы нового типа — неоавторитарные, или авторитарно-клетократические, в которых в зависимости от складывающейся политической ситуации и решаемых режимом задач политического и государственного управления доминирующим механизмом выступают либо системная коррупция, прежде всего в ее политических проявлениях, либо политически мотивированное государственно-властное принуждение и перманентно используется манипулирование общественным мнением.

Неоавторитарные режимы заполняют категориальный промежуток за пределом электоральной демократии и до традиционных авторитарных ре-

жимов (авторитарной монархии, диктатуры, коммунистического режима) и возникают либо в результате тех или иных трансформаций, вплоть до крушения традиционных авторитарных режимов, либо в результате авторитарного отката от демократического правления. Авторитарный откат представляет собой процесс установления режима доминирующей власти (*dominant-power politics*), при котором “одна политическая группировка — будь то движение, партия, семья или отдельный лидер — доминирует в системе таким образом, что в обозримом будущем смена власти представляется маловероятной”, и “результатом длительного удержания власти одной политической группировкой становится крупномасштабная коррупция и приятельский капитализм (*crony capitalism*)” [5, p. 11, 12].

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Для типологического анализа в институционально-целевой парадигме действующих в XXI в. авторитарных режимов может быть использован пошаговый алгоритм.

На первом шаге, в соответствии с дихотомическим подходом, все суверенные государства — члены ООН² разделяются на два кластера — демократические и недемократические государства с использованием бинарного индикатора — электоральной демократии, ежегодно определяемого *Freedom House*. Как уже отмечалось, по состоянию на 2019 г. кластер недемократических государств включает 80 стран.

Особое место в этом кластере занимает единственный сохранившийся в XXI в. как политический рудимент правящий с 1948 г. в Корейской Народной Демократической Республике диктаторский режим семейства Кимов, демонстрирующий все классические признаки тоталитаризма. Этот режим может рассматриваться как верхняя по максимуму политически мотивированного насилия граница условной шкалы современного авторитаризма.

На втором шаге, согласно методике, предложенной Геддес [21], в кластере недемократических государств отдельно выделяется 21 государство с неустоявшимися режимами. В эту группу входят Бангладеш, Бенин, Босния и Герцеговина, Замбия, Кения, Коморские Острова, Танзания, в которых авторитарный откат наблюдается не более чем на протяжении одного избирательного цикла (от одного года до четырех лет), и авторитарный режим еще окончательно не сформировался. В эту же

группу входят Ирак, Йемен, Ливия, Сомали, в них правящий режим не может сформироваться из-за продолжающейся гражданской войны или военно-политического противостояния после ее окончания. К ней также относятся Мали, Центральноафриканская Республика, Южный Судан, где правящие режимы неустойчивы и для стабилизации ситуации введены миротворческие вооруженные формирования под эгидой ООН³, и Гамбия, в которую в 2017 г. для отстранения от власти диктатора Яйя Джамме, проигравшего президентские выборы, но отказывавшегося передать власть, была введена военная миссия Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). В шести государствах указанной группы — Гвинее-Бисау, Ливане, Мальдивских Островах, Мьянме, Нигере, Пакистане — правящие режимы остаются достаточно длительное время неустойчивыми из-за постоянной политической турбулентности, обусловленной перманентными военными переворотами и попытками таких переворотов, политическими кризисами, межпартийными, этнорелигиозными и иными конфликтами.

На третьем шаге для типологического анализа используется такой признак, как форма правления.

Первую группу по этому признаку составляют 11 авторитарных монархий. В нее не включены еще две конституционные парламентарные монархии с правящими авторитарными режимами. Во-первых, Таиланд, где при сохранении конституционной монархии (с 1932 г.) в мае 2014 г. произошел очередной 13-й военный переворот, в результате которого уже более шести лет действует диктаторский режим правления военных в форме временного военного правительства. Во-вторых, Камбоджа — здесь в 1993 г. была возрождена конституционная монархия, но власть после государственного вооруженного переворота в 1997 г. принадлежит премьер-министру Хун Сену, установившему персоналистскую диктатуру.

Группу традиционных авторитарных монархий составляют абсолютные монархии — теократический султанат Бруней-Даруссалам, эмират Катар, султанат Оман, федерация Объединенные Арабские Эмираты, теократическое Королевство Саудовская Аравия и конституционные дуалистические монархии — Бахрейн, Иордания, Кувейт, Эсватини (до 2018 г. Свазиленд), а также конституционные парламентарные монархии — Марокко и теократическая федерация Малайзия.

² Далее будут использоваться названия государств, приведенные на официальном сайте ООН. Available at: <https://www.un.org/ru/member-states/> (accessed 10.12.2020).

³ В настоящее время миротворческая миссия ООН действует также в Демократической Республике Конго для стабилизации ситуации в приграничных провинциях и защиты гражданского населения, но правящий режим после окончания в 2002 г. Второй конголезской войны достаточно устойчив.

Вторую группу, по признаку формы правления которой является такая специфическая республиканская форма, как советская республика, составляют государства с правящими авторитарными коммунистическими режимами — Вьетнам, Китай, Куба, Лаосская Народно-Демократическая Республика.

Здесь следует отметить, что Китай, который в соответствии с данными Всемирного банка по величине ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности, вышел на 1-е место в мире (хотя, если брать в расчете на душу населения, он занимает только 72–73-е место) и широко использует для политического и государственного управления современные информационно-коммуникационные технологии, в том числе и для продвижения идеологических установок правящей партии и манипулирования общественным мнением, демонстрирует особую модель авторитарного правления, получившую название “цифровой ленинизм” [30]. Эта модель позволяет КНР оказывать все возрастающее влияние в поле мировой политики и играть ведущую роль в процессе авторитарной диффузии [31].

На последнем шаге типологического анализа государства с республиканской формой правления, в которых правят устойчивые авторитарные режимы, разделяются на постколониальные диктатуры и государства с правящими неоавторитарными режимами.

Особый и исключительный случай среди всех современных государств с авторитарным правлением представляет Сингапур. В этой парламентской республике “мягкий диктатор” Ли Куан Ю создал уникальный авторитарный режим, который, с одной стороны, существенным образом ограничивает политические и гражданские права, а с другой — интенсивно стимулирует развитие рыночной экономики, жестко обеспечивает соблюдение верховенства закона и реализует эффективную систему подавления коррупции. Этот режим может рассматриваться как нижняя по минимуму политически мотивированного насилия граница условной шкалы современного авторитаризма.

В группу постколониальных диктатур входят 18 государств Африки, из которых президентская форма правления конституционно установлена в Анголе, Габоне, Гвинее, Джибути, Зимбабве, Конго, Мавритании, Сирии, Судане, Уганде, Экваториальной Гвинее, а президентско-парламентская — в Алжире, Демократической Республике Конго (ДРК), Камеруне, Руанде, Того, Чаде, Эритрее. При таких формах правления центральное место в системе высших органов государственного правления занимает институт президентской власти. Это во многом определяет тот факт, что в большинстве этих стран персонально правящим дик-

татором становится тот, кто занимает должность президента.

К группе постколониальных диктатур можно отнести три государства Азии. Две ранее упомянутые конституционные монархии — Камбоджа и Таиланд, а также президентскую республику Иран, в которой после свержения в результате Исламской революции 1979 г. авторитарной монархии шаха Мохаммеда Реза Пехливи была установлена теократическая диктатура.

В 18 из 21 постколониальной диктатуры их установлению предшествовали либо военный переворот, либо гражданская война с последующим захватом власти. Исключения составляют Камерун, Габон и Джибути, в которых “непрерывный период авторитаризма” [21] установился с момента обретения независимости и смена правителей происходила без эксцессов и переворотов.

В Камеруне действующий президент Поль Бийя пришел к власти после отставки в 1982 г. по состоянию здоровья первого президента Ахмаду Ахиджо и правит в течение почти 38 лет, дольше всех действующих диктаторов. В Габоне после смерти в 1967 г. первого президента Леона Мба главой государства стал Омар Бонго Ондимба, после смерти которого в 2009 г. прошла династическая передача власти его сыну Али Бонго Ондимбе. В Джибути первый президент Хасан Гулед Аптидон, правивший более 20 лет, в 1999 г. осуществил династическую передачу власти своему племяннику Исмаилу Гелле.

Династические передачи власти произошли также в ДРК, Сирии и Того. В ДРК после гибели при невыясненных обстоятельствах в 2001 г. президента Лорана-Дезире Кабилы власть перешла к его сыну Жозефу Кабиле, который не стал баллотироваться на третий срок на президентских выборах 2018 г., и при его поддержке новым лидером страны стал Феликс Чисекеди. В Сирии после смерти в 2000 г. президента Хафеза Асада власть перешли к его сыну Башару Асаду. Аналогично в Того после смерти в 2005 г. президента Гнассингбе Эйадемы власть перешли к его сыну Фор Гнассингбе.

Транзит авторитарной власти посредством передачи ее преемнику прошел в Иране, Анголе и Мавритании. В Иране после смерти в 1989 г. первого Высшего руководителя (лидера) аятоллы Рухоллы Хомейни эта должность и власть перешли к его соратнику и преемнику аятолле Али Хаме-неи. В Анголе правивший 38 лет Жозе душ Сантуш в 2017 г. передал полномочия своему преемнику Жуану Лоренсу. В Мавритании президент генерал Мохаммед ульд Абдель Азиз в 2019 г. делегировал власть своему преемнику — министру обороны генералу Мухаммеду ульд Газуани.

Смены правителей произошли также в Зимбабве, Алжире и Судане, но триггером для этого здесь послужили массовые акции протеста.

В Зимбабве на фоне массовых протестов под давлением военных и перед угрозой импичмента в 2017 г. старейший в мире 93-летней диктатор Роберт Мугабе, правивший почти 37 лет, ушел в отставку. И уже через три дня после его отставки в качестве нового президента был приведен к присяге первый вице-президент Эммерсон Мнангава, что обеспечило преемственность правящего режима.

В Алжире в апреле 2019 г. в результате массовых акций протеста, поддержанных военными и правящей партией “Фронт национального освобождения”, президент Абдель Азиз Бутефлика, находившийся у власти 20 лет, покинул пост. В декабре того же года президентом был избран действующий премьер-министр Абдельмаджид Теббун, что также обеспечило преемственность правящего режима.

В Судане после начавшихся в декабре 2018 г. массовых протестов в апреле 2019 г. произошел военный переворот, в результате которого Омар аль-Башир, занимавший президентское кресло более 25 лет, был отстранен от власти и установилась военная диктатура.

Четвертую категориальную группу составляет 21 государство с правящими неоавторитарными режимами. Эту группу можно разделить на две подгруппы в зависимости от “истоков” правящих режимов.

Первую подгруппу составляют 12 государств, в которых неоавторитарные режимы установились в результате трансформаций предшествующих режимов. Что характерно, 11 из этих государств — президентские республики, включая федерацию Нигерия, и только федерация Эфиопия — парламентская.

В четырех государствах трансформационные неоавторитарные режимы установились после свержения предшествующих диктаторских режимов.

В Эфиопии после свержения в 1991 г. диктаторского режима президента Менгисту Хайле Мариамы был введен корпоративный неоавторитарный режим, акторами которого являются этнические группировки.

В Афганистане на смену режима “Талибана”⁴, контролировавшему три четверти территории страны и свергнутому в 2001 г., пришел корпоративный неоавторитарный режим, его акторами стали противоборствующие политические группировки.

В Кот-д’Ивуаре после свержения в 2011 г. диктатора Лорана Гбабо, который был арестован

⁴ Организация, запрещенная в РФ.

и передан Международному уголовному суду, установился персоналистский неоавторитарный режим президента Алассана Уаттары.

В Египте в результате военного переворота в 2013 г. был свергнут диктаторский режим президента Мухамеда Мурси и организации “Братья-мусульмане”⁵, на смену ему пришел персоналистский неоавторитарный режим президента Абделя Фаттаха ас-Сиси.

В восьми государствах трансформационные неоавторитарные режимы установились в результате завершения авторитарного отката и перехода в режим доминирующей власти, что можно фиксировать по информации *Freedom House* о том, что данное государство перестает идентифицироваться как электоральная демократия.

Вследствие авторитарного отката неоавторитарные режимы доминирующей личной власти установились: в Венесуэле с 2008 г. — президента Николаса Мадуры, ставшего в этом году преемником умершего президента Уго Чавеса; Бурунди с 2010 г. — президента Пьера Нкурунзиза, избранного на эту должность парламентом в 2005 г., а в 2010 г. — на прямых выборах, на которых он был единственным кандидатом, с 2020 г. президентом стал его преемник Эварист Ндайишимие; Никарагуа с 2011 г. — президента Даниэля Ортеги, возглавляющего правящий Сандинистский фронт национального освобождения и занявшего должность президента в результате демократических выборов в 2007 г.; Турции с 2016 г. — президента Реджепа Эрдогана, который стал президентом в 2014 г., а до этого при парламентской форме правления занимал должность премьер-министра с 2003 по 2014 г.

По причине авторитарного отката неоавторитарные режимы доминирующей власти корпоративного типа установились: в Нигерии с 2005 г. — религиозных, политико-экономических группировок; Гондурасе с 2009 г. — правящей Национальной партии; Мозамбике с 2009 г. — правящей партии ФРЕЛИМО; на Гаити с 2010 г. — политико-экономических группировок.

Вторую подгруппу составляют девять бывших советских республик, общим “истоким” правящих режимов в которых послужил распад СССР.

Это определяет тот факт, что правление постсоветских неоавторитарных режимов осуществляют социальные слои, которые являются прямым наследием советской партийно-хозяйственной номенклатуры. Представители этих слоев привнесли в политическое и государственное управление новых государств неформальные практики советской номенклатуры, включая коррупцию во всех ее проявлениях [32].

⁵ Организация, запрещенная в РФ.

Во всех государствах этой подгруппы первыми конституциями были установлены республиканские формы правления с доминированием института президентской власти: президентская — Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан; президентско-парламентская — Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Узбекистан. Впоследствии Кыргызстан после множественных изменений конституции в 2010 г. формально стал парламентской республикой при широких директивных полномочиях президента. В Армении в 2015 г. для сохранения своей власти правящей политико-экономической группировкой была введена парламентская форма правления.

Персоналистские неавторитарные режимы были установлены непосредственно после распада СССР в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане, а позже в Азербайджане, Белоруссии и Таджикистане.

В Казахстане в 1991 г. должность президента занял первый секретарь ЦК Коммунистической партии Казахской ССР Нурсултан Назарбаев, который в 2019 г. передал должность своему преемнику Касыму-Жомарту Токаеву, сохранив за собой должность председателя Совета безопасности и председателя правящей партии Нур Отан.

В Туркменистане в 1991 г. президентом стал первый секретарь ЦК Коммунистической партии Туркменской ССР Сапармурат Ниязов, а после его смерти в 2006 г. должность и власть перешли к его преемнику Гурбангулы Бердымухамедову. Таким образом была сохранена преемственность правящего авторитарного режима.

В Узбекистане в 1991 г. пост президента занял первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекской ССР Ислам Каримов, который управлял страной почти 30 лет. После его смерти в 2016 г. вступил в должность и исполняет возложенные на него функции Шавкат Мирзиёев.

В Азербайджане в 1991 г. возглавил республику в качестве президента первый секретарь ЦК Коммунистической партии Азербайджанской ССР Аяз Муталибов. Однако из-за военных неудач в Нагорном Карабахе сначала Муталибов в 1992 г. под давлением Народного фронта Азербайджана вынужден был подать в отставку, а затем и вновь избранный в том же году президентом руководитель этого фронта Абульфаз Эльчибей в 1993 г. добровольно передал власть бывшему члену Политбюро ЦК КПСС Гейдару Алиеву. После смерти Гейдара Алиева в 2003 г. прошла династическая передача власти его сыну Ильхаму.

В Белоруссии первые и единственные демократические выборы в 1994 г. выиграл Александр Лукашенко — директор совхоза “Городец” и один

из лидеров фракции “Коммунисты Беларуси за демократию” в Верховном Совете республики. Лукашенко достаточно быстро установил авторитарный режим личной власти и пока продолжает удерживать ее, несмотря на массовые акции протеста после президентских выборов 2020 г.

В Таджикистане на фоне гражданской войны, начавшейся в 1991 г., первые после принятия новой конституции президентские выборы 1994 г. выиграл Эмомали Рахмонов (Рахмон), который также достаточно быстро ввел авторитарный режим личной власти, граничащий с диктатурой, и управляет страной уже более 25 лет.

В Кыргызстане еще в 1990 г. главой республики стал президент Академии наук Киргизской ССР Аскар Акаев, который установил режим личной власти. В 2005 г. в результате массовых акций протеста, получивших название “тюльпановая революция”, он был отстранен от власти и бежал в Россию. В том же году президентом стал Курманбек Бакиев, который также установил режим личной власти и также был отстранен от власти в 2010 г. в результате массовых акций протеста и бежал в Белоруссию. После того как в 2010 г. Кыргызстан стал парламентской республикой, установился неавторитарный режим корпоративного типа, акторами которого являются земляческие и родовые кланы.

В Армении в 1991 г. первым президентом стал председатель Армянского общенационального движения Левон Тер-Петросян, начавший постепенно устанавливать режим личной власти, но в 1998 г. из-за разногласий в правительстве по поводу путей разрешения конфликта в Нагорном Карабахе он ушел в отставку. С 1998 г. в Армении установился корпоративный неавторитарный режим политико-экономической группировки, которую поочередно персонифицировали, занимая должность президента, Роберт Кочарян (1998—2008) и Серж Саргсян (2008—2018). В результате массовых акций протеста в 2018 г. против выдвижения С. Саргсяна на ключевую при парламентской форме правления должность премьер-министра эта группировка была отстранена от власти. Новым премьер-министром стал Никол Пашинян, который возглавил победивший на досрочных парламентских выборах блок “Мой шаг”. Дальнейшее развитие политической ситуации в Армении будет существенным образом зависеть от трех внешних факторов: конфликта в Нагорном Карабахе, экономической зависимости от российских энергоносителей и наличия влиятельной во многих странах армянской диаспоры, которая по численности в 2,5—3 раза превышает численность населения республики.

Политический режим в постсоветской России обладает рядом институциональных и социально-

политических особенностей [32], и в рамках исследований постсоветских неоавторитарных режимов он представляет собой отдельный, самостоятельный объект исследования.

Приведенный пошаговый алгоритм типологического анализа современных авторитарных режимов может быть использован для последующих уточнений распределения таких режимов по обозначенным категориальным группам.

* * *

Представленный типологический анализ авторитаризма XXI в. позволил выделить четыре категории правящих в настоящее время авторитарных режимов.

Авторитарные монархии и коммунистические режимы представляются политическим анахронизмом, но они пока сохраняют достаточные запасы устойчивости, в том числе и благодаря проведению ограниченных институциональных изменений (созданию частично избираемых законосовещательных советов [33], расширению практики регулируемых выборов на местном уровне [34] и др.) с целью адаптации к современным политико-историческим условиям и вызовам.

Границы между диктатурами и неоавторитарными режимами в определенной мере являются условными и достаточно подвижными. Неоавторитарные режимы в ситуациях, критических для удержания власти, используют весь арсенал практик жесткого политически мотивированного насилия, присущих диктатурам, как, например, в случаях Венесуэлы и Белоруссии. В свою очередь диктаторские режимы для имитации соответствия современным требованиям и демонстрации “смягчения нравов” используют широкий набор практик неоавторитарных режимов, прежде всего электоральной коррупции для плебисцитарной самолегитимации.

Последнее обстоятельство обусловлено тем, что “даже самые твердокаменные диктаторы считали себя обязанными получить хотя бы налет демократической легитимности, устроив выборы” [35, с. 57]. Действительно, в конституциях 95% современных государств институт выборов установлен

как базовый механизм формирования публичной власти. Поэтому все авторитарные режимы используют различные неформальные практики электоральной коррупции для деформации института выборов, его трансформации в процедуру контролируемого формирования органов власти посредством манипулирования процессом голосования.

В этом контексте классификация современных авторитарных режимов по электоральному признаку (электоральный авторитаризм, состязательный авторитаризм и др.) [8] представляется не вполне продуктивной, так как в рамках такой линейной непрерывной классификации подавляющее большинство авторитарных режимов, кроме авторитарных монархий и коммунистических режимов, включается, по сути, в одну категорию, и режимы различаются только по степени деформации института выборов. Таким образом, содержательный смысл, а тем более количественные оценки степени такой деформации, а именно являются ли выборы в большей или меньшей степени честными, свободными и/или конкурентными, в принципе не поддаются адекватному определению.

Типологизация авторитарных режимов в институционально-целевой парадигме может послужить отправной точкой дальнейших исследований авторитаризма в условиях постиндустриального цивилизационного транзита как становления целостной общепланетарной цивилизации. Такие феномены транзита, как глобализация, обуславливающая существенную транспарентность государственных границ, технологическая революция (прежде всего в сфере инфокоммуникационных технологий), повышение миграционной мобильности, распад биполярного и неопределенность нового миропорядка, создают качественно новые политико-исторические условия и порождают новые вызовы и угрозы не только экзогенного, но и эндогенного характера всем политическим режимам. Поэтому, на наш взгляд, важным направлением исследований должно стать изучение и анализ современных практик авторитарного правления [36] в институционально-целевой парадигме с учетом политико-исторической динамики влияющих на такие практики эндо-и экзогенных факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. *Handbook of Political Science, vol. 3. Macropolitical Theory*. Greenstein F.I., Polsby N.W., eds. Reading, Massachusetts, Addison-Wesley Pub. Co., 1975, pp. 175-411.
2. Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore, London, Johns Hopkins University Press, 1996. 504 p.
3. Huntington Samuel P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, Oklahoma, University of Oklahoma Press, 1991. 366 p.
4. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. *World Politics*, 1997, vol. 49, no. 3, pp. 430-451.

5. Carothers T. The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 1, pp. 5-21.
6. Diamond L. Is the Third Wave Over? *Journal of Democracy*, 1996, vol. 1, no. 3, pp. 20-37.
7. Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. *Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства*. Москва, Издательство Юрайт, 2019. 212 с. [Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. *Formation of Post-Industrial Civilization: from Digitalization to Barbarism*. Moscow, Izdatel'stvo Iurait, 2019. 212 p. (In Russ.)]
8. Шкель С.Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки. *PolitBook*, 2013, № 4, сс. 120-139. [Shkel' S.N. New Wave: Diversity of Authoritarianism as Reflected in Contemporary Political Science. *PolitBook*, 2013, no. 4, pp. 120-139. (In Russ.)]
9. Frantz E. Authoritarian Politics: Trends and Debates. *Politics and Governance*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 87-89.
10. Ezrow N., Frantz E. *Dictators and dictatorships: Understanding authoritarian regimes and their leaders*. New York, NY, Bloomsbury Publishing, 2011. 334 p.
11. Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 2, pp. 21-35.
12. Karl T.L. The Hybrid Regimes of Central America. *Journal of Democracy*, 1995, vol. 6, no. 3, pp. 72-86.
13. Levitsky S., Way Lucan A. Elections Without Democracy: The Rise of Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 2, pp. 51-65.
14. Schedler A. Elections Without Democracy: The Menu of Manipulation. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 2, pp. 36-50.
15. Marshall M.G., Gurr T.R. *Polity5: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2018. Dataset Users' Manual*. Center for Systemic Peace, 2020. Available at: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p5manualv2018.pdf> (accessed 12.11.2020).
16. Democracy Index 2019: A year of democratic setbacks and popular protest. *The Economist Intelligence Unit*, 22.01.2020. Available at: http://www.eiu.com/public/thankyou_download.aspx?activity=download&campaignid=democracyindex2019 (accessed 12.11.2020).
17. Repucci S. *Freedom in the World 2020. A Leaderless Struggle for Democracy*. Freedom House, 2020. Available at: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/FIW_2020_REPORT_BOOKLET_Final.pdf (accessed 12.11.2020).
18. Lührmann A., Tannenberg M., Lindberg S. Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes. *Politics and Governance*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 60-77.
19. Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F., Przeworski A. Classifying political regimes. *Studies in Comparative International Development*, 1996, vol. 31, no. 2, pp. 3-36.
20. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World 1950–1990*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 340 p.
21. Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set. *American Political Science Association*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 313-331.
22. Cheibub J., Gandhi J., Vreeland J. Democracy and Dictatorship Revisited Codebook. *Public Choice*, 2010, vol. 143, no. 1, pp. 67-101.
23. Wahman M., Teorell J., Hadenius A. Authoritarian Regime Types Revisited: Updated Data in Comparative Perspective. *Contemporary Politics*, 2013, vol. 19, no. 1, pp. 19-34.
24. Diamond L. How to Save Democracy. *Hoover Digest*, 2019, no. 4, pp. 40-49.
25. Acemoglu D., Robinson J., Verdier T. Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule. *Journal of the European Economic Association*, 2004, vol. 2, no. 2-3, pp. 162-192.
26. Нисневич Ю. Что есть политическая коррупция. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 12, сс. 133-138. [Nisnevich Yu. What is Political Corruption. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 12, pp. 133-138. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-133-138>
27. Miller C.R., Edwards V. The intelligent teacher's guide through campaign propaganda. *The Clearing House*, October 1936, vol. 11, no. 2, pp. 69-77. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00098655.1936.11474219> (accessed 12.11.2020).
28. Россошанский А. Особенности “черных” информационно-политических технологий. *Власть*, 2011, № 5, сс. 41-44. [Rossoshanskii A. Features of “dirty” Information and Political Technologies. *Vlast'*, 2011, no. 5, pp. 41-44. (In Russ.)]
29. Guriev S., Treisman D. *How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of The New Authoritarianism*. NBER Working Paper Series. Working Paper 21136, April 2015, National Bureau of Economic Research, Cambridge. Available at: <https://www.nber.org/papers/w21136> (accessed 12.11.2020).
30. *Mao's Invisible Hand: The Political Foundations of Adaptive Governance in China*. Heilmann S., Perry Elizabeth J., eds. Cambridge, MA, London, Harvard University Asia Center, 2011. 336 p.
31. Ambrosio T. Authoritarian Norms in a Changing International System. *Politics and Governance*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 120-123.
32. Нисневич Ю.А. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России. *Социологические исследования*, 2018, № 8, сс. 143-152 [Nisnevich Yu.A. Regeneration of the Nomenclature as a Ruling Social Stratum in the Post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2018, no. 8, pp. 143-152. (In Russ.)]

33. Faisal bin Mishaal bin Saud Al-Saud *Decision Making and the Role of Ash-Shura in Saudi Arabia: Majlis Ash-Shura (Consultative Council): Concept, Theory, and Practice*. Massachusetts, Vantage Press, 2004. 216 p.
34. Ezrow N. Authoritarianism in the 21st Century. *Politics and Governance*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 83-86.
35. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Москва, АСТ, 2007. 588 с. [Fukuyama F. *The End of History and The Last Man*. Moscow, AST, 2007. 588 p. (In Russ.)]
36. Glasius M. What authoritarianism is ... and is not: a practice perspective. *International Affairs*, 2018, vol. 94, no. 3, pp. 515-533.

**AUTHORITARIANISM OF THE 21ST CENTURY:
ANALYSIS IN THE INSTITUTIONAL PURPOSE PARADIGM**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 109-119)

Received 15.01.2021.

Yulii A. NISNEVICH (jnisnevich@hse.ru),

National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

This article covers the study of modern authoritarianism in institution-targeted paradigm and describes the main trends in modern research: refinement of classification and measurement of authoritarian regimes; analysis of factors influencing their stability and survival. It considers continuous and categorical approaches to classification of political regimes. Authoritarianism is defined as a form of organization of political and state orders based on the use of informal practices in order to retain the power of the ruling political actor (individual or collective) and redistribute the national resources in his interest. This article also presents a new type of authoritarian regimes – neo-authoritarian, where depending on the current political situation and tasks of political and state governance faced by the regime, the dominant mechanism is either systemic corruption or politically motivated state power coercion alongside permanent manipulation of public opinion. The typological analysis of modern authoritarian regimes presented in the article identifies four categorial groups: authoritarian monarchies, communist regimes, postcolonial dictatorships and neo-authoritarian regimes. The latter is divided into two sub-groups: transformational neo-authoritarian regimes established as a result of overthrow of previous dictatorial regimes, or authoritarian reversals; post-Soviet authoritarian regimes stemming from the collapse of the Soviet Union, where the same type of governing social stratum is a direct legacy of the Soviet party and economic nomenklatura. The boundaries between postcolonial dictatorships and neo-authoritarian regimes are conditional and flexible. In situations critical to retaining power, neo-authoritarian regimes use a full range of practices of politically motivated violence intrinsic to dictatorships, while dictatorial regimes employ a wide array of methods of neo-authoritarian regimes to simulate compliance with modern requirements and demonstrate “softening of customs”. The article suggests a topical research trend – analysis of modern practices of authoritarian rule with regards to political and historical dynamics, endogenous and exogenous factors caused by postindustrial civilizational transit and impacting on such practices.

Keywords: authoritarianism, institution-targeted paradigm, authoritarian monarchy, communist regime, dictatorship, neo-authoritarian regime

About author:

Yulii A. NISNEVICH, Full Professor, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Politics and Governance.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-109-119

“РАССОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО”: МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

© 2021 г. М. Сигачёв, С. Артеев

*СИГАЧЁВ Максим Игоревич, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (maxsig@mail.ru).*

*АРТЕЕВ Сергей Павлович, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23, (artsp7@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 15.02.2021.

Актуальность статьи связана с возрастанием потенциала конфликтности в современных сложносоставных обществах, в том числе в крупнейших западных государствах. В центре внимания – научные дискурсы по проблемам социальных и политических размежеваний. Цель статьи – выявить основные позиции в британском научном дискурсе по проблематике сосуществования инокультурных групп в разделенных обществах. Авторы стремятся понять, как проблема проживания на территории одного государства групп с разными социокультурными и этнорелигиозными идентичностями отражается в спорах о ресурсах и перспективах общественного развития. В научном дискурсе Великобритания выглядит, с одной стороны, как ключевое государство Запада, а с другой – как страна, в обществе которой разломы и расколы нарастают, и одним из важных факторов является увеличение доли мусульман в структуре населения. Основное внимание уделяется анализу проблем иммиграции мусульман, получению ими образования, гендерного фактора в среде приверженцев ислама, радикализации мусульманской молодежи в британском научном дискурсе. Ключевая особенность обозначенных аспектов заключается в наличии кумулятивного эффекта от этих размежеваний, взаимодействие которых не только усиливает друг друга, но и влияет на другие острые политические проблемы – *Brexit* и угрозу сецессии Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса. В качестве теоретико-методологической основы статьи выступает теория разделенных обществ.

Ключевые слова: разделенное общество, Великобритания, ислам, британские мусульмане, мультикультурализм, интеркультурализм, молодежь.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-120-130

Социально-политические процессы в современном научном дискурсе получают множество самых разнообразных интерпретаций. Многие ученые признают усложнение структуры общества большинства государств, происходящее в тесной связке с реконфигурацией международной политической и экономической архитектуры, возникновением новых центров силы и усиливающимися миграционными потоками, которые являются своеобразными знаменателем и мерой оценки текущих реалий. Все это актуализирует вопросы о сочетаемости идентичностей и общественном диалоге, оптимальных способах консолидации общества и эффективных ответах на возникающие угрозы. При этом “старый” Запад утрачивает репутацию территории стабильности и процветания, что тесно переплетается с вопросами демографии и миграции.

Теоретико-методологически статья базируется на концепции разделенных обществ. Понятие “разделенное общество” все чаще употребляется в политологических исследованиях, что связано с ростом конфликтности и конфронтационно-

го потенциала в планетарных масштабах. Однако разные исследователи вкладывают в концепт “разделенные общества” отличные друг от друга смыслы [1]. Можно говорить о двух подходах к разделению (разлому, расколу) обществ: узком (спроецированном на формальных институтах) [2, 3] и широком (не носящем формально-институализированный характер) [4, 5]. Авторы считают, что разделенные общества – это социально-политические общности, в которых ценностно-мировоззренческий раскол между группами населения проецируется сразу на несколько сфер, что приводит к появлению нескольких линий разломов. Такие линии разделения не только угрожают стабильному развитию общества, но и могут ставить под вопрос само существование конкретного государства в качестве международно-политического субъекта. Свообразными *alter ego* концепции разделенных обществ выступают теории устойчивого и ответственного развития [6, 7]. Следует отметить, что сегодня проблематика развития занимает важнейшее место в политической науке. Термины “общественное развитие”, “устойчивое развитие”,

“ответственное развитие” стали частью лексикона политиков и широко применяются в экспертной среде.

БРИТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЛИНИИ РАЗДЕЛЕНИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Разделенность не является уникальной характеристикой британского общества. Однако среди государств Запада именно Британия в текущий период сталкивается с таким большим количеством разнородных взаимосвязанных угроз, что делает ее наиболее представительным примером для исследования, в том числе анализа британского научного дискурса. В первой трети XXI в. Великобритания столкнулась сразу с несколькими “разделительными” вызовами, среди которых наиболее серьезными являются инокультурная иммиграция, сецессионная угроза и *Brexit*.

Иммиграция в Британию: вызов и ответ

Британское общество в этноконфессиональном плане характеризуется выраженной многовековой гетерогенностью. С самого начала своей истории Британия развивалась под влиянием фактора межконфессиональной борьбы и миграционных волн, поэтому общество всегда было сложносоставным в этническом и конфессиональном отношении, что следует из работ видных британских историков [8, 9]. Более того, миграция выполняла государствообразующую и критически значимую экономическую функции [10]. Особенно заметно это было на пике существования Британской империи в XIX в.

Несмотря на восприятие Великобритании как страны многовековых традиций, британская идентичность – продукт Нового времени. Понятие “британский” стало употребляться относительно недавно по историческим меркам. Только в XVIII в. “британский” стало означать географические объекты – Британские острова, и только с XIX в. понятие “британский” прочно вошло в лексикон применительно к этническим группам, веками проживавшим на этих островах [11]. Хотя британская идентичность и носит интегрированный нациеформирующий характер, в то же время она находится в сложном взаимодействии с более ранними и устойчивыми идентичностями. Этнические идентичности англичан, шотландцев, валлийцев и ирландцев не только не растворились в “британском тигле”, но по-прежнему являются фактором, который ставит под угрозу целостность государства, хотя официальные британские власти и стремятся консолидировать “коренных”. Впро-

чем, помимо угрозы, этнокультурное разнообразие британского общества является одной из важных составляющих “мягкой силы” Великобритании, а также поддерживает демократические институты Соединенного Королевства.

К ключевым характеристикам социальной и политической идентичности типичного “коренного” британца относят восприятие полиэтничности общества как культурной нормы, осознание важной роли Британии в европейских и общемировых международно-политических, экономических и культурных процессах, свободу, ответственность, справедливость как базовые ценностные ориентации [11, 12].

Несмотря на существующие противоречия, все четыре основные этнические группы – англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы – соотносят себя с европейской, христианской культурой (пусть и секуляризованной)¹, то есть обладают общим культурным кодом. В то же время инокультурные мигранты и их потомки воспринимаются частью “коренных” как фактор раскола британского общества [13]. Последствия деколонизации в результате распада Британской империи, процессы глобализации и тенденции демографического поведения “коренных” британцев способствуют увеличению иммигрантского сегмента в структуре британского общества. Примечательно, что последняя на сегодняшний день Всебританская перепись 2011 г. учитывает не только этническое, но и расовое измерение. В итогах переписи представлены следующие категории: “белые британцы” (*White British*, куда относятся англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы), “все другие белые” (*All Other White*), “смешанные этнические группы” (*Mixed/multiple ethnic groups*), “азиаты/азиатские британцы” (*Asian/Asian British*), “черные/африканские/карибские/черные британцы” (*Black/African/Caribbean/Black British*), “другие этнические группы” (*Other ethnic group*) [14]. Это также свидетельствует о *размежевании*, основанном на расовых признаках. Однако наличие общей британской идентичности у “коренных” не означает отсутствие напряжения между центральными властями и Шотландией, Северной Ирландией и Уэльсом.

Сецессионная угроза и Brexit

Государственное устройство Британии отличается сочетанием на первый взгляд несовместимых параметров. Формально Соединенное Королевство является унитарным государством, но в то же время его составные части обладают автономией, при

¹ В пользу этого говорит и то, что лидеры Шотландской националистической партии считают вопрос “бесшовного” вхождения в ЕС потенциально независимой Шотландии в качестве краеугольного пункта своей сецессионной повестки.

этом отсутствует какой-либо единый стандарт делегируемых в Эдинбург, Белфаст и Кардифф полномочий. Еще более пестрая картина просматривается на местном, локальном уровне. Основную лепту в процесс регионального разделения вносят трудности деволюции и существование сильных автономистских и сепаратистских настроений.

Статус Шотландии по-прежнему находится под вопросом. Многовековая история пребывания страны в составе Британии, хотя в значительной степени и нивелировала лингвистические и социокультурные отличия, парадоксальным образом не смогла изменить политическую оппозицию Эдинбурга по отношению к Лондону, которая трансформировалась из изначально преимущественно этнокультурных противоречий в экономические [15, 16]. Процессы деволюции, активно стартовавшие в конце 1990-х годов, только усилили позиции шотландских националистов [17]. А их проигрыш на референдуме о независимости Шотландии 2014 г. не выглядит стратегическим достижением Лондона, ведь вопрос о независимом шотландском государстве не исчез из политической повестки² [18].

Процесс мирного урегулирования ситуации в Северной Ирландии развивается успешно уже больше 20 лет. Особенность североирландского вопроса, по сравнению с Шотландией и Уэльсом, состоит в актуальности темы ирредентизма, острота которой ранее снизилась за счет открытых межгосударственных границ вследствие членства в ЕС как Великобритании, так и Ирландии, но что будет теперь, после *Brexit*? Не получится ли так, что то, чего не удалось добиться силой в течение большей части XX в., осуществится мирно в течение нескольких десятилетий XXI в., и не станет ли деволюция Северной Ирландии ее способом обрести независимость с дальнейшим вхождением в состав Ирландской Республики? Данные социологических исследований говорят о возможности такого сценария [19]. При этом “ценность” Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства ниже, чем Шотландии [19].

Кроме того, не стоит забывать и о ситуации в Уэльсе с его “флегматичным” национализмом. Националистическое движение в Уэльсе обладает длительной историей [20], а накопленный им опыт не позволяет Лондону считать его чем-то

² Референдум о независимости Шотландии 2014 г. показал, что около 40% жителей Шотландии выступают за независимость. Осенью 2020 г. стало известно, что готовится новый референдум о выходе Шотландии из состава Соединенного Королевства. Основная причина — большинство шотландцев выступило против *Brexit* на референдуме в 2016 г. Политическое влияние сторонников независимой Шотландии растет и за счет более эффективной борьбы с *COVID-19* в сравнении с Англией.

малозначительным. При этом ресурсная обеспеченность Уэльса слабее по сравнению с Шотландией, что также является важным фактором для сдерживания сепаратистских настроений [21]. Тем не менее ситуация в Уэльсе, хотя и выглядит куда более спокойной, чем в Шотландии и Северной Ирландии, на самом деле обладает серьезным потенциалом дестабилизации. И связано это с тем, что для валлийского националистического движения референтными субъектами в вопросе о самоопределении являются Шотландия и Северная Ирландия [22].

Похоже, что эволюция модели государственно-территориального устройства Великобритании не поспевает за потребностями динамичного британского общества, а полноценная федерализация не может стать окончательным решением вопроса сохранения территориальной целостности. Однако даже при наиболее неблагоприятном варианте развития событий с точки зрения сохранения территориальной целостности Британии есть предпосылки к тому, что сецессии Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса будут носить демократический (гражданско-политический), а не военный характер. Многое будет зависеть от того, улучшится ли жизнь всех частей Британии после выхода из ЕС. Между тем *Brexit* вносит свой вклад не только в процессы регионализации, но и в другие аспекты жизни британского общества.

Brexit выступил своеобразным катализатором размежеваний внутри Соединенного Королевства, обострившим раскол по основным линиям разделения в британском обществе. Одно из таких размежеваний базировалось на этноконфессиональном, цивилизационном факторе. Так, “брекзитеры” — сторонники выхода Великобритании из ЕС — позиционировали себя как защитники традиционных британских ценностей, тогда как для лагеря “антибрекзитеров” были характерны более проиммигрантские взгляды. Одним из заметных лидеров британских еврооптимистов стал мэр Лондона от Лейбористской партии, мусульманин по вероисповеданию Садик Хан, для которого было характерно сочетание стремления к сохранению Великобритании в составе Евросоюза с ярко выраженной происламской позицией. Их политические оппоненты, напротив, соединяли жесткий евроскептицизм с исламофобией.

Особенность ситуации связана с кумулятивным эффектом, то есть каждое разделение — миграция, сецессионная угроза, *Brexit* — усиливает другое, увеличивая потенциал дестабилизации. Недовольство части жителей Великобритании растущим потоком инокультурных мигрантов из других стран ЕС стало одним из факторов *Brexit*. И наиболее отчетливо это заметно на примере му-

сульманской общины Британии, что находит свое отражение и в академических текстах.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРА БРИТАНИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

При анализе исламской проблематики в научном дискурсе Британии необходимо учитывать фактор политкорректности, который сегодня стал едва ли не ключевым на всех стадиях проведения исследования. На практике это означает невозможность высказываться по вопросам расы, этнического происхождения и религии, ориентируясь исключительно на научные принципы и без риска получить неприемлемый репутационный ущерб. К сожалению, атмосфера гипертрофированной политкорректности не способствует всестороннему изучению многих сложных и актуальных тем в развитии западного общества, так как научный дискурс фактически цензурирован.

Сегодня вопрос о культуральной интеграции мусульман остается открытым. И теперь он перешел в политическое поле. Великобритания — одна из тех европейских стран, где политическое влияние ислама особенно велико. По официальным статистическим данным в Соединенном Королевстве в настоящее время проживает почти 67 млн человек [23], из которых около 2.7 млн мусульмане [24], что составляет 4–5% [25]. Ислам превратился во вторую по численности приверженцев религию. Христианство исповедуют около 60% жителей Британии, и это составляет около 33.2 млн человек [24]. Однако, как и в большинстве западных государств, число воцерковленных христиан, то есть лиц, соблюдающих религиозные нормы и обряды в повседневной жизни, составляет лишь небольшую часть. По официальным статистическим данным почти 24 млн жителей Британии не относят себя к какой-либо конфессии [26].

Мусульманскую общину Великобритании в этническом измерении от других западных государств отличают преобладание выходцев из Южной Азии (Пакистана и Бангладеш) и большое разнообразие стран и регионов эмиграции [27], хотя характерные черты мусульманской диаспоры в целом совпадают с мусульманами в других западных государствах: от определяющей роли религии и высокого демографического потенциала до поддержания тесных постоянных связей со своей исторической родиной и сетью мусульманских диаспор по всему западному миру.

На сегодняшний день существует несколько аспектов возникшего этнокультурного и религиозного разделения в британском обществе, обусловленного мусульманским фактором, то есть про-

блемой (не)совместимости ценностей и обычаев мигрантов-мусульман и “коренных” британцев: мусульманская иммиграция, образование, гендер, радикализация молодежи...

МУСУЛЬМАНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ НА БРИТАНСКИЕ ОСТРОВА

В многочисленных работах по миграции конца XX — начала XXI в. авторы анализируют разные грани мусульманской иммиграции в Британию, при этом большое внимание уделяется имеющимся трудностям, что отмечается британскими и зарубежными исследователями [28, 29]. Присутствует и определенный алармизм, что видно на примере работ историка из Кембриджского университета К. Бардера [30]. Алармисты критикуют политику властей за недооценку опасности, исходящей от инокультурных общин страны. Как правило, такая критика обостряется после терактов. Исследования показывают, что антимигрантские установки находят широкий устойчивый отклик у “коренных британцев”, которые выступают за существенное ограничение миграции [31].

Заметно, что благодаря цифровизации и развитию транспортного сообщения мусульманская община Великобритании сегодня представляет собой часть глобального мусульманского диаспорального этнорелигиозного мира. Это отражается и в научной литературе, в частности в совместной работе исследователей Х. Могисс и Х. Гораша из Университета Йорка и Университета Амстердама [32]. И, как показывают исследования, анализ ситуации на национальном уровне уже недостаточен для того, чтобы предложить эффективные модели решения проблемы этнорелигиозного размежевания, хотя для Британии характерна широкая научная межуниверситетская кооперация, в рамках которой вузы объединяются для реализации совместных проектов [33]. Происходит интернационализация соответствующего научного дискурса, так как данной темой все активнее занимаются не только британские ученые, но и исследователи из других стран — США, Швейцарии, ОАЭ [34, 35, 36]. Они отмечают, что компаративный и сетевой аналитические подходы приобретают все большую популярность, актуальна и совместимость микро- (локального) и макро- (национального) уровней анализа миграционных проблем [34, 35, 36].

Самые важные события 2020 г. для Великобритании — заключение сделки по выходу из ЕС и пандемия *COVID-19* — также уже начали оказывать существенное влияние на дискурс по миграции, добавляя аспект биобезопасности, что находит свое отражение в работах аналитиков из ведущих

мозговых центров Британии, в частности М. Морриса и других сотрудников IPPR [37, 38].

Очевидно, что современные глобальные вызовы — цифровизация, “зеленая” повестка, международный терроризм, биогенные опасности — в дальнейшем будут все сильнее влиять на научный дискурс, так как Великобритания максимально вовлечена в эти процессы и является тем государством, которое первым принимает удар. В научном дискурсе представлена позиция, согласно которой для “культуральной легитимации” мусульман на Западе прежде всего необходимо побороть исламофобию, которая появилась задолго до терактов 11 сентября и на самом деле слабо связана с численностью мусульманского населения [28, 29].

Р. Тимол из Университета Кардиффа отмечает, что по-прежнему сохраняет свою остроту и вопрос об интеграции в британское общество мусульман, уже родившихся в Великобритании, то есть “социализация” потомков мигрантов [39]. Несмотря на успешную социально-экономическую адаптацию большей части британских мусульман, радикализация даже незначительной части приверженцев ислама, особенно среди молодежи, приводит к формированию устойчивых негативных стереотипов в отношении всего мусульманского сообщества, которое по своей структуре очень разнородно. Например, британский исследователь Р. Рэдди особо выделяет категорию чернокожих мусульман [40]. Таким образом, происходит наложение религиозного фактора на расовый.

В целом в научном дискурсе по миграции заметно осознание необходимости миграции и принципиальной невозможности ее “отключения”. Вряд ли можно констатировать и жесткую критическую линию относительно официального курса британских властей. При этом авторы применяют множество теоретико-методологических инструментов и используют самые разные ракурсы, но у них отсутствует общность взглядов на причины дезадаптации мигрантов и их потомков в обществе страны пребывания, в том числе и по вопросам образования.

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ БРИТАНСКИХ МУСУЛЬМАН: ИНКЛЮЗИЯ ИЛИ СЕПАРАТИЗМ?

Британская модель школьного и университетского образования отличается выраженной дифференциацией не только по линии частное/государственное, но и территориально — в Шотландии образовательная система отличается от Англии, Уэльса и Северной Ирландии. Мусульманский фактор привнес в эту сферу новое измерение. В 1980-е годы появились частные мусульманские

общеобразовательные школы, которые с 1998 г. получили государственное финансирование.

В рамках политики мультикультурализма³ создание школ, где особое внимание уделяется религиозному компоненту, выглядит логичным. Однако с точки зрения интеркультурализма⁴ не все так однозначно, поскольку это может создавать дополнительные возможности для сегрегации. Тем не менее в академической среде нет призывов к закрытию таких учебных заведений, напротив, это считается достижением, причем, по мнению Х. Карр из Университета Лондона, государственные институты Британии содействовали этому не с 80-х годов, что считается общепринятым, а еще с 60-х годов прошлого века [41]. Главный вопрос британского научного дискурса об образовании мусульман — каким образом получение образования может способствовать интеграции мусульман в общество?

По мнению исследователей, ряд моментов школьной программы нуждается в совершенствовании с целью усилить культуру диалога. Исследователи предлагают разные варианты решения проблем: внедрить исламскую этику в качестве одной из основ школьной педагогики (Р. Тимол), продолжить поиски компромисса между мусульманской идентичностью и требованиями школьной общеобразовательной программы (Ф. Ламар из британской Академии высшего образования) [42]. Проблема вышла за пределы мусульманских школ. Ситуация с карикатурами на пророка Мухаммеда убедительно демонстрирует, что теперь и государственные школы оказались вовлечены в этические дискуссии [43].

³ *Мультикультурализм* — политика, направленная на сохранение этнокультурного разнообразия на определенной территории (в регионе, государстве и т. д.) при принятии общей политической культуры данного общества. Однако попытки сформировать общую политическую культуру при сохранении существенных этноконфессиональных различий приводят к геттоизации мигрантов и росту праворадикальных настроений среди “коренных” европейцев. В результате сама концепция мультикультурализма подвергается жесткой критике. Как ответ на неудачу внедрения концепции мультикультурализма в общественные практики, появился *интеркультурализм*, который приобрел популярность в научном дискурсе в 2010-е годы.

⁴ *Интеркультурализм* — признание многообразия этнокультурных идентичностей в рамках одной страны в тех пределах, которые не угрожают единству общества. В отношении инокультурных мигрантов это означает необходимость обязательного принятия ряда базовых ценностей страны пребывания, то есть политико-культурная интеграция становится неперемennым условием для успешной адаптации на новом месте. В практическом плане успехи концепции интеркультурализма в большей степени пока заметны на локальном уровне, преимущественно речь идет о городских территориях.

Д. Брин из Бирмингемского городского университета считает, что в настоящее время политика государства по развитию мусульманских школ не особенно эффективна для преодоления разделения в обществе и существует разрыв между представлениями властей и мусульманских общин о степени достигнутых успехов [44].

Х. Сидат из Университета Кардиффа ставит целью осмыслить место религиозных мусульманских учреждений в системе профессионального образования Британии [45]. По мнению Х. Сидата, специализированные мусульманские учебные заведения гораздо сильнее вовлечены в окружающие процессы, чем принято полагать, и в них непрерывно происходит процесс адаптации учебной программы к быстро меняющейся реальности, апробируются новые методы и форматы обучения, предлагаются идеи по улучшению коммуникаций с обществом [45].

Дискурс по мусульманскому образованию связан с выработкой оптимальной модели интеграции мусульман в британское общество как в узком (на уровне школьного и вузовского обучения), так и в широком (на уровне общественного сознания) смысле. Речь о социокультурной инклюзивности, означающей включение исламских традиций и обычаев в общешкольный контекст, широкое знакомство с исламской культурой в музейной и просветительской деятельности, более полное включение исламской тематики в новостную повестку ведущих британских СМИ. Между тем в ряде случаев образовательный научный дискурс тесно сопряжен с гендерной проблематикой.

МУСУЛЬМАНЕ БРИТАНИИ И ГЕНДЕР

Гендерные исследования стали одной из ведущих тем в западных социальных науках. Общественно-политическая значимость вопросов гендерного равенства начала играть определяющую роль и в общественно-политических процессах. Конечно, растущая мусульманская община не могла не оказаться объектом изучения и в гендерном измерении.

В этом дискурсе выделяются два вектора. Первый – феминистский (“западный”) – связан с вопросами равноправия мусульманок (С. Черуваллил-Контрактор из Университета Ковентри и А. Гилл из Университета Роухэмптона) [46, 47]. Второй – религиозный (“восточный”) – обусловлен желанием (не только мусульманского сообщества в целом, но и мусульманских женщин выстраивать свою жизнь на основе исламской этики) и необходимостью выработки компромиссных решений по роли исламского права в судебноправовых системах западных стран, а также реа-

лизации профессиональной карьеры женщины в самых разных сферах (С. Би и Г. Либератор из Университета Эдинбурга) [48, 49]. Можно сделать вывод о наличии двух моделей представлений в научном сообществе о желаемой роли мусульманских женщин в жизни британского общества. Однако существует и точка встречи этих двух направлений – вопрос о женском образовании: споры ведутся вокруг модели, но в академическом сообществе существует однозначное понимание необходимости образования для мусульманских девочек в Великобритании.

Образование – ключевая проблема не только в гендерных вопросах, но и в вопросе самореализации молодежи, что вплотную примыкает к проблематике национальной и международной безопасности.

МУСУЛЬМАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ

Британские мусульмане не представляют собой сплоченную общность, так как имеются противоречия по конфессиональным (сунниты, шииты), этническим линиям (стране происхождения), расовым и межпоколенческим вопросам. В то же время большая часть мусульман более-менее успешно интегрировалась в британское общество, хотя сохраняются и серьезные проблемы, особенно связанные с *радикализацией молодежи*, в том числе молодых людей, уже родившихся и выросших в Великобритании, что придает особый драматизм происходящему, ведь исламистский международный терроризм представляет серьезную угрозу национальной безопасности и Великобритания неоднократно сталкивалась с его проявлениями. Как указывает С. Шах из Университета Лестера, одной из самых острых и самых парадоксальных проблем для исламского населения Британских островов является радикализация третьего поколения мусульман, идентичность которых носит четкий религиозно обусловленный характер [50]. В связи с этим становится очевидным, что невозможность части мусульманской молодежи вследствие низкого уровня образования и профессиональной квалификации встроиться в экономическую систему современного британского общества приводит к социальной маргинализации и на фоне деятельности радикальных группировок создает почву для криминализации и кооптирования молодых мусульман в экстремистские организации.

Очевидно, что проблема радикализации мусульманской молодежи жестко коррелирует с вопросом об идентичности. Между тем в основе

дискурса идентичности находятся ценностно-мировоззренческие аспекты. В связи с этим представляют интерес позиции британских исследователей и общественно-политических деятелей Б. Парекха и А. Сиддики.

Противопоставление культурных ценностей и обычаев Парекх и недавно ушедший из жизни Сиддики называют “столкновением обычаев” и “столкновением ценностей”. И именно это является главным двигателем дезинтеграции британского общества по религиозной линии. Социологические опросы убедительно демонстрируют, насколько сильны отличия, имеющие фундаментальный характер. Например, по данным на 2015 г. 23% мусульман Великобритании выступают за введение в стране шариата, 4% выражают сочувствие террористам-смертникам [51].

В этом случае возникает ситуация, которая описывается Сиддики как “столкновение ценностей”. По мнению Сиддики, мусульмане-иммигранты до переезда нередко представляют Запад как религиозный христианский мир, но, поселившись в нем, сталкиваются с секуляризованной культурой [52]. Разная роль религии в культуре, как считает Сиддики, вызывает неизбежность “столкновения ценностей”.

Еще один вид отношений между британцами и мусульманами — это так называемое столкновение обычаев, описанное членом Лейбористской партии лордом Парекхом. В отличие от Сиддики Парекх не столь пессимистичен в оценке мусульманско-британских отношений и считает Великобританию с ее принципами построения мультикультурного общества идеальным примером для успешного взаимодействия ислама и европейской культуры. Парекх еще больше ограничивает роль религии в формировании противоречий между мусульманами и британцами, описывая проблему более поверхностно. Согласно автору, “столкновение обычаев” включает в себя особую диету, специфическую одежду, полигамию, возможность совершения намаза посреди рабочего дня. Соблюдение таких обычаев, по мнению Парекха, крайне важно для мусульман, и потому они выступают с целым рядом претензий к властям, отстаивая свои права по соблюдению этих обычаев. При этом Парекх считает, что сами мусульмане уважают западные ценности [53]. Он также убежден, что культурная адаптация мусульман в Великобритании проходит успешно и что “столкновение обычаев” не может служить серьезным препятствием для ее продолжения. Вместе с тем исследователь возлагает особую надежду на новый “британский ислам” — более либеральный и адаптированный.

Несмотря на разный подход к идее “столкновения” культур, и Сиддики, и Парекх признают, что

основная проблема для мусульман при попытке интегрироваться в западноевропейское сообщество — это отнюдь не демократия и не либерализм, а жизнь в обществе, где господствует совершенно иное отношение к религии и не всегда есть возможность следовать нормам и обычаям, ставшим частью жизни каждого мусульманина.

Прежде чем перейти к заключению и основным выводам, перечислим важных акторов британо-исламских отношений, оказывающих определенное влияние на тот дискурс, который выстраивается вокруг мусульманской диаспоры Великобритании. Речь идет о фабриках мысли (*think tanks*), научно-образовательных учреждениях, мусульманских организациях. Так, с именем Кембриджского университета связаны, как минимум, три структуры, ориентированные на исламские исследования: Кембриджский исламский колледж — Центр классических арабских и исламских исследований (*Cambridge Islamic College — Centre for Classical Arabic & Islamic Studies*), Кембриджский мусульманский колледж (*Cambridge Muslim College*), Кембриджский центр исламских исследований (*Cambridge's Centre of Islamic Studies*). Существует также Центр исследований мусульманской политики (*Centre for Muslim Policy Research*), позиционирующий себя в качестве независимого исследовательского центра, который занимается изучением положения мусульманского сообщества в Великобритании. В Соединенном Королевстве, кроме того, функционирует значительное количество мусульманских организаций. Среди них в первую очередь следует отметить Мусульманский совет Великобритании (*Muslim Council of Britain*), а также Британский мусульманский форум — организацию мусульман-суннитов, объединяющую 500 мечетей по всей Великобритании, Исламский фонд (*The Islamic Foundation*), Национальный консультативный совет мечетей и имамов (*The Mosques and Imams National Advisory Board*). У британских мусульман имеются и свои правозащитные, студенческие, молодежные структуры, что превращает их во влиятельного актора и субъекта формирования британо-исламского дискурса.

* * *

В научном дискурсе представлен анализ процессов, происходящих в британском обществе, имеющих стратегическое значение с точки зрения ответственного развития. Такие общенациональные проблемы Британии, как миграция и демография, сепаратистская угроза Шотландии и других стран Соединенного Королевства, *Brexit*, сопрягаются с вопросами мусульманской иммиграции, образования, гендерного равенства и радикализации мусульманской молодежи, которые активно об-

суждаются в британском научном дискурсе. Между тем размежевание переходит в разлом, а разлом преобразуется в раскол, ведь стремление новых поколений мусульман интегрироваться в британское общество ослабевает, а глобализация и информационно-коммуникационные технологии только способствуют этому.

Ключевая проблема – минимизация негативных эффектов разделений британского общества – сопряжена с вопросом об интегральном ответе на совокупность вызовов с учетом их кумулятивного эффекта. В качестве своеобразной квинтэссенции анализа представленного дискурса можно считать мысль о необходимости “собрания” британского общества посредством скоординированных планомерных действий на всех уровнях – от международного до локального. “Коренным”

и мигрантам с их потомками придется отойти от патерналистско-жертвенных моделей взаимодействия. Эффект скорее будет от партнерства, что предполагает ответственность всех участников. Именно поэтому научный дискурс по социокультурной идентичности особенно активно выходит за рамки академической среды и выполняет политическую функцию, стимулируя практические изменения.

Представленный в статье анализ этих дискурсов вселяет умеренный оптимизм. Хотя британское общество разделено, но британский научный дискурс по проблеме преодоления разделительных социокультурных линий по-прежнему представляет собой общую платформу, где исследователи разного происхождения и вероисповедания успешно ведут диалог.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества. *Политическая наука*, 2016, № 1, сс. 15-33. [Kudryashova I.V. How to Accomplish Stability in Divided Societies. *Political Science*, 2016, no. 1, pp. 15-33. (In Russ.)]
2. Rokkan S., Lipset M. *Party Systems and Voter Alignments*. New York, Free Press, 1967. 570 p.
3. Липсет М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. *Партии и выборы: Хрестоматия, Ч. 1*. Москва, ИНИОН, 2004, сс. 49-80. [Lipset M., Rokkan S. Division Structures, Party Systems, and Voter Preferences. *Parties and Elections: A Textbook. Part 1*. Moscow, INION, 2004, pp. 49-80. (In Russ.)]
4. Lijphart A. *Democracy in Plural Societies*. New Haven, Yale University Press, 1977. 258 p.
5. Понамарева А.М. Заседание секции “Разделенные общества в разделенном мире: ценности, идентичности, образы будущего” (V международный научно-экспертный форум “Примаковские чтения”: возвращение к конфронтации: есть ли альтернативы?”, 10–11 июня 2019 г.) (отчет). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*, 2019, № 4, сс. 135-139. [Ponamareva A.M. Session of the Section “ Divided Societies in a Divided World: Values, Identities, Images of the Future”. (V International Scientific and Expert Forum “Primakov Readings”: Return to Confrontation: Are There Any Alternatives? “, June 10–11, 2019) (report). *Social and Humanities Sciences. Russian and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, 2019, no. 4, pp. 135-139. (In Russ.)]
6. *Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития*. 04.08.1987. [Report of the World Commission on Environment and Development: *Our Common Future*. 04.08.1987. (In Russ.)] Available at: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (accessed 08.01.2021).
7. Семенов И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. *Политические исследования*, 2019, № 3, сс. 7-26. [Semenenko I.S. Horizons of Responsible Development: From Discourse to Governance. *Polis. Political Studies*, 2019, no. 3, pp. 7-26. (In Russ.)] DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02
8. Whyte I. *Migration and Society in Britain, 1500–1830*. London, St. Martin’s Press, 2000. X, 198 p.
9. Морган К., ред. *История Великобритании*. Москва, Весь Мир, 2007. 680 с. [Morgan K., ed. *The Oxford History of Britain*. Moscow, Ves’ Mir, 2007. 680 p. (In Russ.)]
10. Luu L. *Immigrants and the Industries of London, 1500–1700*. Burlington, VT, Ashgate, cop. 2005. xiii, 366 p.
11. Федоров С.Е. Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время. *Вестник СПбГУ. Сер. 2*, 2013, вып. 3, сс. 75-81. [Fedorov S.E. British Identity/Identities in the Early Modern Period. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2013, iss. 3, pp. 75-81. (In Russ.)]
12. Браун Г. Что значит быть британцем. *Россия в глобальной политике*, 2006, № 5. [Braun G. What It Means to Be British. *Russia in Global Affairs*, 2006, no. 5. (In Russ.)] Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/chto-znachit-byt-britancem/> (accessed 10.10.2020).
13. Бородай С. Ислам в Великобритании. *Ислам в современном мире*, 2014, № 1, сс. 69-74. [Borodai S. Islam in Great Britain. *Islam v sovremennom mire*, 2014, no. 1, pp. 69-74. (In Russ.)]
14. Research Report on Population Estimates by Ethnic Group and Religion. *Office for National Statistics*. Available at: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/articles/researchreportonpopulationestimatesbyethnicgroupandreligion/2019-12-04#population-estimates-by-ethnic-group> (accessed 09.10.2020).

15. Орлов А.А. Проблема сепарации на современном этапе (На примере Шотландии и Каталонии). *Обозреватель – Observer*, 2015, № 1, сс. 67-80. [Orlov A.A. The Problem of Secession at the Present Stage (On the Example of Scotland and Catalonia). *Obozrevatel' – Observer*, 2015, no. 1, pp. 67-80. (In Russ.)]
16. Paul D.E. The “Civic” Road to Secession: Political Ideology as an Ethnic Boundary Marker in Contemporary Scotland. *Nationalism and Ethnic Politics*, 2020, no. 2, pp. 167-182. DOI: 10.1080/13537113.2020.1753327
17. Кинг Ч. Шотландская игра. Стремление Эдинбурга к независимости и будущее сепаратизма. *Россия в глобальной политике*, 2012, № 6, сс. 56-66. [King Ch. The Scottish game. Edinburgh’s Desire for Independence and the Future of Separatism. *Russia in Global Affairs*, 2012, no. 6, pp. 56-66. (In Russ.)] DOI: 10.1016/j.jpubeo.2019.104073
18. Шотландия планирует провести новый референдум о независимости. *Российская газета*, 03.09.2020. [Scotland Plans to Hold a New Independence Referendum. *Rossiiskaya Gazeta*, 03.09.2020. (In Russ.)] Available at: <https://rg.ru/2020/09/03/shotlandiia-planiruet-provesti-novyyj-referendum-o-nezavisimosti.html> (accessed 22.09.2020).
19. Харитоновна Е.М. Политическая ситуация в Британии через призму общественного мнения. *Современная Европа*, 2020, № 1, сс. 123-134. [Kharitonova E.M. Weariness and Disillusion: Political Situation in Britain through the prism of Public Opinion. *Contemporary Europe*, 2020, no. 1, pp. 123-134. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12020123134>
20. Нечаева А.А. Национальная партия Уэльса и трансформация валлийскости: механизм сохранения национальной идентичности в XX в. *Вестник Томского государственного университета*, 2020, № 455, сс. 109-116. [Nechaeva A.A. The National Party of Wales and the Transformation of Welshness: The Mechanism of Maintaining National Identity in the 20th Century. *Tomsk State University Journal*, 2020, no. 455, pp. 109-116. (In Russ.)] DOI: 10.17223/15617793/455/16
21. Gehring K., Schneider S.A. Regional Resources and Democratic Secessionism. *Journal of Public Economics*, 2020, vol. 181. DOI: 10.1016/j.jpubeo.2019.104073
22. Приступ центробежности: Перспектива распада Соединенного Королевства выглядит все более реальной. *Коммерсант. Огонек*, 09.11.2020. [A Bout of Decentralization Force: The Prospect of a Break-up of the United Kingdom Looks Increasingly Real. *Kommersant.Ogonek*, 09.11.2020. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4557919> (accessed 29.01.2021).
23. *UK Population. Mid-year Estimate (2019)*. Office for National Statistics. Available at: <https://www.ons.gov.uk/> (accessed 08.10.2020).
24. *Religion in England and Wales 2011*. Office for National Statistics. Available at: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/religion/articles/religioninenglandandwales2011/2012-12-11> (accessed 30.12.2020).
25. A Review of Survey Research on Muslims in Britain. *IPSOS MORI*. (2018). Available at: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2018-03/a-review-of-survey-research-on-muslims-in-great-britain-ipsos-mori_0.pdf (accessed 30.12.2020).
26. *Table 1. Religion in Great Britain*. 02.08.2018. Office for National Statistics. Available at: <https://www.ons.gov.uk/aboutus/transparencyandgovernance/freedomofinformationfoi/muslimpopulationintheuk//> (accessed 28.01.2021).
27. Iqbal J. The Diverse Origins of Britain’s Muslims. *BBC*, 18.01.2016. Available at: <https://www.bbc.com/news/uk-33715473> (accessed 28.01.2021).
28. Strabac Z., Aalberg T., Valenta M. Attitudes towards Muslim Immigrants: Evidence from Survey Experiments across Four Countries. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 40, no. 1, pp. 100-118. DOI: 10.1080/1369183X.2013.831542
29. Jørgen N. Muslims in Britain: Searching for an identity? *New Community*, 1987, vol. 13, no. 3, pp. 384-394. DOI: 10.1080/1369183X.1987.9975994
30. Barder Ch. *Islam in Britain*, Part I: The Situation. Ariel Center for Policy Research. Available at: <http://www.acpr.org.il/madorim/0902-UK-barderE2.pdf> (accessed 28.01.2021).
31. Andreescu V. Attitudes toward Immigrants and Immigration Policy in United Kingdom. *Journal of Identity and Migration Studies*, 2011, no. 2, pp. 61-85.
32. Moghiss H., Ghorashi H., eds. *Muslim Diaspora in the West. Negotiating Gender, Home and Belonging*. London, New York, Routledge, 2016. 223 p.
33. *Contextualising Islam in Britain II*. University of Cambridge in Association with The Universities of Exeter and Westminster. January 2012. Available at: <https://web.archive.org/web/20140323044028/http://www.cis.cam.ac.uk/assets/media/cib2-complete-report.pdf> (accessed 19.05.2021).
34. Joppke Ch. *Immigration and the Nation-State. The United States, Germany and Great Britain*. Oxford, Oxford University Press, 1999. 364 p.
35. Imène A. Muslims in France and Great Britain: Issues of Securitization, Identities and Loyalties Post 9/11. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 2014, vol. 34, no. 2, pp. 123-133. DOI: 10.1080/13602004.2014.911583
36. Maxwell R. *Ethnic Minority Migrants in Britain and France: Integration Trade-offs*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 262 p.
37. Morris M. Building a post-Brexit Immigration System for the Economic Recovery. November 2020. *IPPR*. Available at: <https://www.ippr.org/research/publications/post-brexit-migration> (accessed 09.01.2021).

38. New Migration System Risks Covid Economic Recovery Due to Curbs on Carers and Key Workers, Warns IPPR. November 2020. *IPPR*. Available at: <https://www.ippr.org/news-and-media/press-releases/new-migration-system-risks-covid-economic-recovery-due-to-curbs-on-carers-and-key-workers-warns-ippr> (accessed 09.01.2021).
39. Timol R. Ethno-religious Socialisation, National Culture and the Social Construction of British Muslim Identity. *Contemporary Islam*, vol. 14, iss. 3, pp. 331-360. DOI: 10.1007/s11562-020-00454-y
40. Reddie R. *Black Muslims in Britain*. Oxford, Lion Hudson, 2009. 272 p.
41. Carr H. "I Think You Have Ignored the Relevant Provisions of the 1944 Education Act": Muslims, the State and Education in England. *Contemporary British History*, 2021, vol. 35, pp. 52-71. DOI: 10.1080/13619462.2020.1799351
42. Lahmar F. Islamic Education: An Islamic "Wisdom-Based Cultural Environment" in a Western Context. *Religions*, 2020, vol. 11, iss. 8, pp. 1-15. DOI: 10.3390/rel11080409
43. Stott P. *Rising Islamism in British Schools Threatens Free Speech*. 31.03.2021. Available at: <https://spectator.org/batley-school-muhammad-blasphemy-codes-islamism/> (accessed 02.04.2021).
44. Breen D. Critical Race Theory, Policy Rhetoric and Outcomes: The Case of Muslim Schools in Britain. *Race Ethnicity and Education*, 2018, vol. 21, iss. 1, pp. 30-44. DOI: 10.1080/13613324.2016.1248828
45. Sidat H. Between Tradition and Transition: An Islamic Seminary, or Dar al-Uloom in Modern Britain. *Religions*, 2018, vol. 9, iss. 10. DOI: 10.3390/rel9100314
46. Cheruvallil-Contractor S. Women in Britain's First Muslim Mosques: Hidden from History, but not without Influence. *Religions*, 2020, vol. 11, iss. 2. DOI: 10.3390/rel11020062
47. Gill A.K., Harvey H. Examining the Impact of Gender on Young People's Views of Forced Marriage in Britain. *Feminist Criminology*, 2017, vol. 12, iss. 1, pp. 72-100. DOI: 10.1177/1557085116644774
48. Bi S. More than "Multiple Jeopardy": Navigating the Legal System as a British-Muslim-woman-litigant-in-person. *Journal of Muslims in Europe*, 2019, vol. 8, iss. 3, pp. 247-264. DOI: 10.1163/22117954-12341403
49. Liberatore G. Guidance as "Women's Work": A New Generation of Female Islamic Authorities in Britain. *Religions*, 2019, vol. 10, iss. 11. DOI: 10.3390/rel10110601
50. Shah S. "I Am a Muslim First ..." Challenges of Muslimness and the UK State Schools. *Leadership and Policy in Schools*, 2018, pp. 1-16. DOI: 10.1080/15700763.2017.1398335
51. Ившина О. Молодые мусульмане в Британии – агрессоры или жертвы? *BBC. Русская служба*, 04.07.2017. [Ivshina O. Who are young Muslims in Britain – aggressors or victims? *BBC*, 04.07.2017. (In Russ.)] Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-40195094> (accessed 12.02.2021).
52. Siddiqui A. *Muslims In Britain: Past and Present*. Available at: <https://muslimpopulation.com/library/History/Muslims%20In%20Britain.pdf> (accessed 10.01.2021).
53. Parekh B. Does Islam Threaten Democracy? *Project-Syndicate*, 11.07.2003. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/parekh1/Russian> (accessed 10.01.2021).

**"A DISUNITED KINGDOM": THE MUSLIM DIASPORA
OF GREAT BRITAIN IN SCIENTIFIC DISCUSSION**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 120-130)

Received 15.02.2021.

Maksim I. SIGACHEV (maxsig@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Sergey P. ARTEEV (artsp7@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The present world is characterized by the growth of conflicts. Dividing lines and fractures are increasingly appearing in societies. Migration reinforces such phenomena. The West is no longer an area of stability and prosperity. Moreover, in the last two decades, the problem of integrating the descendants of migrants into society has become clear. In this regard, the scientific discussions of cultural identity acquire a high practical significance. The paper presents an analysis of the scientific discourse on the Muslim issue in the UK. The choice of the case is due to the fact that the UK is a typical Western state, where there is a steady trend to strengthen the cleavage of society. At the same time, it is noted that migration has become one of the key processes in the history of the United Kingdom. The authors apply the concepts of a divided society and responsible development. It is noted that in practice multiculturalism is changing to interculturalism as a more adequate concept of solving existing problems. According to the authors, the ethno-religious discourse on the issue of the Muslim diaspora in the UK consists of four areas: migration, school and higher education, gender, and radicalization of young people. Discourses on the problems of migration policy and functioning of diasporas, Muslim education, gender equality, and radicalization of Islamic youth can be considered derived from a higher discourse – the discourse of identity, which is based on value-worldview aspects. In conclusion, it is noted that negative processes are taking place in British society, which are of strategic importance for

responsible development. According to the authors, success in overcoming divisions in British society will depend on coordinated planned actions at all levels (international, national, regional, local). "Indigenous" residents and the Muslim diaspora need to build a model of partnership, which implies mutual responsibility. The analysis of scientific discourses presented in the article inspires moderate optimism, as it offers well-founded and concrete solutions to the existing problems of British society. Although British society is divided, British scientific discourse has a common platform where researchers of different backgrounds and faiths successfully engage in dialogue.

Keywords: sociocultural identity, Great Britain, United Kingdom, Islam, British Muslims, multiculturalism, interculturalism.

About authors:

Maksim I. SIGACHEV, Candidate of Political Science, Researcher.

Sergey P. ARTEEV, Candidate of Political Science, Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-120-130

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ И СМЕЖНЫЕ ФЕНОМЕНЫ (Контурсы терминологического поля)

© 2021 г. П. Осколков

ОСКОЛКОВ Петр Викторович, кандидат политических наук,
Институт Европы РАН, РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3 (petroskolkov@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 22.12.2020.

Рассмотрен феномен политизации этничности и смежные процессы – этнополитическая мобилизация (наряду с панэтнической мобилизацией и этнической демобилизацией), этнизация политики и иных сфер социальной жизни в политических целях. Автор исходит из конструктивистского и этносимволистского подходов. Анализируются природа, стадии развития и структура указанных процессов, предпринята попытка их концептуализации. Обращается внимание на взаимосвязь данных процессов в терминологическом поле политической науки и на необходимость их различения и адаптации к ним этнополитических стратегий.

Ключевые слова: этничность, политизация этничности, этнизация политики, этнополитическая мобилизация, этническая политика, этносимволизм.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138

Этничность – одна из основных характеристик современных социальных общностей. До сих пор периодически встречаются мнения, высказывания и устремления, представляющие этничность как нечто устаревшее, “вышедшее из моды” и неактуальное в нашем космополитичном мире [1]. Однако в последние десятилетия наблюдается явление, получившее название *этнического парадокса современности*: казалось бы, отошедшие в архаику концепты с новой силой заявляют о себе, приводят к человеческим трагедиям, способствуют созданию новых государств и в целом совершенно не спешат в уготованную им могилу. Одна из наиболее интенсивных (по срокам истребления) этнических чисток последних веков (геноцид тутси в Руанде) произошла в 1994 г.; несколько десятков национальных государств было создано на протяжении 1990-х годов, причем за основу часто брался именно этнический принцип; наконец, сепаратистские устремления ряда регионов Европы, Северной Америки, Юго-Восточной Азии, которые вновь актуализировались в 2000-е годы, основаны именно на этнических лозунгах [2, с. 147]. Происходит как политизация этничности, так и этнизация политики, а также иных сфер жизни, напрямую не связанных с этническими характеристиками, таких как спорт [3] или бизнес [4]. Наряду с этим вновь приобретают актуальность этнополитическая мобилизация и связанные с ней процессы. Для понимания этнополитической динамики современного мира и корректной концептуализации соответствующих явлений необходимо более детально рассмотреть каждый из упомянутых феноменов и поместить их на соответствующие участки терминологического поля.

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Именно *политизация* вводит этничность в парадигму общественно-политических наук. Ее можно определить как *наделение этничности политическими функциями*. Также необходимо упомянуть и сходный по смысловому наполнению термин *этнополитическая мобилизация*, который подразумевает *стимулирование определенных общественных настроений путем задействования этнической идентификации*. М. Эсман подчеркивает, что посредством этнополитической мобилизации этническая группа становится “коллективным субъектом”, который обладает возможностями для осуществления политических действий. Иными словами, во всех случаях, когда этнос заявляет о себе как о политической силе (а не только как о любопытном экспонате в антропологическом музее), речь идет о политизации этничности и об этнополитической мобилизации [5, р. 24]. Разница между этими понятиями лежит на поверхности: политизация этничности – понятие более широкое, не обязательно подразумевающее мобилизацию; то есть всякая мобилизованная этничность политизирована, но не всякая политизированная этничность мобилизована. Этничность, по замечанию А.И. Тэвдой-Бурмули, может “погружаться в сон” и “просыпаться” [6, с. 16]. Позволим себе скорректировать этот тезис: этничность не “спит” никогда, просто при отсутствии тех или иных стимулов она может довольствоваться культурными проявлениями своей сущности. Разумеется, речь идет об уже возникших и сформированных этнических группах; те, которым еще предстоит возникнуть

(в рамках конструктивистской парадигмы), также не “спят” — они просто (еще) не существуют.

Политизация этничности может быть как дискурсивной, так и недискурсивной [7, р. 4]. Однако эти виды политизации взаимосвязаны: если этничность политизируется в дискурсе, если те или иные явления в коммуникации наделяются этническими смыслами, то рано или поздно произойдет и политизация в правовой, административной и институциональной сферах. Верно и обратное: если политизация “сверху” проводится в сфере административной и институциональной структуры, этот процесс неизбежно создаст дискурсивные смыслы и практики.

Политизируется этничность, как правило, реактивно, в ответ либо на крупномасштабные общественно-политические потрясения, которые требуют от этнических групп определенного поведения, чтобы они не оказались ущемлены в своих правах, либо на репрессивную политику со стороны “национализирующего государства” (государства, стремящегося стать “(моно)национальным” [8]). Так, баскское и каталонское национальные движения политизировались и приобрели наиболее активную политическую форму именно в ответ на репрессии со стороны режима Ф. Франко (возникнув, впрочем, гораздо раньше [9]); то же произошло и с фламандским и бретонским национальными движениями в ответ соответственно на бельгийскую и французскую централизаторскую политику. Характерны эти явления не только для Европы: как реакция на репрессивную политику, активизировалось берберское национальное движение в алжирской Кабилии [10], получили популярность курдские националистические движения в Турции и соседних странах. В. Нансонго рассматривает мобилизацию как результат сочетания “глубинного недовольства” (относительно реализации права на политический контроль над собственным сообществом, включая языковую, культурную и ресурсную политику, а также права на равную долю в распределении национальных материальных и символических ресурсов) с политическими возможностями (доступ к политической власти, нестабильная или меняющаяся государственная структура, наличие влиятельных союзников) и ресурсами (сформированная идентичность, наличие активной политической элиты, доступ к финансовым ресурсам и средствам коммуникации) [11, р. 18]. С другой стороны, “политические конструктивисты” (также данная парадигма именуется инструменталистской) скорее склонны рассматривать в качестве причины политизации этничности целенаправленную манипулятивную деятельность элит. Результатом такой деятельности может стать политизация идентичности как этнических меньшинств, так и доминирующего этноса. Хрестоматийный пример политизации доминантной идентичности — правовая

и дискурсивная политизация этничности так называемых бумипутра (“сынов земли”): в конституции Малайзии за этой этнической группой (около 65% населения) закреплены специализированные квоты и привилегии [12].

Вероятно, манипуляции общественным сознанием и реакции на ту или иную политику — взаимосвязанные явления, и к политизации этничности обычно приводит совпадение множества факторов. Таким образом, предварительно суммируя, мы можем выделить следующие *основные факторы этнополитической мобилизации* (список, безусловно, не исчерпывающий): *недовольство этнической группы различными аспектами собственного статуса, политические возможности, материальные и нематериальные ресурсы, целенаправленные действия этнополитических элит.*

Подвергаться политизации может не только “узко понимаемая” этничность (собственно этничность), но и паннациональная квазиэтническая идентичность (то есть выходящая за пределы одной этничности, объединяющая несколько этничностей в единый лингвокультурный конгломерат): говоря о существовании умозрительной панэтнической общности славян, тюрков, кельтов или финно-угров, мы говорим именно о панэтнической мобилизации. В определенные периоды истории панэтническая мобилизация может быть очень значимой: так, панславистская идеология сыграла важную роль в развитии чешского, словацкого, хорватского и словенского национальных движений. Пантюркизм имеет огромный смысл для внутренней и внешней политики как Турции, Азербайджана и тюркских государств Центральной Азии, так и соседних нетюркских стран, в состав которых входят или входили преимущественно тюркские по населению регионы, — России, Молдовы, Украины [13]. Панфинно-угорское движение не столь влиятельно в политической плоскости, однако его функционирование и существование, безусловно, способствует росту (или, по крайней мере, поддержанию на прежнем уровне) этнического сознания финно-угорских народов России, Скандинавии и собственно финно-угорских государств [14]. Еще более низка степень политизации панкельтизма, стремящегося к активизации политического и культурного сотрудничества кельтских регионов Европы [15].

Дж. Ротшильд считал, что рост этнополитической активности связан с политической и экономической модернизацией второй половины XX в., точнее, с неравномерностью этой модернизации: необходимость борьбы за ресурсный потенциал оказалась подкреплена “окном возможностей”, открывшимся в результате модернизационных процессов [16]. Однако подобный подход подра-

зумеает “пробуждение” этничности в достаточно определенный момент истории; тем не менее “пробуждение” и “угасание” этничности — это циклический процесс, происходящий столько, сколько существуют этносы, и привязывать мобилизацию к конкретному историческому моменту вряд ли целесообразно.

Не стоит полагать, что этнополитическая мобилизация всегда подразумевает конфликтное развитие. Если этничность приобретает политические функции, как правило, конечной целью этого процесса является повышение статуса этноса в соответствующем государстве. В такой ситуации многое зависит и от стратегии, избранной самой этнической группой (если баски и корсиканцы предпочли прибегнуть к террору, то фламандцы и каталонцы действовали преимущественно в рамках закона), и от ответных мер со стороны государства. Предоставляя этническим группам, ранее ущемленным в правах (или формирующим соответствующий образ), большую автономию или гарантии политического представительства, зачастую государство может нивелировать процесс этнополитической мобилизации. Безусловно, однажды приобретя политические функции, этничность их в краткосрочной перспективе не потеряет; однако конфликта вполне возможно избежать при наличии воли к такому избеганию с обеих сторон. Если речь идет об этнополитической мобилизации, то можно говорить и об этнополитической демобилизации. Любой процесс социальной мобилизации, на каких факторах он ни был бы выстроен, по определению носит кратковременный характер: невозможно постоянно поддерживать группу в мобилизационных условиях, первоначальный этнополитический “заряд” имеет свойство иссякать, а группа — уставать от мобилизованного состояния. И чем быстрее возможный конфликт (если речь идет о конфликте) будет нивелирован, тем быстрее этничность демобилизуется. Оставшись при этом, безусловно, политизированной.

Важно не попасть в распространенную ныне ловушку приписывания политизации этничности и этнической мобилизации целей “расшатывания государства” и прочих неперемennых атрибутов так называемых цветных революций. *Во-первых*, само употребление концепта “цветных революций” весьма проблемно и неоднозначно, так как на первый взгляд во всех случаях протестные акции были вызваны различными причинами, уникальными для каждой страны¹. К примеру, О.Г. Харито-

нова предлагает сократить число казусов “цветных революций”, которые возможно объединить в общую категорию, до пяти (Филиппины, Сербия, Грузия, Украина, Кыргызстан) [18, с. 184]. *Во-вторых*, мы ранее отметили, что в условиях широкомасштабных общественных потрясений этничность политизируется естественным образом: ни одна из социальных групп, в том числе этнических, не хотела бы оказаться проигравшей стороной в обновленном общественном устройстве. *В-третьих*, если массовые протесты вызваны общей неудовлетворенностью существующей политической системой или экономическим положением, логично, что эта неудовлетворенность затрагивает и представителей иноэтничных групп, даже если они не осознают себя как политизированную этническую группу. И, наконец, *в-четвертых*, даже если мы принимаем и используем неоднозначный концепт “цветных революций”, все они произошли сравнительно недавно (в последние десятилетия); политизация этничности, напротив — это процесс, который происходил с того момента, когда этничность стала осознаваться как категория. Сам термин “этничность” (*ethnicity*) возникает в англоязычном научном дискурсе в середине XX в. [19, р. 15]², но идентификация групп как иных, обладающих отличными и наследуемыми культурными характеристиками, имеет место уже в античную эпоху [21, pp. 11-13].

Классик этнополитической науки Дж. Ротшилд выделял следующие этапы политизации этничности (со стороны субъектов этой политизации, которых Ротшилд вслед за Ф. Бартом именовал “этническими предпринимателями”): убеждение группы в том, что политика будет способствовать сохранению ее культурных ценностей, стимулирование их заинтересованности этой связью, создание организованных этнических групп, направление деятельности этих групп на достижение определенных целей на политической арене [16]. Мы позволили бы себе поспорить с классиком и отнести к политизации только последний, четвертый этап, так как предыдущие напрямую не связаны с политической активностью этнических групп. К тому же этничность нельзя свести как к биологической “укорененности” (что свойственно перенниалистской и отчасти примордиальной парадигмам в этнологии), так и к рациональным действиям “этнических предпринимателей” (что характерно для этнологического инструментализма): это свойство/качество/ресурс, имеющий не только сознательный, рациональный, но и бес-

¹ Поскольку трансформации политических режимов — отдельная тема, явно выходящая за пределы предметного поля данной статьи, мы не будем здесь углубляться в существующие терминологические споры. Тем не менее считаем возможным указать, что наиболее существенным фактором, позволяющим объединить события, обычно подразумеваем-

мые под “цветными революциями”, является “требование проведения досрочных выборов либо непризнание итогов проведенных” [17, с. 43].

² В. Соллорс, впрочем, приводит различные примеры и более раннего употребления данного термина [20, pp. 23-24].

сознательный, иррациональный компонент [22]. Как выразился Д. Горовиц, этничность – мощная общность (здесь бы мы также поспорили, так как это скорее не общность, а ее свойство), “способная побуждать как к рациональным, так и к эмоциональным действиям” [23, с. 29].

ЭТНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ И ИНЫХ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ФЕНОМЕНОВ

Идущий рука об руку с политизацией этничности, но не синонимичный ей процесс – это *этнизация политики*, которую можно определить как *привнесение этнических компонентов в политическую сферу*. В отличие от политизации этничности, которая, как правило, исходит от самих этнических групп, этнизация политики может использоваться и государственным аппаратом, изначально лишенным этнических свойств. Оба процесса характерны как для миноритарных, так и для мажоритарных этнических групп, но этнизация политики даже в большей степени свойственна этническому большинству. Как правило, зримо она проявляется в государственной поддержке титульной (или не только титульной) этничности, использовании в политической коммуникации традиционных этнических символов и архетипов. Этнизацию политики логичнее всего было бы поместить в контекст теории этносимволизма, предложенной Э. Смитом: символы и ритуалы, сопровождающие бытие этноса как социальной группы, превращаются из ежедневных бытовых практик в инструментальный ресурс политического администрирования [24, сс. 347-350].

Часто этнизация политики связана со строительством национального государства и выступает в качестве одного из способов национально-государственной консолидации политической общности вокруг титульного этноса. Подобная политика характерна для новых независимых государств во всем мире: от Эстонии, где большое значение в политической коммуникации придается этнической мифологии (в широком понимании) и даже таким формам проявления этничности, как традиционный этнический костюм, до Демократической Республики Конго. Можем вспомнить многолетнего ливийского лидера Муаммара Каддафи, который во время всех официальных визитов одевался в традиционную одежду и жил только в раскинутом неподалеку от места встречи на высшем уровне бедуинском шатре.

Этнизация политики нередко подается как подчеркнутый “возврат к корням” и “поворот к аутентичности”: президент Заира (ныне ДРК) Жозеф-Дезире Мобуту рекомендовал жителям страны мужского пола отказаться от европейских костюмов и носить френч-абакост, а также сменить име-

на на более “заирские”. Президент сам подал пример населению, приняв имя Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду ва за Банга. Курс на “аутентичность” имен и соответствие их этническим корням титульной нации был принят в разные годы в Эстонии (дабы избавиться от немецкого влияния), Израиле (чтобы отринуть связи с диаспорой), Таджикистане (чтобы отместить “советское” наследие в виде славянских окончаний фамилий) и некоторых других странах. К примеру, в Тель-Авиве в 1926 г. (то есть еще до образования Государства Израиль) было размещено объявление со следующим текстом: «Всем, кто испытывает затруднения при смене фамилии на ивритскую, обращаться в Союз защитников языка. Тель-Авив, улица Ахад Ха-Ама, перед гимназией “Герцлия”». После образования Израиль “ивритизация” фамилий, пришедших из диаспоры, была фактически обязательной для высших офицеров Армии обороны Израиль, полков и судей.

Совместно с этнизацией политики часто происходит этнизация прочих элементов социальной жизни, постановка их на службу этнополитической мобилизации. С.А. Арутюнов описывает этот процесс следующим образом: «Если какая-либо группа наберет очень большой вес своих связей за счет нарастания доли тематически неспециализированной информации, она может как бы “пробить” стенку своей воронки, лечь на донный, этнический уровень и стать центром новой, собственной воронки» [25, с. 8]. Иными словами, если связь внутри религиозной, территориальной, социальной и прочей группы очень тесна и не ограничивается соответственно религиозными, территориальными или социальными аспектами, она может стать основой для формирования новой этничности (а промежуточный шаг к этому – именно этнизация). С.А. Арутюнов приводит примеры этнорелигиозных общностей сикхов и хуэй (мусульман ханьского происхождения), этносоциальных общностей цыган и казаков.

Однако этот процесс имеет определенные ограничения. К примеру, *политически мотивированная этнизация религии* возможна и целесообразна только в том случае, если соседние этнические группы (от которых необходимо отгородиться при помощи этномобилизации) исповедуют другую религию либо исповедуют ту же самую, но с меньшим рвением. (Здесь уместно вспомнить о “нарциссизме малых различий” – стратегии поведения общности, стремящейся противопоставить себя близким общностям путем акцентуации даже самых незначительных отличительных черт [26, сс. 242-243].) Так, очевиден смысл определенной политизации ислама в Боснии и Косово, где мусульман-бошняков и косовских албанцев можно было противопоставить православным сербам и католикам-хор-

ватам. Не вызывает вопросов и целесообразность использования подчеркнуто конфессиональной риторики в североирландском конфликте: вопреки распространенному заблуждению, он является в первую очередь не этническим (ирландцы *vs.* англичане), а политическим (фении *vs.* юнионисты) и религиозным (католики *vs.* протестанты). При этом среди этнических ирландцев есть не только республиканцы-католики, но и протестанты-оранжисты, с не меньшим упорством и жестокостью отстаивающие свою точку зрения на будущее северных графств Ольстера [27]. Католическое благочестие в противовес деистическому республиканизму или же социалистическому агностицизму использовалось в (ре)конструировании этнополитической идентичности бретонцев во Франции и фламандцев в Бельгии соответственно. В коллективном политическом сознании бретонцев до сих пор сильна память о Шуанерии — антиреспубликанском вооруженном движении, охватившем Бретань после Французской революции и вдохновленном лозунгами защиты французской монархии и католической веры (этнический характер Шуанерии неоднозначен и оспаривался, в частности, Ч. Тилли [28]; тем не менее, даже если в XVIII в. данное движение не имело частично этнического характера, оно, безусловно, этнизируется сейчас бретонскими этнополитическими элитами). Фламандское же движение во многом продолжает позиционировать себя как оплот здравого консерватизма и “народного католицизма”, в противовес преимущественно “социалистическому” Югу — Валлонии. Даже в межэтническом противостоянии, изначально не имеющем конфессионального компонента, он может быть приобретен и соответствующим образом политизирован, как это произошло в результате этнополитического конфликта в Нагорном Карабахе (Арцахе).

В случае массовых церквей речь может идти также о создании собственной церковной организации, само существование которой призвано подкрепить факт этнической инаковости. В Римско-Католической церкви данные тенденции практически нереализуемы из-за жестко централизованной иерархической системы (однако в рамках РКЦ существует как латинский, так и византийский обряд, и “византийские”, восточнокатолические церкви разделяются по стране функционирования, как, к примеру, Украинская греко-католическая церковь или Мелькитская греко-католическая церковь). Однако в системе православных церквей автокефалия (самоуправление, автономия от какого-либо иного патриархата) часто использовалась в этнополитической мобилизации, как это произошло с Румынской, Болгарской, Македонской, Украинской и некоторыми другими православными церквями. Несмотря на то что фи-

летизм (принесение церковных интересов в жертву политическим и этническим) был осужден как ересь на Поместном Константинопольском соборе в 1872 г., подобные тенденции в мировом православии сохраняются до сих пор [29, сс. 331–372].

Политически мотивированная *этнизация спорта* также тесно увязана с образом тех или иных футбольных клубов в массовом сознании, а также с внешним обликом и происхождением игроков. Чернокожие игроки европейских и североамериканских футбольных клубов могут подвергаться обструкции со стороны фанатского сообщества, но это наиболее видимая тенденция. К примеру, в нидерландском футболе игроки и болельщики амстердамского клуба “Аякс” ассоциируются с евреями (в связи с видимым еврейским присутствием в Амстердаме с начала Нового времени), а “игроков суринамского происхождения комментаторы описывают в манере, заставляющей вспомнить о вековых колониальных стереотипах” [30, р. 168].

Таким образом, этнизации подвергается не только политика, но и другие аспекты человеческой жизни. Используя “этническую оптику” (либо “этницистский взгляд”), мы можем *фреймировать* (то есть задать определенные рамки интерпретации понятия) практически любую общественную сферу. Определенное “фреймирование” этничности, а именно “сознательную маргинализацию группы” (что уже целостных этнополитических стратегий) В.А. Ачкасов называет одним из основных ресурсов этнополитической мобилизации [31, с. 86]. Этнизация сфер жизнедеятельности, не связанных с политикой напрямую, в конечном итоге зачастую все равно приводит к этнизации политики. Так, увязывание этничности с социально-экономическими проблемами, криминогенной обстановкой или конфессиональными противоречиями ведет к привнесению этнического фактора в программы политических партий и широкой эксплуатации этими партиями (прежде всего националистическими и правопопулистскими) “этнической” повестки. Процесс (им)миграции, в первую очередь демографический и экономический, часто имеет этнический характер (в случае очевидной иной этнической принадлежности мигрантов), что влияет на степень актуальности этнополитических вопросов в общественной жизни. Социально обусловленная неприязнь к отдельным представителям иммигрантского сообщества из стран Центральной Азии может вылиться в антиузбекские или антикиргизские сентименты; негативное отношение к отдельным (и часто неверно истолкованным) положениям священных книг различных религий — в этнический негативизм по отношению к этносам, основная масса представителей которых эти религии исповедует. Мысля в заданной таким образом рамке, индивиды начинают испытывать

негативные чувства не просто к иммигрантам как к социальной группе, а именно к мигрантам-узбекам или мигрантам-киргизам, а также к мигрантам-узбекам-мусульманам (и, соответственно, мигрантам-киргизам-мусульманам). Подобная этнизация социальных проблем — прямой путь к формированию ксенофобского и этнонационалистического мировоззрения.

* * *

Путем данных рассуждений мы приходим к выводу о том, что наряду с политизацией этничности (наделением этничности политическими функциями), в том же терминологическом поле находятся сопряженные феномены — этнополитическая мобилизация (стимулирование определенных общественных настроений путем задействования этнической идентификации), этнизация политики (привнесение этнических элементов в политическую сферу) и политически мотивированная этнизация других сфер социальной жизни. Этнополитическая мобилизация — более узкое понятие, чем политизация этничности, так как подразумевает конкретное целеполагание. К основным факторам этнополитической мобилизации относятся: недовольство этнической группы различными аспектами собственного статуса, политические возможности, наличие материальных и нематери-

альных ресурсов, целенаправленные действия этнополитических элит. В рамках этнополитической мобилизации можно также выделить такие явления, как панэтническая мобилизация (апелляция к идентичности не конкретной этнической группы, а конгломерата культурно и лингвистически близких групп) и этнополитическая демобилизация (которой государство может достичь, применяя различные стратегии конфликт-менеджмента и разделения полномочий). Этнизация политики непосредственно связана с политизацией этничности, во многом являясь ее отражением и продолжением. В большинстве случаев она представляет собой инструментальное использование архаических этнических символов и практик, что укладывается в этносимволическую парадигму. В политических целях этнизироваться может не только сам политический процесс, но и другие социальные явления, обладающие мобилизационным потенциалом, такие как религия, спорт, социально-экономические противоречия. Этнизация сопряженных социальных явлений может использоваться как для консолидации, так и для дезинтеграции политики. В особенности она инструментальна для реализации конфликтных сценариев [32, с. 59], посему подобной дискурсивной этнизации феноменов, изначально не имеющих этнической природы, необходимо, по возможности, противодействовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Геллнер Э. *Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники*. Москва, Ad Marginem, 1995. 222 с. [Gellner E. *Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals*. Moscow, Ad Marginem, 1995. 222 p. (In Russ.)]
2. Фабрикант М.С. Национализм в современном мире (сравнительное межстрановое исследование). *Общественные науки и современность*, 2013, № 1, сс. 141-153. [Fabrikant M.S. Nationalism in the Contemporary World (Comparative Cross-Country Study). *Social Sciences and Contemporary World*, 2013, no. 1, pp. 141-153. (In Russ.)]
3. Кильдюшов О. СССР как машина по производству наций: теория и практика (с примерами из советского спорта). *СССР: жизнь после смерти*. Глушенко И.В., Кагарлицкий Б.Ю., Куренной В.А., ред. Москва, Изд-во НИУ ВШЭ, 2012, сс. 89-102. [Kil'dyushov O. The USSR as a Nation-Making Machine: Theory and Practice (With Evidence from the Soviet Sport. *USSR: Postmortem Life*. Glushchenko I.V., Kagarlitskii B.Yu., Kurennoi V.A., eds. Moscow, HSE Press, 2012, pp. 89-102. (In Russ.)]
4. Comaroff J.L., Comaroff J. *Ethnicity, Inc*. Chicago, University of Chicago Press, 2009. 236 p.
5. Esman M. *Ethnic Politics*. Ithaca, Cornell University Press, 1994. 304 p.
6. Тэвдой-Бурмули А.И. *Этнополитическая динамика Европейского союза*. Москва, Аспект Пресс, 2018. 224 с. [Tevdoi-Burmuli A.I. *Ethnopolitical Dynamics of the European Union*. Moscow, Aspekt Press, 2018. 224 p. (In Russ.)]
7. Weber A., Hiers W., Flesken A. *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*. London, Palgrave Macmillan, 2016. 187 p.
8. Брубейкер Р. Национальные меньшинства, национализирующие государства и внешние национальные родственные государства в новой Европе. *Национализм в поздней- и посткоммунистической Европе*. Т. 1. Ян Э., ред. Москва, РОССПЭН, 2010, сс. 149-173. [Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States and External National Homelands in the New Europe. *Nationalism in the Late- and Post-Communist Europe*. Vol. 1. Jan E., ed. Moscow, ROSSPEN, 2010, pp. 149-173. (In Russ.)]
9. Хенкин С.М. *Феномен сепаратизма: опыт Испании*. Москва, МГИМО-Университет, 2017. 109 с. [Khenkin S.M. *Separatism Phenomenon: Spanish Experience*. Moscow, MGIMO University Press, 2017. 109 p. (In Russ.)]
10. Фурсова Е.Н. Берберский вопрос и проблема самоидентификации коренного населения Северной Африки на примере современного алжирского общества. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*, 2018, т. 10, № 2, сс. 254-268. [Fursova E.N. The Berber question and the self-identity problem of the North African indigenous population in the context of contemporary Algerian society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2018, vol. 10, no. 2, pp. 254-268. (In Russ.)] DOI: 10.21638/11701/spbu13.2018.209

11. Nasong'o W. Explaining Ethnic Conflicts: Theoretical and Conceptual Perspectives. *The Roots of Ethnic Conflict in Africa: From Grievance to Violence*. Nasong'o W., ed. London, Palgrave Macmillan, 2015, pp. 11-20.
12. Порошин А.В. Политические механизмы управления этнической гетерогенностью в Малайзии. *Метаморфозы разделенных обществ*. Кудряшова И.В., Харитоновна О.Г., ред. Москва, МГИМО-Университет, 2020, сс. 188-203. [Poroshin A.V. Political Mechanisms of Ethnic Heterogeneity Management in Malaysia. *Metamorphoses of Divided Societies*. Kudryashova I., Kharitonova O., eds. Moscow, MGIMO-University, 2020, pp. 188-203. (In Russ.)]
13. Васильева С.А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность. *Социум и власть*, 2011, № 3, сс. 75-78. [Vasil'eva S.A. Contemporary Pan-Turkism: Theoretical Foundations and Practical Activities. *Sotsium i vlast'*, 2011, no. 3, pp. 75-78. (In Russ.)]
14. Шабаяев Ю.П. Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального. *Мир России. Социология. Этнология*, 2004, т. 13, № 3, сс. 48-70. [Shabaev Yu.P. Constructing the New Finno-Ugric Nationalism: Concurrence Between the Global and the Regional. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2004, vol. 13, no. 3, pp. 48-70. (In Russ.)]
15. Ellis P. *The Celtic Dawn: A History of Pan-Celticism*. Philadelphia, Trans-Atlantic Publications, 1993. 256 p.
16. Rothschild J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. Washington, Columbia University Press, 1981. 290 p.
17. Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. “Цветные революции” в контексте стратегии управляемого хаоса. *Обозреватель-Observer*, 2015, № 12, сс. 38-51. [Ponomareva E.G., Ryabinin E.V. “Color Revolutions” in the Context of the Managed Chaos. *Obozrevatel'-Observer*, 2015, no. 12, pp. 38-51. (In Russ.)]
18. Харитоновна О.Г. Цветные революции в контексте теорий демократизации. *Политическая наука*, 2014, № 3, сс. 184-210. [Kharitonova O.G. Color Revolutions in the Context of Democratization Theories. *Politicheskaya nauka*, 2014, no. 3, pp. 184-210. (In Russ.)]
19. Riesman D. Some Observations on Intellectual Freedom. *American Scholar*, 1953, vol. 23, no. 1, pp. 9-25.
20. Sollors W. *Beyond Ethnicity: Consent and Descent in American Culture*. New York, Oxford University Press, 1986. 298 p.
21. Chapman M., McDonald M., Tonkin E. Introduction – History and Social Anthropology. *History and Ethnicity*. Tonkin E., McDonald M., Chapman M., eds. London, Routledge, 1989, pp. 1-21.
22. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 2009, № 2, сс. 3-17. [Stefanenko T.G. Ethnic Identity: From Ethnology to Social Psychology. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2009, no. 2, pp. 3-17. (In Russ.)]
23. Горовиц Д.Л. Структура и стратегия этнического конфликта. *Власть*, 2007, № 2, сс. 29-38. [Horowitz D.L. Structure and Strategy of Ethnic Conflict. *Vlast'*, 2007, no. 2, pp. 29-38. (In Russ.)]
24. Смит Э. *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Москва, Праксис, 2004. 464 с. [Smith A. *Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism*. Moscow, Praxis, 2004. 464 p. (In Russ.)]
25. Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность. *Этнографическое обозрение*, 1995, № 5, сс. 7-10. [Arutyunov S.A. Ethnicity is an Objective Reality. *Ethnographic Review*, 1995, no. 5, pp. 7-10. (In Russ.)]
26. Фрейд З. *Вопросы общества и происхождение религии*. Москва, Фирма СТД, 2007. 606 с. [Freud S. *Issues of Society and Origins of Religion*. Moscow, Firma STD, 2007. 606 p. (In Russ.)]
27. Doherty P., Poole M. Religion as an Indicator of Ethnicity in Northern Ireland – an Alternative Perspective. *Irish Geography*, 2002, vol. 35, no. 1, pp. 75-89. DOI: 10.1080/00750770209555795
28. Tilly C. State and Counterrevolution in France. *Social Research*, 1989, vol. 56, no. 1, pp. 71-97.
29. Лункин Р.Н. *Церкви в политике и политика в церквях: как современное христианство меняет европейское общество*. Санкт-Петербург, Нестор-История, 2020. 504 с. [Lunkin R.N. *Churches in Politics and Politics in Churches: How Contemporary Christianity is Changing European Society*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020. 504 p. (In Russ.)]
30. Van Sterkenburg J. *Race, Ethnicity and the Sport Media*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2011. 182 p.
31. Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, 2014, № 3, сс. 81-89. [Achkasov V.A. Ethno-Political Mobilization: An Attempt to Conceptualize the Idea. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy, Culturology, Political Science, Law, International Relations*, 2014, no. 3, pp. 81-89. (In Russ.)]
32. Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем. *Политическая экспертиза: Политэкс*, 2013, т. 9, № 2, сс. 41-61. [Achkasov V.A. Ethnopolitical Conflict as a Result of Social Problems' Ethnicization. *Political Expertise: Politex*, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 41-61. (In Russ.)]

**POLITICIZATION OF ETHNICITY AND RELATED PHENOMENA
(Outlines of Terminological Field)**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 131-138)

Received 22.12.2020.

Petr V. OSKOLKOV (petroskolkov@yandex.ru),

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IE RAS), 11/3, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation.

In the article, the phenomenon of the politicization of ethnicity is analyzed, together with the related phenomena, i.e. ethno-political mobilization (including pan-ethnic mobilization and demobilization), ethnicization of politics and of other social fields for political ends. The author works within the framework of constructivist and ethnosymbolist approaches. The nature, dynamics and actor structure of the processes are considered, and an attempt is made to conceptualize them correctly. The author points at the interconnectedness of the phenomena in the terminological field of the political science as well as at the necessity to distinguish them and adapt ethno-political strategies to their variations. The politicization of ethnicity is defined as an attachment of political functions to the ethnic identity. Ethno-political mobilization is different in that it has a particular goal. Main factors stimulating ethno-political mobilization are: dissatisfaction of a group with different aspects of its status, political opportunities, material and non-material resources available, activities of ethno-political elites. Pan-ethnic mobilization employs the wider group identity involving not only actors' own ethnic group but also other groups close to it within a linguacultural cluster. The ethnicization of politics is defined as the inclusion of ethnic components into the political process. Though both politics ethnicization and ethnicity politicization are typical of majority as well as minority groups, the ethnicization of politics is usually conducted "from above" employing memory archetypes and socially significant symbols. Other social identities, namely religion, sport affiliation, etc. are prone to be ethnicized for political goals, but this process has some important constraints. For instance, religion can be ethnicized if a territorially close ethnic group has other religious affiliation or is less devote; ethnicization of sport depends on a specific historical context. Especially the ethnicization of social discrepancies has a conflict potential and is to be prevented by relevant ethno-political management.

Keywords: ethnicity, politicization of ethnicity, ethnicization of politics, ethno-political mobilization, ethnic policy, ethnosymbolism.

About author:

Petr V. OSKOLKOV, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

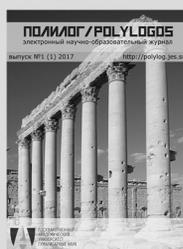
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

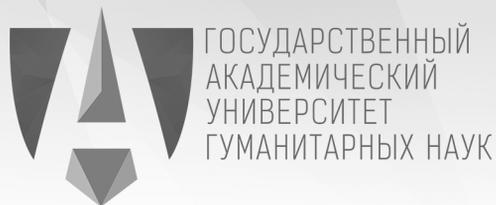
НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaun

instagram.com/gaun_/_

gaun.ru

E-mail: info@gaun.ru

vk.com/gaun

